

II. МІЖДИСЦИПЛІНАРНА ВЗАЄМОДІЯ ПРИРОДНИЧИХ, ТЕХНІЧНИХ ТА СОЦІАЛЬНО-ГУМАНІТАРНИХ НАУК У ВИРІШЕННІ ПРОБЛЕМ СУЧАСНОГО СУСПІЛЬСТВА

Тягло О.В.

ТОЛЕРАНТНІСТЬ В СУЧАСНОМУ СВІТІ: ДОСВІД МІЖДИСЦИПЛІНАРНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ

1. Постановка проблеми

У радянській та пострадянській літературі термін "толерантність" має хоч і широкий, але позбавлений неперервності спектр значень. Вони пов'язуються з окремими явищами в політиці і медицині, в сфері релігійних стосунків тощо.

Інваріант різноманітних значень толерантності традиційно охоплювався поняттям терпимості, що походить від дієслова "терпіти" — стійко та покірливо витримувати фізичні і моральні страждання або навіть ставати нечутливим, завмирати. В академічному "Словнику російської мови" (1984) з поняттям толерантності пов'язане єдине фразеологічне утворення "дім терпимості". Але навіть коли не абсолютизувати поширені негативно забарвлені тлумачення, не можна не визнати, що толерантність-терпимість в кращому випадку має значення вимушено пасивної реакції на будь-яке зовнішнє "відхилення від норми", на, так би мовити, щось "інше". Іманентного позитивного вмісту поняттю толерантності у звичайному випадку не надається.

На такому тлі проголошення ЮНЕСКО Всесвітнього року толерантності (1995) у пострадянському інтелектуальному просторі викликало певне здивування: те, чому, як здавалось, відмовлено у внутрішній позитивності, підноситься до рівня загальнолюдської норми. Тому першим напрямком розв'язання проблеми толерантності виявляється поглиблення досліджень відповідного феномена та поняття про нього. Шлях таких досліджень неодмінно виводить вітчизняного вченого на студії західних колег. Тут ситуація значно відрізняється від тієї, що наявна на пострадянських теренах.

Принцип толерантності — включаючи повагу до індивідів, їх прагнень та свобод — глибоко закарбований в культурі та традиціях Заходу, констатує сучасний дослідник Бренда Елмонд. І пояснює далі: висловлений в етичних, соціальних чи політико-правових термінах, принцип терпимості рекомендує мінімізувати втручання однієї особи або групи в вірування, твердження або поведінку іншої. Особливо це асоціюється з розрізненням суспільної та приватної сфер. Цю дистинкцію у найвідоміший спосіб висловив Джон Стюарт Мілль в своєму есе "Про свободу".²

Вже з цього короткого фрагменту стає зрозумілою як усталеність толерантності в культурі Заходу, так і позитивна забарвленість такої традиції, адже вона прямо пов'язується з фундаментальною цінністю — **свободою особи**. Додаткові роз'яснення знаходимо в ґрунтовній монографії С.Мендус "Толерантність та обмеження лібералізму".

В історії політичної думки лібералізм тісно пов'язується з цінностями індивідуальної свободи та терпимості. Зрозуміло, що терпимість не є виключним надбанням лібералізму: аргументи на її користь передують розвитку лібералізму, проте саме в рамках ліберальної традиції терпимість отримала особливий та привілейований статус. Досить часто ліберала визначають саме як людину, котра цінує свободу, а толерантність розглядає як необхідну умову свободи, підкреслює Мендус.

Та коли цінності лібералізму є чимось більшим за "неясні сентименти" або "загальний світогляд", нам слід пояснити їх узгодженість і дослідити підстави. Ми маємо перевірити вагу аргументів та філософських передбачень, котрі живлять лібералізм в його потязі до терпимості, одразу ж додає вона.³

Отже, хоч усталеність толерантності на Заході не викликає сумніву, проте її статус дотепер не є цілком "прозорим" і вимагає подальших досліджень. Проблемний характер толерантності знайшов однозначне відбиття в назві збірки "Толерантність: невловима чеснота", підготованої міжнародним колективом авторів.

У філософському відношенні толерантність являє собою невловиме поняття, зауважує в передньому слові до зазначеної збірки Девід Хейд. Дійсно, пояснює він свою думку, **в ліберальних спільнотах протягом останніх трьох століть її визнано однією з фундаментальних етичних і політичних цінностей. В сучасній правовій та політичній риторичі вона, як і раніше, посідає сильну позицію. Але наше тверде переконання в цінності толерантності дотепер не обґрунтоване відповідними теоретичними доказами, резюмує вчений.**⁴

Наведені свідчення щодо проблемності толерантності та поняття про цей феномен неважко продовжити і навіть підсилити за гостротою. Але й вже зазначеного досить, щоб зрозуміти невичерпаність дослідження толерантності не тільки у пострадянському науково-філософському просторі, а й у значно багатшому в цьому відношенні доробку західних вчених.

Ситуація проблемності може бути підсилена твердженням щодо **універсального характеру толерантності**. Воно виявилось одним з чинників організації і проведення Міжнародної конференції "Толерантність як культурна універсаль?" в Харкові (травень 1996 року).⁵ Оригінальність мети конференції полягала саме у спробі всебічного обговорення гіпотези щодо універсальної природи толерантності.

Поєднання двох суттєвих ознак — загальнолюдської прийнятності та загальнопредметної значущості — здатне перевести толерантність в статус культурної універсалії. Та у який спосіб можна спробувати вирішити цю складову проблеми толерантності?

З точки зору методології бажане рішення не становить загадки. Слід, по перше, максимально розширити сферу виявлення феномена толерантності. По-друге, необхідно перевести його вивчення з феномено-логічного рівня на рівень сутнісний. Іншими словами, вирішити зазначене питання можна завдяки переходу 1) до систематичного виявлення толерантності в найрізноманітніших областях людської активності, особливо там, де її традиційно не фіксували, і 2) до з'ясування її фундаментальних підстав.

2. Генеза поняття толерантності та його обґрунтування

Розуміння толерантності як терпимості є традиційним, але не вичерпним. Щоб обґрунтувати цю тезу розгляну те, що іще Джон Локк назвав **"правильно досягнутою" або "досконалою толерантністю"**.

Британському мислителю належить базове судження: **правитель ніколи не наказує людям — і було б несправедливим, коли б він вчиняв інакше — присвячувати себе приватним цивільним турботам більше, ніж це є необхідним для блага суспільства, і лише охороняє їх від того, щоб вони не терпіли в цих справах перешкод і шкоди від інших; ось це і є найдосконаліша толерантність.**⁶

Узагальню сказане у такий спосіб: "досконала толерантність" — це не тільки свідоме та позбавлене негативного емоційного забарвлення надання свободи "іншому" в визнаних законом межах, але і захист такого "іншого" від нелегітимного утиску — виявлення антитолерантності.

Як обґрунтувати необхідність толерантності? Історія дає декілька суттєво відмінних відповідей на це запитання. Їх порівнює, наприклад, С.Мендус.

Локк не виробив позитивного доведення терпимості самої по собі як блага, він наводить, в кращому випадку, негативне доведення ірраціональності утиску "інших". Випадок, який він вивчав, є історично специфічним і торкався лише терпимості поміж множиною християнських конфесій. Він мав за мету довести, чому нехтування терпимістю у випадку такого розмаїття є нерациональним, але не його моральну помилковість. Тому на запитання "В чому полягає виправдання толерантності?", Локк не дав повної відповіді: запропоноване ним обґрунтування слугує виправданню релігійної толерантності і, навіть в цій обмеженій царині, він доводить не те, що терпимість — благо, а те, що воно є вимога раціональності.⁷

Отже, Локк обґрунтовує толерантність як дійсний син своєї епохи — епохи Просвітництва. Для нього Розум (Ratio) і Раціональність — понад усе. Навіть у релігійних справах вимога раціонального їх впорядкування, гармонізації як невід'ємного елементу життєдіяльності держави відіграє роль першого принципу і тягне доведення толерантності, так би мовити, "від противного" — через з'ясування нерациональності релігійної інтолерантності.

На відміну від Локка, Мілль занури в своє обґрунтування толерантності в набагато ширший захист позитивної цінності свободи як підстави автономії особи. Без свободи багатство людської природи має виродитися в закліклу одноманітність і індивідууми будуть подавлені не тільки інтолерантними законами, а й нетолерантними суспільними стосунками. Отже, існує критична роль свободи в підтримці автономії особистості, що, за думкою Мілля, й народжує терпимість. Цей напрямок думки є найсильнішим моментом в модерному підході лібералів до терпимості, вважає С.Мендус.

Сьогодні розуміння толерантності поглиблюється далі, наприклад, Полем Рикером. Цей мислитель відмічає необхідність не тільки гарантування свободи легітимному "іншому", а й надання слабкому "іншому" певних переваг для самореалізації. Точніше, *бажане збільшення переваг для більш слабкого має бути компенсоване зменшенням шкоди для сильнішого в опозиції.⁸* Мені здається, що такий хід думки є вельми актуальним для подолання кризових явищ в пост-тоталітарних суспільствах, що викликано підсиленням в них різних видів поляризації (майнової, політичної тощо), а надалі — і для їх цивілізованого поступу.

Від толерантності-терпимості як негативно забарвленої вимушено пасивної реакції та "інше" — через, якнайменше, нейтральне сприйняття та захист "іншого" в законом окреслених рамках — до свідомого надання слабкому "іншому" певних переваг: ось вже досягнуті людством метаморфози толерантності.⁹

Змінюється не тільки уявлення про зміст толерантності, а й обґрунтування цього феномену. Так, Локк доводив необхідність релігійної терпимості як умови **раціонального впорядкування суспільства**, Мілль — як наслідок визнання **свободи автономної людської особи**, сьогодні не вмерли й доказові міркування, що мають **скептичне** забарвлення.¹⁰

Я спробую далі проаналізувати підстави сучасної толерантності, причому специфіка студій буде полягати у залученні до аналізу матеріалу з царини науки — математики та природознавства. У такий спосіб є можливість підсилити гіпотезу щодо універсального статусу толерантності.

3. Гносеологічні підстави вирішення проблеми толерантності в науці

Глибокі аргументи на користь визнання толерантності в науці знайдемо в студіях видатного французького вченого кінця XIX — початку XX століття Анрі Пуанкаре.

Міркування Пуанкаре торкаються, зокрема, проблеми "тлумачення", тобто в сучасних термінах — моделювання поведінки фізичних об'єктів з допомогою ідеальних конструктів. Він дійшов такого висновку: "...коли будь-яке явище припускає якесь одне механічне тлумачення, то воно припускає безкінечну кількість інших, які однаково добре будуть пояснювати всі особливості, що їх відкриває дослід".¹¹ Звідси цілком природно випливає, що об'єктивного або принаймні загальнозначущого критерію безумовного та остаточного вибору одного з незчисленних альтернативних тлумачень не існує, отже вибір ґрунтується в значній мірі на особистих схильностях та вимозі більшої зручності.

Евристичну цінність толерантності в науці засвідчив Нобелівський лауреат з фізики Річард Фейнман. *Кожен порядний теоретик, писав учений, знає шість або сім теоретичних обґрунтувань одних і тих самих фізичних фактів. Він знає, що вони еквівалентні і що ніхто і ніколи не буде в змозі вирішити, залишаючись на цьому ж рівні, яка з цих теорій є вірною, але він пам'ятає про них всіх, сподіваючись, що це підкаже йому різні ідеї для майбутніх здогадок*".¹²

Від констатації плідності толерантності перейду до вивчення суттєвих ґносеологічних причин її введення і закріплення в сучасному науковому пізнанні.

Різноманітні студії витоків плюралізму і толерантності в природознавстві вже виконано Р.Карнапом, П.Фейєрабендом, І.С.Алексєєвим, В.І.Аршиновим, В.О.Лекторським, В.В.Шкодою та ін.¹³ Я розгорну далі своє бачення ґносеологічного розв'язання проблеми, яке спирається, перш за все, на тезу Дюгема-Куйна та поняття фонового знання.

В модерній науці набув розповсюдження спосіб критики і спростування певної гіпотези **Н** через експериментальну фальсифікацію наслідку, що з неї випливає (позначимо його **О**)¹⁴:

$$((\mathbf{H} \circ \mathbf{O}) \cdot \mathbf{O}) \circ \sim \mathbf{H}.$$

Але теза Дюгема-Куйна констатує, перш за все, спрощеність такого бачення і вказує, на необхідність брати до уваги той теоретичний ґрунт, на якому завжди стоїть досліджувана гіпотеза (його часто називають ще "фоновим знанням", "background knowledge") — **А**. Далі слід взяти до відома, згідно з думкою П'єра Дюгема, ще й цілісність знання.

Природознавці ніколи не в змозі піддати емпіричному випробуванню ізольовану гіпотезу, а завжди мають справу з цілою групою гіпотез, стверджував цей мислитель. Тому коли експеримент суперечить передбачуваному наслідку, це свідчить лише про те, що принаймні одна з гіпотез є неприйнятною і має бути модифікована, але цей експеримент не визначає, що саме підлягає зміні.¹⁵ Внаслідок цього маємо:

$$(((\mathbf{H} \cdot \mathbf{A}) \circ \mathbf{O}) \cdot \mathbf{O}) \circ (\sim \mathbf{H} \cdot (\mathbf{S} \mathbf{a})) (\mathbf{a} \mathbf{O} \mathbf{A} \cdot \sim \mathbf{a}).$$

Через фонове знання, усунути яке повністю неможливо, та цілісний характер наявного "тут-і-зараз" блоку інформації кожен окремий експериментальний результат має кілька припустимих тлумачень і тому науковець принципово не в змозі дійти остаточного висновку щодо хибності того чи іншого теоретичного твердження в межах цілого блоку. Інакше кажучи, множинність більш-менш вірогідних тлумачень емпіричного результату чисто когнітивними засобами є нездоланною. Отже, толерантність як принцип взаємин різноманітних наукових позицій одержує суттєве ґносеологічне обґрунтування, здобуваючи у такий спосіб важливий аргумент щодо свого універсального статусу.¹⁶

Визначене у такий спосіб обґрунтування плюралізму і толерантності в природознавстві підлягає критиці з боку Карла Поппера, який, не заперечуючи феномену цілісності знання, вважав його нездатним зашкодити концепції фалібілізму.¹⁷ Але, в свою чергу, й критицизм такого гатунку не уникає певних заперечень, зокрема з боку англійського філософа науки Мері Хессе. Я вважаю, що ця опозиція вносить певні уточнення в одержаний висновок щодо ґносеологічного

підгрунтя толерантності, проте не відкидає його цілком.

З специфікою сучасного пізнавального процесу тісно пов'язана й одна з інституційних підвалин усталення толерантності в науці. Я маю на увазі характерне для другої половини XX століття різке збільшення кількості комплексних наукових колективів, тобто заміну моносуб'єкта як пануючої одиниці наукової активності полісуб'єктом.¹⁸ Цей процес корелює зі зростанням пізнавальної ваги діалогу різних і навіть протилежних позицій. Приклади полеміки Бора та Ейнштейна (1927-1962), бесід Бора та Гейзенберга (1922-1927), дискусії Бора та Фока (1957), які набули вже хрестоматійного значення, демонструють широкий спектр форм діалогу.

4. Онтологічні підстави вирішення проблеми толерантності в науці

Фундаментальні онтологічні міркування щодо непереборної варіативності вибору, в сучасних термінах — плюралізму можливих описів одних і тих самих фрагментів реальності, розвинув Анрі Пуанкаре. Вони ґрунтуються на досягненні факту, що емпіричний перевірці піддається не геометрія сама по собі, а геометрія разом з фізичними законами. Інакше кажучи, природа речей вимагає поєднання того, що раніше вважалось незалежним геометричним та фізичним законами, в фізико-геометричний закон. Тому для пояснення поведінки якогось об'єкта можливо запропонувати знов-таки незчисленну кількість різних варіантів "певна геометрія + від-повідний фізичний закон". Підставою вибору одного з них будуть, як і в наведеному раніше випадку, суб'єктивні уподобання дослідника та вимога більшої зручності. Тому будь-яке конкретне розв'язання проблеми позбавлене абсолютної переваги над множиною інших.

"Коли ми тепер звернемося до питання, чи є евклідова геометрія істинною, то знайдемо, що воно не має сенсу. Це було б все одно, що запитувати, яка система істинна — метрична чи система зі стародавніми мірами, або які координати вірніші — декартові чи полярні. Жодна геометрія не може бути більш істинною, ніж інша; та чи інша геометрія може бути тільки зручною".¹⁹

Думки Пуанкаре з часом знайшли подальший розвиток в студіях філософа науки Ганса Рейхенбаха. Він увів, зокрема, поняття *координативної дефініції*

$$G + F,$$

де *G* позначає певну геометрію, а *F* — відповідний фізичний закон.

Фізика досліджує на питання, яка геометрія є більш простою, а питанням, яка координативна дефініція простіша, уточнює Рейхенбах. І додає далі: *"Здається, що простішою є координативна дефініція $F = 0$, оскільки тоді формула $G + F$ редукується до G . Але навіть такий результат не є суттєвим, оскільки і в цьому випадку простота не є критерій істини. Простота, без сумніву, відіграє в фізиці суттєву роль тільки як критерій вибору між фізичними гіпотезами".²⁰* Отже, хоч вимога простоти і дозволяє вибрати одну з множини гіпотез як більш зручну, проте цей вибір не є абсолютним і безумовним, він не є критерієм істини.

А коли так, то абсолютність будь-якого вибору не є виправданою, поряд з обраною "тут-і-зараз" завжди зберігаються, хоч би в латентній формі, інші можливості, що можуть бути актуалізовані розвитком пізнавальної ситуації або появою нового наукового лідера. В розглядуваній ситуації цей висновок добре простежується ось в чому: коли для Пуанкаре найпростішим було звернення до евклідової геометрії за умови $G = 0$, то вже Рейхенбах вважав простішою "геометрію Ейнштейна" за умови $F=0$ ²¹.

Отже, множину більш-менш прийнятних гіпотетичних наборів $G_i + F_i$, усунути принципово неможливо: вона криється в самій природі речей, яка в загальному випадку визначає лише кінцевий фізико-геометричний закон, а не його складові.

Наступний крок в розвитку вихідної думки Пуанкаре зроблено завдяки розвитку квантової теорії, котра піддала сумніву апіорний, незалежний від природи

розглядуваних явищ характер логіки міркувань **L**. Вироблено таку точку зору: якщо загальна теорія відносності обґрунтувала емпіричний статус геометрії, то квантова механіка надає подібне обґрунтування стосовно логіки.²² Ідучи цим шляхом, доцільно припустити узагальнення коорди-нативної дефініції:

$$G + F + L.$$

Інакше кажучи, природі речей відповідає та визначається нею лише єдиний фізико-геометрологічний закон. Тому множина конкретних варіантів опису реальності визначається не тільки взаємоузгодженими випадками G_i та F_i , а ще й L_i ! Онтологічно виправданим буде толерантно ставитися до кожного елементу відповідної множини, хоч це й передбачає в окремому випадку схильність до якогось одного конкретного варіанту узагальненої координативної дефініції.

Запропоноване узагальнення тягне ще більш фундаментальні наслідки, ніж попередні кроки Пуанкаре та Рейхенбаха. Насправді, по-перше, воно пов'язує в одне ціле фізико-геометричні закони, притаманні "бездушній" природі, і закони мислення. По-друге, у такий спосіб одержуємо обґрунтування припустимості нових різновидів раціональності, оскільки класична логіка вважалась репрезентативним елементом раціональності класичної. Отже, виникають нові підстави визнання толерантності як норми стосунків різних видів раціональності і науковості.

Я вважаю, що через залучення в математизоване природознавство принципів плюралізму та толерантності втілюється одна з з'ясованих раніше можливостей некласичної раціональності. Що ж є її найглибшою онтологічною підставою?

Згадаємо вже відоме: Ейнштейн пов'язав *простір і час*; Пуанкаре і Ейнштейн — *геометрію і фізичні закони*; наступний, хоч поки що досить гіпотетичний, крок — *фізико-геометрологічний закон*. Доречно додати, що один з фундаторів квантової фізики Нільс Бор об'єднав спостережуваний мікрооб'єкт і спостерігача у *цілісну експериментальну ситуацію*. І ще одне: теза Дюгема-Куайна, на яку спирається гносеологічне обґрунтування наукової толерантності, є визнанням цілісного характеру *системи знання*.²³ Отже, принцип толерантності є висновком гносеологічного холізму.

Те, що вважалось самодостатнім і незалежним, посту тово складається в структуровану єдність — **в цілісність Універсуму**. Саме визнання цього феномену надає підстави осягнення не тимчасового і локального, а неусувного і універсального характеру наукового плюралізму та толерантності.

Отже, визнання плюралізму наукових описів та толерантності в стосунках конкуруючих варіантів визначається фундаментальною цілісністю Універсуму та його фрагментів. Такий висновок дозволяє стверджувати, що один з передбачуваних некласичних різновидів раціональності можна назвати холістською раціональністю або ж раціональним холізмом.²⁴

Далі слід підкреслити, що вважати сприйняття досконалої толерантності чисто духовною проблемою було б принаймні наївно. Це тривалий процес, який вимагає взаємного зв'язку духовних, політичних, правових, економічних зусиль різного роду спільнот, інституцій та окремих осіб. Спрямованість цих зусиль — не "замазування" суперечностей, котре насправді лише загострює ситуацію, не "розв'язання" суперечки за рахунок утиску або спроби знищення однієї з його сторін і навіть не завжди "діалектичне зняття" (хоч і цей механізм виключати в загальному випадку нерозумно). Те, що потрібно — сьогодні та в майбутньому — створення усталеного, неухильно діючого механізму інституціалізації розбіжностей суперечностей, встановлення норм життя за умов інституціалізованих суперечностей, які природно еволюціонують, норм досягнення прийнятного для всіх сторін опозиції компромісу.

Чи виключає досягнення компромісу подальші шукання Істини або Блага? Очевидно, ні. Компроміс виключає лише претензію на володіння абсолютом, на відмову в свободі пошуку для "іншого" та нелегітимий його утиск.

Посилання:

¹ Текст підготований за підтримки **Research Support Scheme of the OSI/HESP** (grant 1619/1997).

² Almond B. Councelling for tolerance // Journal of Applied Philosophy. — Vol.14, No 1. — 1997. — P.20.

³ Mendus S. Toleration and the Limits of Liberalism. — 1989: Macmillan. — P.4-5.

⁴ Heid D. Intriduction // Toleration: an elusive virtue/ ed. David Heyed. — 1996: Princeton University Press. — P.3.

⁵ Конференцію було організовано Харківським міським благодійним фондом "Центр освітніх ініціатив", Північно-Східним науковим центром НАН України, Інститутом психології АПН України та Українським філософським фондом завдяки фінансовій підтримці Міжнародного фонду "Відродження" (Програма "Схід-Схід").

Див. збірку матеріалів конференції: Толерантність як культурна універсалія / Ред.-укл. О.В.Тягло, Н.А.Бусова. — Харків, 1996. Звіт про конференцію, підготований О.І.Панченко, надруковано в: Реферативный журнал "Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература". — М., 1996. — №4. — С.116—129.

Ще одним цікавим зверненням до проблеми толерантності була конференція на півночі Російської Федерації — в Якутську. Але її спрямованість відрізнялась від акції в Харкові. Ключовими питаннями якутської конференції були: толерантність та філософія духовності; толерантність в міжетнічних стосунках; толерантність та межі стійкості живих і соціальних систем. Докладніше див. збірку: Толерантність. Матеріали регіональної научно-практичної конференції. — Якутск, 1994.

⁶ Див., напр.: Локк Дж. Опыт о веротерпимости // Локк Дж. Соч. в 3-х т. — М., 1988. — Т.3. — С.68.

⁷ Mendus S. Toleration and the Limits of Liberalism. — P.146-148.

⁸ Рикер П. Терпимость. Нетерпимость. Неприемлемое // Collegium. — Київ, 1995. — N 1-2. — С.3-14.

⁹ Для того, щоб зафіксувати різновиди толерантності, використовують терміни "слабкої" та "сильної" толерантності і т.ін. Я приєднуюсь до точки зору Майкла Дамміта в тому, що доцільно взяти до відома два споріднених, але не тотожних англійських слова: toleration (терпимість) — для позначення толерантності-терпимості та tolerance (толорантність) для позначення досконалої толорантності. Отже, толорантність в широкому розумінні поглинає як свою слабку форму -терпимість, так і сильну — досконалу толорантність. Порівн.: Dummet M. Tolerance // La tolerance aujourd'hui. Analyses philosophiques. — Paris, 1993. — P.17.

¹⁰ Історико-філософські витоки скептичного обґрунтування толорантності див., напр. в: Тягло О.В. Дослідження статусу толорантності в сучасному світі // Економіка. Общество. Рынок. Научные записки Харьковского института управления. - Харьков, 1998. — №3. — С.138-140.

¹¹ Пуанкаре А. Наука и гипотеза // Пуанкаре А. О науке. — М., 1983. — С.137. Щодо поняття ідеальних конструктів та їх ролі в пізнанні див., напр.: Алексеев И.С., Овчинников Н.Ф., Печенкин А.А. Методология обоснования квантовой теории. — М., 1984. — С.31 і далі.

¹² Див.: Фейнман Р. Характер физических законов. — М., 1968. — С.186.

¹³ Див., зокрема: Алексеев И.С. Концепция дополнителности (историко-методологический анализ). — М., 1978. — С.225-231; Лекторский В.А. О толорантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии, 1997. — №11. — С.46-54.

¹⁴ Див.: Wedeking G. Duhem, Quine and Grunbaum on falsification // Can theories be refuted? Essays on the Duhem-Quine thesis. - Dordrecht-Boston, 1976. — P.177—178.

¹⁵ Див.: Duhem P. Physical theory and experiment // Can theories be refuted? Essays on the Duhem-Quine thesis. — Dordrecht-Boston, 1976. — P.8-9.

Куайн, йдучи за Дюгемом, також вважав, що *наші твердження стосовно зовнішнього світу постають перед трибуналом чуттєвого досвіду не*

індивідуально, а як "одне тіло". Див.: Quine W.O. Two dogmas of empiricism // Can theories be refuted? Essays on the Duhem-Quine thesis. — Dordrecht-Boston, 1976. — P.58.

¹⁶ Актуальність толерантності в найновішій фізичній науці на конкретних прикладах дослідження нерівностей Белла продемонстровано в моїх статтях: Тягло А.В. Проблема целостности в квантовой теории // Вестник Московского университета. Сер.7 (Философия). — 1990, №1. — С.41-51; Тягло А.В. Эпистемологическая загадка Белла // Проблемы методологии пост-неклассической науки. - М.,1992. — С.161—170.

¹⁷ Див., напр.: Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.,1983. — С.360-362 та ін.

¹⁸ Див., зокрема: Шкода В.В. Структура субъекта и роль коммуникации в научном познании // Вестник Харьковского университета. — 1986, №291. — С.39-46.

¹⁹ Пуанкаре А. Наука и гипотеза. — С.41.

²⁰ Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. — М.,1985. — С.53.

²¹ Порівн.: Пуанкаре А. Наука и гипотеза. — С.41; Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. — С.53-54.

²² Див.: Панченко А.И. Логико-гносеологические проблемы квантовой физики. — М.,1981. — С.160-161. Див. також: Меськов В.С. Очерки по логике квантовой механики. — М.,1986.

²³ Див.: Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.,1983. — С.361.

²⁴ Див. також: Tyaglo A.V. Rational holism — a cultural innovation? // Philosophy of natural science: A source of cultural innovations. Materials to "Round table". XIX World congress of philosophy (22-28 August, 1993). — Moscow, 1993. — P.10-12.

Евсеев С.Л.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ КОНЦЕПЦИЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ¹

Постмодернистская критика идеи социально-культурного прогресса получает на рубеже тысячелетий подтверждение в распространении различного рода форм неприятия друг друга отдельными индивидами, группами и культурами. Конечно, это не "война всех против всех", но все же такая ситуация закономерно вызывает беспокойность и стремление найти пути для ее преодоления. Одним из понятий, к которому все чаще обращаются исследователи различных областей гуманитарного (и не только [См., например: 2]) знания выступает понятие толерантности. При этом толерантность, как правило, рассматривается в связи и с помощью других понятий. Так, например, В.А.Лекторский анализирует "четыре возможных способа понимания толерантности и плюрализма". Остановимся подробнее на его концепции.

Первое понимание толерантности исходит из разделения рационально доказуемых утверждений (научных, моральных, правовых) и мнений, имеющих внерациональное обоснование (религиозных, метафизических). В отношении первых нельзя быть терпимым, поскольку они могут быть неоспоримо и убедительно для всех установлены и обоснованы. Истинность же вторых не может быть установлена вообще. "Поэтому нужно вести борьбу с действиями, нарушающими разумно установленные правила общежития и вместе с тем проявлять в некоторых пределах терпимость к неразумным взглядам, создавая для тех, кто их придерживается, такие условия, в которых они могли бы сами прийти к признанию истинности того, что может быть бесспорно и универсально установлено". В таком понимании толерантность выступает как "*безразличие* к существованию различных взглядов и практик, так как последние рассматриваются в качестве неважных перед лицом основных проблем, с которыми имеет дело общество" [1, 48-49].

Второе понимание толерантности исходит из отрицания тезиса о существовании резкой границы между истиной и мнением, а также и универсальных истин познания и норм общежития. "Все культуры (и познавательные установки) равноправны, но в то же время и несоизмеримы. Не существует никакой привилегированной системы взглядов и ценностей". Толерантность в данном случае выступает как *невозможность взаимопонимания*, как "*уважение* к другому, которого я вместе с тем *не могу понимать* и с которым я не могу взаимодействовать" [1, 49-50].

Третье понимание ставит под сомнение равенство и несоизмеримость различных систем ценностей и познавательных каркасов. Во-первых, между ними всегда существует взаимодействие, взаимная *критика*. Во-вторых, свою позицию любой человек рассматривает в качестве привилегированной, поскольку "та система норм и взглядов, которой я придерживаюсь, всегда будет соответствовать именно тем структурам и критериям (с помощью которых я и оцениваю преимущества той или иной системы), которых именно я придерживаюсь". Отказ же другого человека принять мою точку зрения "свидетельствует о том, что в каких-то существенных отношениях он мне уступает (менее образован, хуже мыслит, подвержен иррациональным влияниям и т.д.). Я вынужден *терпеть* взгляды, несостоятельность которых я понимаю и могу показать". Здесь толерантность выступает "как *снисхождение* к слабости других, сочетающаяся с некоторой долей *презрения* к ним" [1, 51].

В четвертом случае толерантность понимается как *расширение собственного опыта и критический диалог*. "В действительности, — пишет В.А.Лекторский, — каждая культура, ценностная и познавательная система не только вступает в борьбу с другой системой, но так или иначе пытается учесть опыт другой системы, расширяя тем самым горизонт своего собственного опыта" [1, 51]. И толерантность проявляет себя "как *уважение* к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное *изменение* позиций (и даже в некоторых случаях изменение индивидуальной и культурной идентичности) в результате *критического диалога*" [1, 54].

В.А.Лекторский описывает с помощью указанных моделей существующие концепции толерантности, теоретические схемы. Однако, социальная реальность дает немало примеров поведения, которые не вписываются в эту схему, и, в частности, поведения нетерпимого.

Я хочу показать, что возможны и другие основания для определения толерантности. В качестве примера я предлагаю рассмотреть варианты отношения к Иному, выделяемые через соотношение двух критериев: оценки Иного и меры воздействия на него. Область оценки в данном случае я ограничиваю одним лишь фактом существования Иного безотносительно к его содержанию, т.е. как оценивается, допустим, не то, *что именно* думает другой человек, а то, что он думает *иначе*. Такая оценка может быть позитивной, нейтральной и негативной. Под мерой воздействия я буду понимать противодействие, бездействие и содействие Иному с моей стороны. При этом я не учитываю степень этого воздействия (например, насилие, принуждение). Результаты представлены в следующей таблице:

	Мера воздействия		
Оценка	Противодействие	Бездействие	Содействие*
Негативная	Интолерантность	Пренебрежение	Попустительство
Нейтральная	Нетерпимость	Терпимость	Уважение
Позитивная	"Аутодафе"?	Снисхождение	Толерантность

Некоторые из приведенных понятий достаточно условны, поэтому имеет смысл их раскрыть.

Возможны несколько способов строить свои отношения к Иному. Можно, например, не замечать его. Или делать вид, что не замечаешь. Попустительство или снисхождение, несмотря на кажущуюся разницу, оба предполагает некую ущербность того, к чему они проявляются. Открытого насилия, ни даже принуждения может и не быть. Но оно подспудно присутствует и готово в любой момент выйти наружу. В любом случае, попустительствуют и снисходят лишь те, кто обладает или хотя бы чувствует за собой силу. И здесь, вероятно, скрывается объяснение того удивительного факта, что толерантность (как, впрочем, и даже чаще, интолерантность) проявлялась представителями меньшинства.

Если уважение — это отношение, опирающееся на поиск чего-то общего, то толерантность, безусловно, тяготеет к отличиям. "Уважение — это моральное чувство, которое видит в другом меня самого, разумное существо. Толерантность — принятие в другом того, что его от меня отличает. Уважение адресуется разумному человечеству, толерантность принимает его постоянную изменчивость" [3, 99]. Уважение другого означает видеть в нем себе подобного, при этом отождествление требуется только в одном — в признании чужого человеческого достоинства (или ценности). Но равенство как бы предполагает унификацию, поэтому уважение старается по возможности избежать особых привязанностей.

Обычно понятия "терпимость" и "толерантность", "нетерпимость" и "интолерантность" употребляются как синонимы. Я разделяю их, чтобы выделить некоторые смысловые оттенки. Нетерпимость можно рассматривать как отсутствие терпимости, как нетерпимость. Интолерантность же выступает как сознательное противопоставление толерантности, как негативная ценность, антитолерантность.

Вопреки морфологии понятий "терпимость" и "нетерпимость" на практике все происходит с точностью до наоборот. Именно терпимость характеризуется *не*дением, отсутствием действия, воздержанием от действия, тогда как *нетерпимость* — действием. В общем виде в этом заключается характерное для Нового времени *негативное* толкование терпимости. Положительное содержание толерантности предполагает *действие*, но действие не против Иного, а в его поддержку. В результате то, что раньше оставалось за пределами нашего внимания (существовало вне — все равно, что не существовало), теперь составляет часть нас самих. Терпимость (свобода совести или веротерпимость) является негативным правом, о чем свидетельствуют конституционные нормы политически развитых стран. Толерантность следовательно выступает "правом позитивным". И здесь, как и в других областях, возникает вопрос о гаранте этого права. Если заботу о свободе совести вполне может взять на себя государство, то можно ли ожидать, что появятся некие подзаконные акты, регулирующие помощь Иному. Каким образом необходимо ее оказывать? как определить меру необходимой помощи? где тот предел, за которым забота о другом грозит превратиться в ущемление моих собственных интересов? Должен ли богатый христианин строить синагогу или мечеть для бедных иноверцев? Должен ли глава правительства призывать лидера оппозиции к публичному диалогу и содействовать укреплению его политического авторитета? Должен ли прокурор подыскивать смягчающие вину обстоятельства, если у обвиняемого недостаточно квалифицированный адвокат? "Позитивное право" — скорее идеал, чем реальность. Между "не препятствовать" и "содействовать" лежит огромное расстояние. В первом случае речь идет о волевым акте субъекта, подкрепленном его действительностью. Человек что-то делает — не мешайте ему! Во втором случае существует возможность иждивенческого отношения и даже эксплуатации. Мера содействия очень легко может оказаться больше, чем мера участия заинтересованного лица (со всеми оговорками по поводу его способностей и возможностей). Можно даже представить ситуацию, когда попечение о свободе превращается в принуждение к свободе. Если представить, что будет реализовано правовое регулирование толерантности, то закон будет принуждать одного гражданина не принуждать другого. "Позитивное право" — понятие из области политической риторики. Реальный правовой механизм его

осуществления разработать если и возможно, то, во всяком случае, очень сложно. Но кроме права есть и другие нормативно-регулятивные формы, прежде всего — мораль. Толерантность, таким образом, должна быть выводима и гарантирована этически.

Интолерантность конечна, поскольку предполагает конечное и вполне обозримое число дозволенного или допустимого (оно фиксируется, например, в виде правовых норм). Толерантность неопределенна; признавая право на существование за любой иной точкой зрения, она не может даже гипотетично определить их возможное число. Толерантность, вследствие этого, открыта для перемен, предполагает подвижность самих критериев оценки того, что может или не может быть объектом толерантного отношения.

Еще одна опасность для толерантности кроется в определении ее взаимоотношений с интолерантностью. Интолерантность находится в более выгодном положении, чем толерантность. Она никогда не опасается быть недостаточно интолерантной. Даже в самых небольших дозах она является самой собой. Другое дело — толерантность. Как любое положительное свойство, она всегда в сомнении — достаточно ли она толерантна? Ее недостаток запускает в действие закон перехода количества в качество и нехватка толерантности угрожает ее превращением в иное качество и исчезновением как таковой. То же самое с чрезмерностью. Излишняя толерантность рискует превратиться в попустительство в отношении неприемлемого.

Выводимое таким образом понимание толерантности имеет много общего с четвертым вариантом в схеме В.А.Лекторского: "Взаимодействие с позициями, отличными от моих, сопоставление моих аргументов с аргументами в пользу иной точки зрения выступает как необходимое условие развития моих собственных взглядов. Я уверен в преимуществах своих взглядов, принятых мною системы ценностей, концептуальных рамок. Я пытаюсь демонстрировать эти преимущества. И вместе с тем я допускаю, что в каких-то отдельных моментах я могу заблуждаться. Я даже допускаю и то, что, если встречу такую критику моих взглядов, которая сможет убедить меня в их несостоятельности, я откажусь от них. Я серьезно отношусь к другим взглядам и считаю, что необходимо понять аргументы в пользу иной системы взглядов, как бы мысленно посмотреть на мою позицию с иной точки зрения (не обязательно, для того чтобы отказаться от моей позиции, но для того чтобы найти ее слабые стороны и укрепить мою позицию, развив ее)" [1, 53]. Однако, предлагаемый мной подход позволяет осветить, если можно так сказать, крайнюю степень толерантности, и в то же время обозначить опасности ее абсолютизации. Если я не обязан сам разрушать собственную позицию, систему ценностей, но могу помочь это сделать другому; если не просто не должен загонять оппонента в глухой угол своими аргументами, а оставить ему возможность для их критики или даже прямо указать на нее, то как уловить ту грань, до которой я сохраняю верность собственной позиции, т.е. оставаясь самим собой?

Итак, толерантность в данном контексте характеризуется не только положительной оценкой Иного, но и осознанным содействием ему. В этом смысле она представляется мне весьма близкой пониманию В.А.Лекторским толерантности как критического диалога.

Литература:

1. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. — 1997. — № 11. — С. 46-54.
2. Толерантность как культурная универсалия: Материалы международной конференции. — Харьков, 1996.
3. Younan S. Le piege de la difference // La tolerance aujourd'hui. — P., 1993. — P. 99-103.

Ссылки:

- ¹ Работа подготовлена при поддержке the Research Support Scheme (grant 1619/1997). Of the OSI/HESP.

Карпенко И.В.

МИР НАУКИ И МИР ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В теме "Междисциплинарное взаимодействие естественных, технических социально-гуманитарных наук в решении социальных проблем современного общества" можно выделить две содержательные тематизации: междисциплинарное взаимодействие наук и роль науки в решении социальных проблем. Для нас более значимой представляется вторая, поскольку именно в ней отражена "целевая причина" для первой. Тогда как междисциплинарное взаимодействие наук можно рассматривать как "чисто" научную проблему, решение которой не выходит за границы "мира науки". В свою очередь, к вопросу роли науки в решении социальных проблем можно обозначить два основных подхода. Во-первых, наука вообще не в состоянии решать социальные проблемы общества, многие из которых и возникли-то "благодаря" развитию наук. Во-вторых, поскольку кредит доверия современного общества к науке как одному из средств решения социальных проблем еще не исчерпан, постольку суть проблемы в том, чтобы выяснить, как внутренне должна измениться наука, чтобы быть в состоянии решать, а не усугублять эти проблемы.

Наука как концептуальная реальность разрушает ткань живой реальности. Что касается общественных наук, то они сами конституировались дискредитируя повседневную жизнь, сводя ее к предрассудкам и суевериям. Цель научного дискурса — построение объективной картины социального мира — была достигнута за счет превращения жизни в "мертвый корпус данных" (Н. Козлова). В дальнейшем эта картина мира подвергается неоднократным переинтерпретациям, переводится в "чистый научный дискурс", правится и оценивается в терминах рациональных норм. Теперь самая жизнь не узнает себя в той картине, которую написала с нее наука. Зато наука приобрела право вещать с позиции "научного превосходства", оценивая повседневную жизнь как мир ложных форм, как завесу, за которой находится подлинная реальность социальных связей и отношений. Неизбежными становятся внедрения в жизнь научных проектов в их технико-технологических и политико-экономических определениях. Именно они представляются и как цель общественной жизни, и как ее движущая сила. Здесь и кроется причина появления тех социальных проблем, которые порождаются развитием науки. В этом свете научно-практические конференции с их обязательными рекомендациями для жизни по сравнению, скажем, с проектом поворота рек — это лишь один из самых безобидных вариантов патерналистского отношения науки к ней.

При этом уверенность в своей правоте научный дискурс далеко не всегда черпает только из самого себя. Точным является наблюдение в отношении одной из общественных наук, которой в этом плане "везет" больше других: "... к счастью для социологов, некоторые члены общества, — обычно те, кто обладает финансовой или политической властью, — умеют увидеть пользу, которую можно извлечь из социологических объяснений и применяемых социологами процедур. Обеспечивая социологии постоянную финансовую поддержку, они позволяют социологам твердо верить, что изображаемая ими картина и есть социальный мир, "как он реально существует". Из многообразия социальных объяснений они умеют выбрать те, которые отвечают их практическим интересам, не разрушая при этом весьма удобных для социологов иллюзий" (2, с.188).

Представляется, что содержательный анализ роли науки в решении социальных проблем должен происходить не в плане отношения науки и научной картины мира, а в плане отношения мира науки и мира повседневности. Последний и есть самая жизнь как она протекает непосредственно, вне организующей и рефлектирующей деятельности, в том числе и научной. Речь идет о смене приоритетов. Причем последняя означает не простую инверсию науки и повседневности. Она означает лишь то, что необходимо перестать относиться к миру повседневности как "к архайке", как "к идеализированным, но отжившим

свой век ценностям", как "к сфере культурного грехопадения, где собираются и хранятся своего рода смысловые осадки" (3, с.460).

Как бы по-отечески снисходительно мы не относились к миру повседневности, нельзя не видеть его огромной роли в жизни человека и общества. Он не воплощается ни в каком официальном институте, являясь своеобразной "свободной зоной", которая, тем не менее, успешно защищается от институциональных давлений. Воплощаясь в структуры повседневного сознания и здравого смысла, повседневность не ограничивается ими. Ибо сам мир повседневности — это не просто факт сознания, а особенное образование человеческого бытия, с помощью которого человек входит в общий мир, в пространство непреложных моральных и культурных ценностей. Именно поэтому структуры повседневности делают действительными, реально существующими рационально-институциональные структуры, ставя последнюю точку в деле их легитимации.

Вероятно, принимая во внимание именно эту силу повседневности, Ю.Хабермас считает, что многие социальные проблемы, возникшие как раз в результате освобождения технико-технологической и экономической рациональности, можно решить, если соединить "высокую" культуру специалистов, экспертов с повседневным бытием. Условием такого единения и здравого смысла, что жизненный мир, повседневность изнутри создадут институты, которые ограничат собственную систематическую динамику экономической и руководящей систем деятельности. И если Ю. Хабермас сомневается в том, что "высокой" культуре специалистов экономической и управленческой отраслей повседневность "из себя" сможет что-либо противопоставить, то К.А.Сен-Симон, критикуя рационалистические воззрения 18 века, писал, что "простой здравый смысл руководит лучше, чем ложные научные построения" (4, с.45).

Анализируя взаимосвязь и взаимодействие мира повседневности и мира науки, следует учитывать то, что они конечны, т.е. замкнуты в себе и между ними нет прямой коммуникации. Последнее, по мнению А.Шюца, причина того, что переход от одного мира к другому психологически сопровождается шоковыми переживаниями, потрясением, резким изменением всех психологических валентностей. Но при этом герменевтическая и феноменологическая школы в социологии убедительно аргументировали положение, что повседневное и не повседневное не являются различными онтологическими структурами. Они суть разные реальности лишь постольку, поскольку представляют собой различные типы опыта, т. е. Отсутствие прямой коммуникации между миром повседневности и миром науки еще не означает запрета на поиск тех условий, которые сделают эту коммуникацию и возможной, и взаимно плодотворной.

В этой связи хотелось бы акцентировать внимание на тех характеристиках мира повседневности, не пренебрегая которыми наука только и может рассчитывать на свое участие в решении социальных проблем современного общества.

Во-первых, весь окружающий человека мир сфокусирован для него в социальном мире. Это означает, что он конституируется как таковой лишь при его непосредственном участии. Значения и смыслы социального мира не являются изначально данными человеку. Они вырабатываются. Повседневность и является областью "элементарного" измерения значений и смыслов. Сам процесс приписывания значений одновременно упорядочивает мир для человека и свидетельствует о том, что именно таким образом проинтерпретированное явление и существует в таком виде для человека. Здесь можно сослаться на известную теорему У. Томаса: "Если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям". Другими словами, та или иная ситуация будет для человека проблемной лишь в том случае, если он сам оценивает как таковую. Если же он не оценивает ситуацию как проблемную, любые попытки (от кого бы они ни исходили и кем бы ни освящались) подвинуть его на решение этой проблемы будут оцениваться как насильственные, а значит будут вызывать его сопротивление. В этой связи не лишним было бы

соотнести иерархию социальных проблем, как они видятся человеку повседневности, с тем их реестром, который вырабатывается наукой и различного рода социальными институтами. А сравнивая результаты, удержаться от суждений типа: "он еще не дорос" или "ему просто не дано". Необходимо возвращаться к человеку повседневности, чьи чувства, представления, мысли и деятельность лежат в основе движения любой социальной системы.

Во-вторых, повседневность при всей ее упорядоченности, привычности, интересубъективности имеет также обратную сторону, которой является ее партикулярность. Человеческая повседневность, непосредственное бытие личности в ее специфическом предметном и эмоциональном окружении создают особый тип менталитета индивидуальной жизни, особую нишу для человека, где он может отгородиться и от мап, и от подавляющей социальной инженерии государства. Но эта позитивная сторона повседневности имеет и свою отрицательную. Дело в том, что граница повседневного жизненного мира человека совпадает с границей его ответственности в своем бытии. А это очень узкая граница. Особенно если учесть, что деятельность совокупного человечества давно уже по своим масштабам и результатам стала равной действию природных, космических и геологических сил (В. Вернадский). Отсюда следует, что человек повседневности проникнется адекватным пониманием важности и жизненной необходимости решения тех проблем, которые специалисты-эксперты называют глобальными лишь тогда, когда эти мировые проблемы, мировую боль он воспримет как свою экзистенциальную проблему, экзистенциальную боль. Звучащие неоднократно предупреждения о смертельной опасности, подстерегающей человечество, предупреждения, исходящие, в том числе и от науки, еще не достигли своей цели. Можно, естественно, дожидаться момента, "отеческого": "А мы ведь предупреждали!". Но будет ли кому сказать эти слова и будут ли те, кто их услышит?!

В-третьих, одна из особенностей знания повседневности, по мнению А.Шюца, состоит в том что оно интересубъективно. Последнее раскрывается, кроме всего прочего, и через социальное распределение знания. А. Шюц пишет: "... я знаю, к кому и при каких типичных обстоятельствах я должен обратиться как к компетентному доктору или юристу. Другими словами, в повседневной жизни я конструирую типологию знания другого, их объем и структуру" (5, с.132). Очевидно, что определяя ситуацию как проблемную, человек повседневности не должен исключать научное знание типологии своих знаний. Его отношение к ученому, специалисту-эксперту не должно быть отношением к человеку, который может быть что-то и знает, но его знания для решения конкретных жизненных и повседневных проблем мало чего стоят.

В-четвертых, механизмом, с помощью которого в мире повседневности происходит конституирование социальных явлений, является язык. Он "самое тонкое средство интересубъективного конституирования и сообщения значений" (2, с.237). Эта точка зрения восходит к Б.Уорфу и ее разделяют П.Бергер, Т.Лукман, А.Сикурел, П.Маннинг, А.Шюц. Свой шанс на участие в решении социальных проблем наука может иметь лишь тогда, когда ее язык будет понятен в мире повседневности. Только это даст ей возможность участвовать в определении ситуации как проблемной человеком повседневности. Речь не идет об отказе от метаязыка науки. Речь о том, что он не обладает той универсальностью, которая обеспечит коммуникацию мира науки и мира повседневности. И не надо думать, что таким языком может быть только "язык подсобных рабочих". Оппозиция между языком науки и языком повседневности не должна рассматриваться в терминах заблуждение — истина. Путь развития языка науки — в выработке новых способов "считывания" иных миров опыта человека, а основная когнитивная стратегия науки состоит в восстановлении смыслов и значений мира повседневности с последующим переводом полученного результата в форму и на язык собственной традиции. Появившееся в последнее десятилетие понятие "коммонсенсология" (Маффесоли), вероятно, и

свидетельствует об этом повороте науки к миру повседневности. Если же это попытка "научного приручения" мира повседневности, то она заведомо обречена на провал.

Литература:

1. Новые направления в социологической теории. — М., 1978.
2. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. // Социологос. Социология. Антропология. Метафизика. — М., 1991.
3. Сен-Симон К.А. О промышленной системе. // Избранные сочинения, в 2 т. — М., Л., 1948. — т.2.
4. Шюц А. Структура повседневного мышления. // Социологические исследования, — 1988, — № 2.

Юркевич Е.Н.

ГЕРМЕНЕВТИКА В ДИСКУССИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАУК О ПРИРОДЕ И НАУК О ДУХЕ

История дифференциации знания в области философской методологии и конкретных наук во многом связана с историей герменевтики. В силу специфики предмета — понимания и интерпретации, — герменевтика наряду со многими вопросами пыталась взять на себя и разрешение проблемы взаимосвязи между различными видами и формами познания мира. Для современного состояния межнаучных и междисциплинарных связей актуальна, на наш взгляд, позиция В.Дильтея, от которой началась легализация, оформление методологической базы и поиск взаимодействия гуманитарных наук с традиционной наукой нововременного типа, ориентированной на естествознание и в особенности, на математику.

На сегодняшний день можно выделить несколько видов отношений, сформировавшихся в герменевтике по этому вопросу: противоречие наук о природе и наук о духе (В.Дильтей); конфликт интерпретаций (П.Рикер); синтез методологий на почве социального познания и коммуникативного действия (Ю. Хабермас); сосуществование различий в парадоксальной ситуации постмодерна (Ж. Делез, П.Фейерабенд). Эти виды отношений являются коррелятом трансформации понимания в различных областях знания, т.е. имеют и обратное влияние на предмет герменевтики, в результате чего в возникают новые отрасли герменевтического знания — понимающая социология (М.Вебер) и экономика (Дж.Милль), а также юридическая герменевтика и герменевтика языка, — дополнившие реестр, в который ранее входили филологическая, теологическая, историческая и философская герменевтики.

Каждому историческому этапу герменевтики соответствовали этапы становления методологии гуманитарных наук и особой герменевтической логики. Именно герменевтической логике отводилась определяющая роль в легализации гуманитарного знания и уравнивания статусов двух разделов наук. Благодаря этой логике стало возможным и построение методологии наук о духе. Напомним, что герменевтическая логика включает в себя так называемую историческую индукцию И.М.Хладениуса, затем в 20 — 30 годы XX столетия — герменевтическую логику Г.Миша и Ганса Липпса (см. работу О.Больнова), наследующую идеи и открывающую логические параметры философии жизни Дильтея и Ницше, с одной стороны, и философии языка Хайдеггера, с другой. Последними достижениями в этой области можно считать логику символа (П.Рикер) и логику парадокса (Ж.Делез), которые взаимодействуют с феноменологией и психоанализом.

Логическая база герменевтики, с одной стороны, вторична по отношению к традиционной формальной логике, т.к. в ней любые теоретические построения

представляют своеобразное оправдание тех нарушений или нестрогих форм, которые в формальной логике запрещены. Кроме того во многих аспектах герменевтическая логика использует структуры формальной. Но с другой стороны, герменевтическая логика обеспечивает открытость любой структуры. И в этом плане характеристики незавершенности, вероятности смысла, неопределенности формы тяготеют к позитивной, а не негативной трактовке.

В преломлении герменевтической логики сквозь прагматику языка обнаруживаются продуктивные для практики принципы, по-новому объясняющие универсум дискурса в любого рода областях. Таким образом, в области логики герменевтика демонстрирует и сохранение универсальных форм мышления как констант, которые имеют формальный характер (рациональная сторона понимания и интерпретации), и проявлений жизни, привносящих движение в содержательную область вплоть до переворачивания и нигилизации традиционных значений (иррациональная сторона понимания и интерпретации). В целом взаимодействие константных и неконстантных (ситуативных) форм, различных по происхождению (т.е. когнитивных форм либо способов проявления бессознательного), дает возможность взаимодействия различного рода наук, их взаимопонимания.

На основании найденных логических связей герменевтика значительно расширила и прагматизировала свой предмет и методы. Это позволило открыть в XX веке проблематику межкультурного и социального взаимодействия как взаимопонимания и сосуществования. В значительной степени ключевым явлением здесь была разработка общей теории коммуникативного действия Ю.Хабермаса, основанной на признании дуализма естественных и гуманитарных наук, их объединении путем использования герменевтики и дальнейшего преломления на поле социологии (см. работу Ю.Хабермаса). Таким образом, для решения социальных проблем была выработана принципиально новая методология.

В качестве объекта теперь могли выступать не только литературные, исторические, философские, но и другие тексты, имеющие социальное либо межкультурное значение (такие, например, как юридические законы, Декларация прав человека или политический документ). Если для поэтического текста язык выступал самодовлеющей инстанцией, что ясно показал М.Хайдеггер, а Гадамер узаконил власть языка, указав на его игровую доминанту, то в эмпирико-аналитической науке о действии Хабермас подчеркивает значение метаязыковых инстанций (интерес, ценности), влияющих на взаимопонимание и определяющих его результативность. Таким путем открывается "смысл" социального действия и взаимодействия, а также смысл социально значимого текста. В этой плоскости Хабермас указывает на сложность формализации понимания смысла. Но в то же время и актуализирует понятие "предпонимание", которое заключает в себе "интерес", привносящий в процедуры понимания переживание и ситуативность, объединяющие иррациональное и рациональное. Объединенные усилия нео- и постпозитивистской традиции и иррационализма дали возможность объяснить социальные процессы с точки зрения интеракций и операциональности, которые на базе языковой коммуникации выявили такое явление как интересубъективность. И в этом смысле, по выражению Хабермаса, герменевтика явилась дверью, через которую должна была пройти методология.

Однако не случайным является то, что всяческие связи между областями естественнонаучного и гуманитарного знания находимы и обосновываются прежде всего в области симвонологии и логики. То есть, эти связи носят чисто формальный характер, тогда как на содержательном и мотивационном уровне (или на уровне интереса) они остаются несовместимыми как масло и вода. Не случайно также и то, что герменевтика выходит за рамки семантического анализа текстов в плоскость объяснения возможности сосуществования этих научных областей в общем научном, социальном и культурноисторическом пространствах. Это свидетельствует о том, что герменевты утратили иллюзии относительно взаимопонимания на основании

семантического тождества и приступили к осуществлению проекта, который можно было бы условно назвать "сосуществование и понимание".

Из известных интерпретационных систем используется наиболее "слабая" система — описание (ситуаций), — в которой важны не столько передача или прирост смысла, сколько поиск противоречий в содержании и констатация явления смысла, возникшего не на основании, а вопреки заданному семантическому плану, т.е. смысла, имеющего внеязыковую природу, но и не трансцендентного и не имманентного сознанию (если использовать эти термины в кантовском смысле слова). Для исследователя остаются неясными причины образования этого смысла. Поэтому данный метод нельзя в полной мере назвать научным объяснением. Описание противоречивости ситуаций остается на сегодняшний день единственно возможной и достаточно откровенной акцией разума. В распоряжении рефлексии остается функция установления формальной связи между разнородными объектами. Но здесь есть и свои "правила": разрешено все, кроме конфликта и уничтожения, то есть все, что может прервать сосуществование. Сосуществование берет на себя функции абсолютной идеи. В данном случае понимание чужого интереса в сочетании с определенным рода разумными запретами и разумным либерализмом является гарантом сосуществования. Если нет такого понимания, то возникает опасность возврата к модерну на любом уровне. Поэтому утверждение о непригодности герменевтики в эпоху постмодерна представляются бессмысленными. Речь здесь может идти не об уничтожении герменевтического метода или герменевтики как философского направления целиком, а о переносе интенции к пониманию (или воли к пониманию) из области диалога в область социального взаимодействия на новой основе. Люди не перестают желать понять друг друга, но сегодня это понимание сопровождается легитимацией неравенства и противоречий, которые не блокируют область взаимодействия и одновременно не дают особых прав на абсолютную власть одной из сторон.

Литература:

1. Ж.Делез. Логика смысла. — М.: Изд. Центр "Академия", 1995. — 298 с.
2. В.Дильтей. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX в.в. — М., 1987. — С.108-135.
3. П.Рикер. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. — М.: Изд. "Медиум". — 415 с.
4. O.F.Bollnow. Studien zur Hermeneutik. Band II. Zur hermeneutischen Logik von Georg Misch und Hans Lipps. — Verlag Karl Alber, Freiburg / München, 1983. — 295 p.
5. J.Habermas. Zur Logik der Sozialwissenschaften. Materialien. — Surkamp Verlag, Fr./am Main, 1970. — 329 s.
6. Wege aus der Moderne. Schlussetexte der Postmoderne-Diskussion // Herausg. von W.Welsch. — Weinheim, VCH, Acta Humanoria, 1988. — 324 s.

Воропай Т.С.

СУБЪЕКТ, ИСТИНА И ЭТИКА'

В философской традиции, которую называют логоцентризмом и которая ведет свое начало от Декарта, вопросы об истине и о духовном бытии субъекта находились на разных полюсах философского знания и практически не имели точек соприкосновения. В рамках философии как дисциплины это подтверждалось структурным выделением гносеологии, онтологии и социальной философии (куда входит этика) с "закрепленными" за ними "предметами" философствования.¹ В результате пути этики и эпистемологии разошлись так далеко, что стало возможным

создавать философские системы безо всякой заботы о субъекте. Надменное парение философии над практикой совместимо с ее способностью обслуживать всякую практику и быть совместимой с любой политической установкой, если в этом возникнет нужда. К философии приходят по-разному и с разными интеллектуальными запросами, но все реже в поисках собственного "Я" или, как говорили в древности, в целях врачевания души. В результате отношение к философии как "жанру, придуманному Платоном" (Р.Порти), не лишено оснований.

В этом контексте возрождение античной темы *epimeleia* ("забота о самом себе"), которую предпринял М.Фуко в своих последних работах, представляется очень важным.² В данной статье я рассматриваю основные позиции концепции Фуко, проецируя их на современное моральное самочувствие общества. Самое главное в античном принципе *epimeleia* состояло в том, что он предполагал не только некое отношение к самому себе, самонаблюдение и интроспекцию, но и определенный образ действия, направленный на то, чтобы изменить, преобразовать и преобразить себя. Эта тема встречается у платоников, у стоиков, и у эпикурейцев, что Фуко подтверждает многочисленными цитатами из Апулея, Сенеки, Марка Аврелия, Эпиктета, Плиния и др. Античные философы выдвигают заботу о себе в качестве основного принципа не только философской, но человеческой жизни вообще, во всякое время и на всех ее этапах. Речь шла о том, чтобы трансформировать опыт повседневного существования в непрерывное упражнение по самопознанию и самосовершенствованию. Тому, что греки называли *epimeleia*, а римляне *cura sui* европейская традиция предпочла самопознание, что не одно и то же, ибо самопознание есть лишь частный случай заботы о себе. "Самопознание представляет собой один аспект, один элемент, основную форму, — пишет Фуко, — фундаментального и всеобщего требования проявлять заботу о себе".³ В измененном виде этот принцип был интегрирован в христианский кодекс морали, но сместились акценты — этика неэгоизма, обязательств по отношению к другим заслонила долг человека по отношению к самому себе.

Мишель Фуко в упомянутой работе предпринимает попытку соединить концы распавшейся целостности, но несколько необычным образом. О том, что истина зависит от субъекта или, другими словами, что познание социально обусловлено, много говорится в последнее время. Но зависит ли субъект от истины? Влияет ли она на него в плане, так сказать, духовного самоосуществления? "Назовем философией такую форму мысли, которая задается вопросом, что позволяет субъекту постигать истину, ту форму мысли, которая стремится определить условия и предельные возможности постижения истины субъектом", — пишет М.Фуко. Если вопрос поставлен таким образом, то духовностью можно назвать тот опыт и практическую деятельность, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования, необходимые для постижения истины. "Тогда духовностью можно будет назвать совокупность этих поисков, практических навыков и опыта, которыми должны быть очищение, аскеза, отречение, обращение взгляда внутрь себя, изменение бытия, представляющие — не для сознания, а для самого субъекта, для его бытия — ту цену, которую он должен заплатить за постижение истины".⁴

Акт познания сам по себе не может обеспечить познание истины, если он не сопровождается определенным преобразованием субъекта в его бытии как субъекта. Истина — это не награда субъекту за его познавательные усилия. По выражению М.Фуко, "истина — это то, что озаряет субъект, что дает ему душевный покой".⁵ Другими словами, философский вопрос "Как постичь истину?" и практика духовности как трансформации бытия субъекта, которая позволит постичь ему истину, в том числе и истину о себе, — это две стороны одной проблемы. Проблема эта не гносеологическая и не этическая, это проблема человеческой субъективности в ее новом некартезианском звучании.

Логоцентризм стремится получить доступ к понятиям вещей в их чистой и незамутненной форме. Субъект здесь выполняет роль не "Я" или эго, а субстрата.

“Этот *subjectum* не есть еще человек и ни в коем случае “Я”, — заявляет П.Рикер. — Благодаря Декарту произошло то, что человек превратился в первичного и реального *subjectum*, в первичное и реальное основание”.⁶ Поэтому никакой философии субъективности в рамках логоцентризма возникнуть не могло. В современных работах, посвященных “генеалогии”, “археологии” или “герменевтике” субъекта, субъект не является больше предпосылкой и основанием, но остаётся главным объектом анализа.

В картезианском мире познание является единственным путем к истине, единственным способом ее постижения. Истина включена в автономное развитие познания, и субъект способен ее познать. Ни модификации, ни изменения бытия от субъекта не требуется. Субъект воздействует на истину, но истина не воздействует больше на субъекта, она “уже не в состоянии служить спасением субъекту”. Может потому мы и не в состоянии обосновать никакую этику, что этика давно перестала рассматриваться в связи с истиной и тем более в связи с “заботой о себе”. Кризис гуманизма, ярким примером которого является философия и искусство постмодернизма, не в последнюю очередь обусловлен глобальным этическим нигилизмом, который, в свою очередь, связан с гетерономностью этических систем XX века. Может быть, постмодернизм и есть плата за отлучение субъекта от истины?

Чем отличается “забота о себе” от традиционных моральных требований? Этическая норма исходит из того, что субъект есть то, что он есть, и регулирует сферу его возможных действий. “Поступай так, чтобы максимы твоего поведения во всякое время могли стать нормой всеобщего законодательства”, “Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе”, “Не лги”, “Не лжесвидетельствуй”, “Не кради”, “Почитай родителей”, “Заботься о детях” и т.д. Этику не волнует, способен ли субъект выполнить эти требования и если не способен, то почему. Здесь этика сродни праву. Субъект в глубинах своей субъективности ее не интересует. Этической, как и правовой регламентации подлежат лишь действия. Все остальное — область совести. В отличие от этической нормы, которая в идеале безлична и абсолютна, забота о себе представляла не установку общего характера, но усилие, работу. Забота о себе предполагает совокупность практических навыков (техника медитации, определенные формы рефлексии, техника изучения сознания), которые имеют в историю западной культуры долгосрочную перспективу. Это не просто действие или отказ от действия, это умение обращаться со своей душой, умение анализировать свои мысли и чувства, которому можно научиться так же, как и умению обращаться со своим телом. Заботясь о самом себе, человек сможет заботиться о других. Между заботой о себе и заботой о других существует, по выражению Фуко, связь финальности.

Что значит проявлять заботу о себе? Платон в “Алкивиаде” развивает глобальную теорию заботы о себе, согласно которой невозможно постичь истину, не владея определенной системой практических навыков. Технологии обращения со своим “Я” (практика духовной концентрации, практика отшельничества, практика умения переносить страдания) были известны грекам задолго до Платона, но он использует их для того, чтобы обосновать мысль: я обязан проявлять заботу о себе с тем, чтобы стать способным управлять людьми и полисом. В первые века н.э. утверждается представление, что забота о себе и познание себя нужны не потому, что без этого нельзя занять высокое положение в обществе, но прежде всего потому, что это нужно человеку ради себя самого. У Платона субъект выступает в двух значениях: субъект как *chresis* и субъект как душа. В “Федоне”, “Федре” и “Государстве” субъект — это тот, кто пользуется определенными средствами, чтобы что-то сделать. Это субъект действия, *chresis*. Но когда Платон имеет в виду не инструментальное отношение души к телу и ко всему остальному миру, а своеобразную трансцендентальную страсть, которую субъект может испытывать к другим людям к самому себе, он обнаруживает не душу-сущность, а душу-субъект.⁷

Но как только “Я” было определено как душа, вся область применения

“заботы о себе” оказалась поглощенной принципом “познай самого себя”. Действительно, для того, чтобы проявить заботу о самом себе, нужно сначала себя познать. В платоновской и неоплатонической традиции “забота о себе” обретает свою суверенную форму и завершение в самопознании. Дальнейший опыт самопознания в европейской мысли и в европейском искусстве привел к поразительным открытиям и откровениям, но сделал ли он человека счастливее? По дороге самопознания шли Августин и Руссо, Паскаль и Кьеркегор, Ницше и Достоевский. То, чем занят “подпольный человек” у Достоевского, вполне подпадает под рубрику самопознания, но можно ли назвать этот путь “заботой о себе”? В самопознании “Я” предстает как объект, ставший или окаменевший, “другой” для меня самого. В самопознании Я есть то, чем “Я” был, и это окончательно и непоправимо, ибо в прошлом уже нельзя ничего изменить. Попытка изменить прошлое — это уже искусство, а не философия. Как бы далеко субъект не заходил в своем самопознании, это опыт более аналитический, чем синтетический, более разлагающий, чем создающий. В самопознании два субъекта, два “Я” и диалог между ними не всегда сопровождается положительными коннотациями. Недаром вся громадная тема двойничества в искусстве вырастает из проблемы самопознания, где объективация себя-другого, себя-объекта доведена до предела.

Как пишут Дрейфус и Рябинов: “Человек, который был существом среди ему подобных, теперь стал субъектом среди объектов. Но человек является не только субъектом среди объектов, он скоро осознает, что то, что он стремится понять — это не только объекты мира, но и он сам. Человек становится субъектом и объектом своего собственного понимания⁸”.

Фуко подводит к мысли, что главным итогом самопознания должна стать самореализация субъекта. Самореализация не может быть необходимостью на фоне невежества, вне связи с самопознанием, недаром у Платона проявление заботы о себе является привилегией правителей или нравственной элиты. Но она “становится необходимой на фоне ошибки, на фоне дурных привычек, на фоне всякого рода деформаций и ставших привычными и укоренившихся зависимостей, от которых надо освободиться, отряхнуться”.⁹ Чтобы выйти из состояния невежества, нужно обратиться к “заботе о себе”. Человек никогда не бывает завершен в своем развитии и для него никогда не поздно стать другим, стать тем, чем он должен был стать и чем он никогда не был, то есть стать самим собой. Забота о себе выступает как врачевание души. Стать вновь тем, чем человек никогда до этого не был, это, по мысли М.Фуко, одна из главных тем самореализации.¹⁰ Статус субъекта индивиду придает полнота его отношений к своему “Я”. Самореализация есть единственный способ конституирования самого себя в качестве *творца* своей собственной жизни.¹¹

Противоположностью субъекту, способному к самореализации, является у Фуко *stultus* (дословный перевод — глупый, неразумный), термин, который употребляет Сенека в своих “нравственных письмах к Луцилию”. *Stultus* — это тот, кто без конца меняет свою жизнь, не критичен, открыт всем влияниям извне, тот, кто разбросан во времени и позволяет себя увлечь, кто не направляет свою волю ни к какой цели. *Stultus* не способен хотеть как следует, потому что воля его не свободна и не абсолютна. Эта фрагментарная, изменчивая и относительная воля не может понастоящему желать ничего, даже собственного “Я”. Главная драма *stultus*, в той мере в какой он способен ее осознать, несостыковка воли и своего “Я”, их непринадлежность друг другу. Не в этой ли несостыковке и разорванности субъекта кроется причина того самоубийства культуры и провоцировании конца света, которое мы наблюдаем в постмодернизме?

Сам человек не может выйти из состояния *stultitia*, между человеком *stultus* и человеком *sapiens* необходим посредник, и этим посредником, по мысли Фуко, может быть только философ. Только философия, интегрированная в современность, а не парящая над ней, способна стать основой для социальной практики самореализации субъекта. Могут возразить, что история не повторяется, и духовный

опыт эллинизма выглядит анахроничным накануне XXI века. Но именно духовный опыт — единственное, что не устаревает, а накапливается в исторической памяти.

Ссылки:

¹ Стаття підготовлена при підтримці the Research Support Scheme of the OSJ/HESP (grant №1862/1619/1997).

¹ Деление философии на метафизику, гносеологию и этику, приведенное Вундтом во "Введениях в философию", оказалось на редкость живучим и превосходящим дидактические цели образовательного процесса.

² М.Фуко. Герменевтика субъекта // Социо-логос. — М., 1991. См. также: M.Foucault, Afterword: The Subject and Power in H.L.Dreyfus and P.Rabinov, Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics — Harvester, Brighton, 1982.

³ Фуко М. Герменевтика субъекта. — С.297.

⁴ Там же. — С.286.

⁵ Там же. — С.287.

⁶ Рикер П. Конфликт интерпретаций. — М., 1995. — С.362.

⁷ См.: Фуко М. Герменевтика субъекта. — С.290.

⁸ Dreyfus H.L., Rabinov P. Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics — Harvester, Brighton, 1982. — P.28.

⁹ Фуко М. Герменевтика субъекта. — С.293.

¹⁰ Там же.

¹¹ Фуко М. Забота об истине // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. — М., 1996. — с.315.

Абашник В.О.

ОСНОВНІ ЗАВДАННЯ ФІЛОСОФІЇ ПРИ ВИРІШЕННІ СЬОГОДЕННИХ ПРОБЛЕМ СУСПІЛЬСТВА

Ввиходячи з суспільних пріоритетів сьогодення, філософія, щоб претендувати на вагомую роль в суспільстві, має спрямувати всі свої зусилля на виконання трьох функцій, які тісно пов'язані з вищеназваними корінними факторами розвитку суспільства. *По-перше*, вона повинна виконувати роль науки, яка, з однієї сторони, узагальнює (і в цьому відношенні вона стоїть над іншими окремими науками, зокрема правом) легітимне визнання науково-технічної ситуації, що склалася під впливом домінування природничих та технічних наук, а з другої сторони — філософія повинна виступати в образі науки, яка компенсує всі ті недоліки та негативні наслідки, котрі це домінування принесло суспільству. *По-друге*, філософія повинна виконувати роль просвітницької та рефлексивної науки, яка вивчає фундаментальні передумови та принципи існування сьогоденного суспільства взагалі. *По-третє*, філософія повинна виступати як діюча наука, котра реально впливає на суспільне життя. В цьому відношенні сьогодні актуальною є знаменитий 11 "Тез про Фейербаха": "Філософи лише різним чином пояснювали світ, а завдання полягає в тому, щоб його змінити".

З розвитком сучасного суспільства й утвердженням в ньому досягнень новітніх технологій, як результату впливу природничих та технічних наук, ще більше зростає роль соціально-гуманітарних наук, котрі заповнюють вакуум "технологічної бездуховності" й, таким чином, виконують компенсаційну функцію. Якщо провести паралель з епохою Просвітництва, то можна побачити, що сьогодні на соціально-гуманітарні науки випадає доля лейбніцевої "теодицеї". До соціально-гуманітарних наук традиційно відносять і філософію, що є не зовсім точним. Дійсно, вона має деякі схожості, зокрема, з соціологією чи психологією. Однак, останні набагато молодші за філософію й сформувалися як реакція на розвиток природничих наук в 19 столітті. Філософія ж є не просто основоположним знанням взагалі (як для

соціально-гуманітарних, так і для природничих та технічних наук), вона така ж давня як і саме мислення. Не дивлячись на те, що філософія використовує соціально-гуманітарні або історично-герменевтичні елементи, для неї найважливішими залишаються суттєво-систематичні питання. Нарешті, той факт, що рефлексія на власні основи (передумови, методи, засоби діяльності) не може бути соціально-гуманітарною, а лише філософською, свідчить про особливий статус філософського знання. Якраз в рамках цієї функції філософія й повинна виконувати компенсаційну роль в суспільних процесах.

Другим важливим завданням філософії сьогодні є ґрунтовний аналіз основних життєвих процесів, в тому числі екологічних, суспільних, етичних, політичних, економічних. Причому філософія повинна відмовитися від невиправданих претензій на роль універсальної науки в душі старої метафізики. Головне завдання для неї заключається не просто в відображенні, в пасивному спостережанні вищезазначених процесів суспільства та узагальненні досягнень окремих наукових знань, які займаються пошуком шляхів вирішення конкретних вузькоспеціальних проблем сьогодення. Філософія повинна залишити ці зазіхання й спуститися з вершини вертикалі на горизонтальну поверхню. Якраз тут внизу, поміж всіх інших людських знань (право, соціологія, психологія та ін.) вона має виконувати свою інтегративну роль — поєднання зусиль окремих знань на користь суспільного життя. Причому діяльність філософії відбувається в двох напрямках — 1) негативно-критичному, в рамках якого вона відсіює все другорядне та непотрібне (в том числі і в самій собі, базуючись на Критиках Канта), та 2) позитивно-конструктивному, в межах якого зароджуються й отримують підтримку найважливіші для суспільства інновації. Суттєвою ознакою філософії в цьому, а заодно й її головною перевагою в порівнянні з іншими окремими знаннями є її здібність *переходити* між ними, й, таким чином, виконувати свою інтегративну функцію. Звичайно, є й інші сфери, які також можуть виконувати подібну роль — мистецтво, література, релігія. Однак філософія має очевидні переваги й позитивно відрізняється від них — методом від мистецтва та літератури, які ґрунтуються на грі та фантазії, строгою науковістю від релігії, яка базується на вірі. Отже філософія, використовуючи свою перевагу — здатність не тільки на саморефлексію, але й на рефлексію інших суспільних сфер, й на основі ґрунтовного аналізу суспільних процесів повинна виконувати інтегративну функцію в суспільстві.

Прагматичний напрямок сьогоденної філософії втілює в життя відоме висловлювання знаменитого Фіхте: "Діяти! Діяти! Це те, заради чого ми існуємо". На фоні потоку інформації, що постійно збільшується, та переплетіння економічних, політичних, культурних, екологічних, соціальних та інших відносин, представники останніх сфер суспільного життя стоять перед проблемами зростаючої віддаленості між собою, розрізненості окремих вузькоспеціальних знань. Зрозуміло, що в таких умовах виникає актуальне питання про глобальну співпрацю та кооперацію на користь суспільства в цілому. Цю місію міждисциплінарної інтеграції не тільки може, але й повинна виконувати філософія. Отже, головним завданням філософії в цьому напрямку є поєднувальна роль, або функція "містка" між теорією та практикою. Причому, щоб виступати таким "універсальним експертом-суддею", філософам недостатньо брати участь у "своїх" вузькоспеціальних філософських конференціях, але й — в зустрічах, дискусіях, обговореннях суспільних проблем між представниками окремих наук. Однак і тут філософові замало бути чисто формальним "весільним генералом"; він повинен добре володіти змістом та нюансами тематичних питань подібних дискусій. Для вирішення політичних чи екологічних, соціальних чи економічних питань філософ повинен мати відповідні знання й бути хоча б наполовину експертом в даній проблемі. Головним же завданням філософа на таких форумах являється уникнення крайностей та досягнення консенсусу. В той час, як окремі експерти обмежені своїми вузькофаховими поглядами на вирішення конкретних проблем, філософ повинен глобально оцінювати ситуацію, створювати та зберігати на протязі всіх дискусій вільний простір для об'єднання різних ідей, норм, теорій, в

тому числі навіть й таких, які здаються на перший погляд утопічними, й яких цураються представники окремих наук. Однак при виконанні цієї функції філософ повинен чітко усвідомлювати всі небезпеки, з котрими він зіткнеться на практиці. Як показує досвід, всі дискусії та обговорення ґрунтовних питань про права людини, життєві, інституційні, культурні та інші норми (навіть на найвищих державних рівнях) перетворюються на арену боротьби різних об'єднань представників суспільства, а рішення по ним приймаються в залежності від ступеню впливу (влади) відповідного інституту чи організації (державних закладів, засобів масової інформації, церкви). Причому ці рішення дуже часто ґрунтуються не на раціональних поглядах та переконаннях, а на пропаганді, здібності та вмінні умовити опонентів та тих, хто ще вагається. Якраз в таких ситуаціях багато що залежить від філософів та їх вміння максимально використати свій досвід, знання.

Вже в історії філософії другої половини нашого століття є яскраві приклади активної діяльності та впливу філософів на життя суспільства. В той час, як в Німеччині та Австрії філософська наука була практично виключно академічною (діяльність В.Рьода, В.Штегмюллера, Ю.Хабермаса, К.О.Апеля, Г.-Г.Гадамера пов'язана з університетами), у Франції філософи були й не просто обмеженими фахівцями, але одночасно письменниками та журналістами, (прикладом можуть бути Жан-Поль Сартр (1905-1980) та представник "новофранцузької філософії" Андре Глюксманн); вони брали участь не тільки в обговоренні суспільних проблем, але й в організації протестів, масових демонстрацій та мітингів. Ідеї французького екзистенціалізму (роздуми та дослідження про смерть, війну, долю, вину) мали великий політичний вплив на суспільне життя в післявоєнний період. Прагматичний напрямок філософії також впливав на політичний розвиток в англосаксонських країнах (наприклад, діяльність Б.Рассела та К.Поппера).

Астахова В.І.

ДЕЯКІ МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ ВИСВІТЛЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ ІСТОРІЇ

Всебічна криза, що вразила українське суспільство в 90-ті роки, не могла обминути суспільствознавство, духовну сферу життя українського народу. Суспільство, в якому панувала єдина ідеологія, де насаджувалось одне розуміння добра і зла, взагалі всього, що існує на цій землі, створило й відповідні апологетичні суспільні науки — філософію, соціологію, політекономію, історію. Природно, що звернувши з проголошеного "виключно правильного" шляху, суспільство поставило під сумнів загальноприйняті постулати і теорії свого суспільствознавства. До цього додалися і найскладніші геополітичні процеси, які відбулись у колишніх радянських республіках.

Народи, які населяли неосяжні простори колишнього СРСР, стали свідками перекроювання усталених географічних понять, політичних кордонів, історичних оцінок. В Україні, як і в інших країнах СНД, проходить процес створення нової історичної концепції, переосмислення всієї історії, починаючи з часів Київської Русі та скіфо-сарматських поселень, виявляється прагнення через аналіз минулого дати оцінку теперішньому й передбачити майбутнє. У такому підході до історії немає нічого екстраординарного. Кожне нове покоління сприймає, бачить та оцінює історію зі своїх позицій, і, з цієї точки зору, переосмислення історичного шляху — процес закономірний і прогресивний. Очевидно, що в сьогоdnішньому становленні до історії є нетрадиційний підхід, пов'язаний з намаганням політиків різних мастей знайти в ній підтвердження своєї політичної лінії.

Уся історія України сьогодні щільно спресувалась і натягнулась як струна. До неї звертаються всі. У ній шукають відповіді на питання про причини наших бід сьогоdnішніх і про шляхи наші завтрашні. І тому саме тут небезпечна некомпе-

тентність, поспішність і, особливо, політична кон'юнктура. Переосмислювання історії – це дуже відповідальний та важкий процес, який потребує високого професіоналізму та об'єктивності. Переосмислення не означає переінакшування, тенденційного підходу до підбору фактів і освітлення подій, воно виключає непрофесійне, некомпетентне втручання, оскільки дилетантство у цих питаннях може завдати не виправну шкоду історичній свідомості народу, особливо молоді. І тут мова повинна йти про правове регулювання, про відповідальність не тільки перед мораллю, але й перед законом за об'єктивний підхід до висвітлення історичного процесу. Бо, як стверджував ще Мігель де Сервантес: "Неправдивих істориків слід було б стратити як фальшивомонетників, оскільки не відомо, хто завдає більше втрати суспільству".

У нашій багатостраждальній Вітчизні, на жаль, влада ніколи не прислуховувалась до суспільної науки і до історії в тому числі. Вона була потрібна їм тільки для того, щоб заднім числом підкріплювати та аргументувати свої вольові рішення. Сьогодні в цьому питанні змінилося тільки те, що за висловлювання небажаних владі наукових ідей вчених не засилають у табори, а ігнорують, наче їх взагалі нема. Громадський обов'язок вчених – примусити владу прислуховуватись до науки, до рекомендацій економістів та юристів, екологів та психологів. І все ж у цілковито особливому положенні тут знаходяться історики.

Історик ні на хвилину не може забувати про свою моральну відповідальність не тільки перед минулим і теперішнім, але й перед майбутнім. На відміну від політиків, у діях яких переважає воля та примушування людей, історики, на думу А.Дж.Тойнбі, є "витончені посередники думки, сприйняття, почуття та уяви, здатні трансцендувати всі кордони Простору і Часу та прокласти собі шлях у Безкінечність".

Необхідність піти від брехні та лицемірства, від розходження між словом та ділом, від білих і чорних плям потребує створення справжньої, об'єктивної історії нашого суспільства. І очевидно, що якщо творці такої історії будуть самостійними, незалежними, то у виগ্রаші залишаться політики. Головний методологічний принцип створення такої наукової історії полягає в тому, що моральне право суду над минулим базується тільки на об'єктивному історичному знанні.

Природно, що повної об'єктивності, неупередженості історика взагалі бути не може. Кожний дослідник привносить свої суб'єктивні оцінки, які базуються на його особистих моральних та політичних переконаннях і принципах. А принципи ці формуються під впливом оточуючої дійсності. "І знову ми повинні відповісти, – пише А.Дж.Тойнбі, – що інститут, домінуючий у певний час і в певному суспільстві впливає на світогляд і деяких істориків, які опинилися під його покровом... У кожному епоху і в будь-якому суспільстві вивчення і пізнання історії, як і будь-яка інша соціальна діяльність, підкоряються пануючим тенденціям даного часу і місця".

Суб'єктивність історика неминує несе в собі і суто особисту основу. У зв'язку з цим істотним вважається зауваження видатного російського історика А.Зіміна про те, що "погана людина не тільки не в змозі безкорисливо служити істині, але вона не любить людей", а це не може не відбитися на рівні історичного пізнання. Разом з тим пізнання історика завжди випробовує колізію незбіжності відносної та абсолютної істини. Звідси неминучий висновок про те, що кожний історик лише інтерпретує в міру свого розуміння і почуття відповідальності об'єктивну історичну істину. У зв'язку з цим існує множинність трактувань, оцінок та висновків. Однак для історії таке різночитання не страшне. Різноманітність поглядів дозволяє яскравіше висвітлювати всі грані правди, давати більш об'ємні всебічні оцінки. Справедливим є, на нашу думу, і твердження про те, що "будь-яка історична реконструкція є обумовлена конструкція бачення світу, відносно якої історики досягли визначеного консенсусу". Науковий підхід до пошуку більш менш об'єктивної історичної істини припускає, таким чином, підсумовування широкого діапазону історичних поглядів, залучення оптимального обсягу джерел, у тому числі й суперечливих авторських концепцій, і, нарешті, як одну з важливіших складових, наукову сумлінність та чесність. Але якщо цього нема, якщо існує монополія на

істину, якщо превалює відверта кон'юнктура, то рано чи пізно будуть потрібні "уроки правди". А їх болючість нашому суспільству вже знайома.

Сьогодні у нас безліч важких питань, які сягають корінням не тільки початку століття, але й початку тисячоліття.

Знайти відповідь чи хоча б дійти консенсусу у висвітленні цих питань зможуть тільки вітчизняні історики, які увібрали з молоком матері і нашу ментальність, і наші муки, і наші неабиякі можливості. Відповідей цих як панацеї чекає сьогодні наше хворе суспільство, чекають наші діти, які вчать історію України у школах за підручниками, написаними в Канаді та США, у Франції, Німеччині і навіть в Австралії. І це один з найважчих наслідків нашого розвалу, ліквідувати який все одно прийдеться тільки вітчизняним історикам. І чим раніше, тим краще.

Лактіонов О.М.

ІСТОРИЧНИЙ ДОСВІД СУЧАСНОЇ ЛЮДИНИ У ПСИХОЛОГІЧНОМУ ВИМІРІ

Великі історичні зміни на зламі XX – XXI століть, які не обминули будь-кого в Україні, природним чином стимулюють пошук аналогій у житті минулих поколінь, визначення міри спорідненості або несумісності минулого і теперішнього, бажання зрозуміти власну історію, нарешті, скористатися історичним досвідом у вирішенні сучасних проблем суспільства.

Використане у такому сенсі поняття "історичний досвід" знаходиться у спільному семантичному колі з поняттями "досвід людства", "накопичений досвід поколінь, епох" тощо і поки що не містить у собі нічого загальнопсихологічного, тим більше індивідуально-психологічного. Але саме у цей бік повинен, на нашу думку, розширятися дослідницький простір історичного досвіду, якщо ми бажаємо перейти в його аналізі з рівня загального, культурно-історичного до з'ясування його місця у житті конкретного індивіда у минулому або сучасності.

Термін "історичний досвід" увійшов до психології, зокрема, історії психології лише в середині XX ст. з виникненням французької школи історичної психології (І.Мейерсон та ін.). Завдяки цьому історичний досвід окрім вищезгаданого історико-культурного контексту здобув спеціального значення дійсно існуючих або реконструйованих матеріальних чи духовних продуктів діяльності людей у минулі історичні епохи. Головна дослідницька проблема тут полягає у обґрунтуванні надійності та валідності самого процесу реконструювання.

Слід звернути увагу на те, що, хоча й вважається, що історична психологія була утворена як істориками, так і психологами, ініціювання даного напрямку науки здебільшого йшло з боку істориків, які поставили перед історичною психологією завдання поглибленого розуміння та тлумачення минулого шляхом втягування до історичних досліджень даних психології, перш за все відтворення особистості, типової для даного історичного періоду. Зрозуміло, що мова не йде про безпосереднє накладання сучасних уявлень соціальної психології чи психології особистості, а йдеться про пошук таких концептуальних моделей та психологічних вимірів, що є валідними до історично-культурного середовища відповідної епохи. Саме тут виявляється специфіка предмету та методів історичної психології.

Жоден з тих, хто займається реконструюванням минулого, експлікацією історичного досвіду, зрозуміло, не може узяти на себе роль Верховного Спостерігача за відтворенням певного історичного процесу у минулому. Відтак, будь-яка думка щодо точності чи перекручення у різних свідченнях минулого завжди вторинна у порівнянні з парадигмою наших сучасних суджень та висновків. Мабуть, це головне, що може об'єднати різні точки зору на пізнавальні можливості історичної психології: від гетевського "Не чіпайте далекої давнини, нам не зламати її семи печаток" до

оптимізму щодо суцільної реконструкції минулого у представників пізнього структуралізму.

Джерелом та регулятором індивідуального досвіду є не тільки життєдіяльність людини, а й ті фактори, які з самого початку знаходяться за межами часу її життя. Історичне чуття завжди сприймається як щось значне і пов'язане з долею.

Здається, ніхто не заперечує можливість передачі досвіду від минулого покоління до покоління нинішнього, самого факту спадкоємності. Суперечки та гіпотези виникають навколо питань про шляхи та засоби передачі досвіду і діапазон припущень залишається дуже широким.

У даному разі треба звернутися до деяких теоретичних уявлень про взаємовідносини життєвої активності людей та історичного досвіду, що склалися у межах історичної психології.

Культурно-історичний напрямок у дослідженні людської психики, започаткований в працях Л. Леві-Брюля, Е. Дюркгейма, П. Жане продовжив і розвинув видатний французький дослідник І. Мейерсон.

Доводячи можливість реконструювання людської психики у контексті історичної психології, І. Мейерсон пропонує модель, у якій досвід займає одну з центральних позицій. Дещо спрощено послідовність руху психічного виглядає наступним чином: думка (інтенція) — об'єктивація — досвід. За Мейерсоном "людина в цілому прагне до об'єктивації і проектуванню себе у справах. Об'єктивацією є її фізичний та соціальний досвід, а також усе те, що завдяки цьому досвідові визначено як стан або функція: різні аспекти аналізу дійсності, аспекти думки, волі, почуття, особистості — найбільш абстрактні ідеї і найбільш інтимні переживання" [цит. по 1].

Зробимо з приводу цієї теоретичної моделі три уточнення, які, на наш погляд, дають змогу до деякої міри подолати труднощі у з'ясуванні конкретних механізмів реконструювання історичного досвіду.

По-перше, ми згодні з зауваженням І. Г. Белявського: "Інтенційність людської думки, безумовно, не викликає сумнівів, але при цьому він (Мейерсон), не бере до уваги, що вона є похідною від об'єктивно-предметного характеру людської практики, котра і є її відвічною основою" [1]. Продовжуючи вищесказане, додамо, що у індивідуальному утіленні предметна людська практика є не що інше, як життєдіяльність даної людини. Введення до понятійного кола аналізу категорії "життєдіяльність", родової по відношенню до поняття "досвід", дозволяє наблизити можливості психологічного виміру історичного досвіду.

По-друге, І. Мейерсон, з нашої точки зору, припускає принципового спрощення, коли каже, що "дослідження знаків вказує на непосредний зв'язок між формою, змістом та духовним зусиллям" [цит. по 1]. Аналіз свідчить, що досвід по відношенню до життєдіяльності ("духовним зусиллям") виступає у ранзі не простої, непосредної, а *перетвореної* форми. Саме завдяки цьому досвід виявляє себе не тільки у функції кристалізації діяльності, а набуває можливості відносно самостійного існування, розвитку.

По-третє, дослідницька теоретична система історичної психології виглядає суттєво незавершеною, якщо за її межами залишається нинішній реально діючий індивід.

Людство може здійснювати спадкоємність на генетичному рівні, як і усе живе. Але люди як покоління, як спільнота здійснюють спадкоємність у вигляді засвоєння досвіду інших, у тому числі і попередників. У такому сенсі досвід людини одвічно історичний. Історичний досвід людини існує у двох якостях: як історична даність і як момент, частина її індивідуального досвіду, відповідно, — такий, що з'явився з минулого і такий, що втілюється сьогодні.

Історичний досвід не може розвиватися, а відтак, і розглядатися окремо від діяльності людей. Безперервне становлення досвіду у вимірі: минуле — теперішнє — майбутнє є його дійсність.

Але існують і дещо інші міркування.

Підбиваючи підсумки численним дослідженням у галузі історичної психології І.Г.Белявський пише: "Історична психологія вивчає психологію епохи. Безумовно вона складається з величезного числа індивідуальностей, але їх вивчення – не її метод. Її цікавлять загальні прикмети та їх ознаки, засоби поведінки, такі, що найбільш часто зустрічаються та повторюються... Для історичної психології індивідуальність – це індивідуальність епохи" [1].

Не всупереч вищесказаному додамо про можливість розширення дослідницького кола історичної психології за рахунок природної для неї, як на нашу думку, проблеми зв'язку індивідуального досвіду сучасної людини з досвідом минулих поколінь. Такий зв'язок здійснюється завдяки самим дослідникам, що свідомо чи підсвідомо проекують сучасні знання з психології особистості на давнину. Залишається тільки зробити зворотній крок від досвіду поколінь до досвіду сучасної людини. До цього нас спонукає не тільки чуття збалансованості, а й деякі теоретичні міркування.

Ніхто не заперечує традиційної теми: "Історія і сучасність". У нашому випадку ми лише уточнюємо назву: "Психологія історичного – психологія сучасної людини". Дослідникові у такому разі окрім вирішення питання про психологію минулої епохи бажано відповісти ще на наступне: як дана епоха впливає на сучасну людину, якою мірою людина цей вплив усвідомлює, яким чином трансформується її власний досвід.

Будемо відрізняти історичний досвід поколінь, епохи, людства (дамо йому назву – генеральний досвід) та історичний досвід конкретної людини минулої або нині живущої (відповідно – окремий досвід). Наведемо деякі сутнісні характеристики обох видів людського досвіду.

На сьогодні саме генеральний досвід є одним з об'єктів вивчення історичної психології. Його часові межі у зв'язку з власною континуальністю не визначені і принципово охоплюють весь період розвитку людства. Водночас весь досвід розбивається на певні якісно різні періоди у відповідності до змін поколінь, епох і т.ін.

Генеральний досвід окрім охоплення минулого простягається також і у майбутнє, яке однак існує у ньому лише як інтенція. Справа в тому, що індивід і навіть суспільство в цілому на майбутню історію, точно кажучи, не працюють (лише загалом зорієнтовані на власний майбутній результат). Те, що імператори старанно надиктовували власним писарям ("прес-секретарям"), так само, як і вислів типу "Він жив та працював для історії", що йде від історіографів та публіцистів – не більше ніж бажання або констатація звершеного *aposteriori*. Вічне і виправдане бажання людини зазирнути у майбутнє дійсно систематизує його життєдіяльність, вчинки, дії. Однак, саме таких "моделей майбутнього" незмірно більше, ніж тих, що будуть прийняті історією з часом. Всіляке телеологічне у дійсності реалізується "тут і тепер".

Між генеральним і окремим досвідами існує взаємодія. Звичайним для історичної психології є твердження про принципову неможливість здійснення психологічного виміру, так би мовити, за визначенням. З урахуванням тези про взаємодію минулого і теперішнього попереднє ствердження перестав бути абсолютним, хоча б тому, що стає можливим психологічний вимір, принаймні з боку історичного досвіду діючого у теперішньому часі індивіда.

Наступним кроком нашого аналізу приймемо за вихідне принципову релятивність змістовних психологічних характеристик історичного досвіду минулого, який взагалі виникає у свідомості людей лише при наявності їх життєвої активності у теперішньому. "Нема людини – нема проблеми" – казав дехто. Додамо, що дана теза аж ніяк не суперечить факту об'єктивності існування історичного досвіду як такого.

На урахуванні суб'єктивного та об'єктивного, на "природному русі історичного" і неможливості встановлення якоїсь безумовно визначальної сторони суспільної взаємодії свого часу наполягав М. Драгоманов [3].

Але необхідно уберегтись і від спрощення протилежного порядку. Історичний досвід окремої людини не може бути об'єктом лабораторного моделювання. Неможливо виділити "історичну складову" індивідуального досвіду без діахронічного розгортання даної чи то етнічної, чи то всесвітньої історії формування індивіда. Що стосується "механізму відтворення типових для кожного стану рис характеру, то воно забезпечується, у першу чергу, особливою, притаманною тільки людям системою міжпоколінної передачі досвіду" [2].

Питання взаємин генерального і окремого досвідів є достатньо складним, перш за все у теоретичному плані. Насамперед це пов'язано з проблемою спадкоємності досвіду поколінь, психологічного механізму цієї спадкоємності.

Перш за все, зазначимо, що взаємовідносини досвідів, чи то перенос, чи то збагачення, навчання або будь-які інші форми стосунків, не відбуваються безпосередньо. Чому це так?

За своєю природою досвід поколінь і досвід індивіда являють собою перетворену форму відповідно суспільного життя покоління та життєдіяльності окремої людини. Форми ж можуть здійснювати стосунки лише за допомогою та у межах відповідних родових утворень. Тому генеральний досвід як інтегрований продукт суспільного життя минулих поколінь, такий, що виник за межами часу життєдіяльності окремої людини, різними психологічно визначеними шляхами впливає не прямо на досвід сучасної людини, а на його життєдіяльність в цілому і лише певною мірою збагатившись у ній, нарешті, починає існувати у формі окремого історичного досвіду індивіда.

Яким же чином досвід поколінь асимілюється людиною у процесі її життєдіяльності?

Можна припустити принаймні три засоби накопичення історичного досвіду окремою людиною, а з того і три види історичного досвіду: мимовільний, довільний, післядовільний. Асимілювання історичного досвіду поколінь відбувається завдяки залученню широкого спектру засобів від наслідування до резонансу індивідуальних та історико-культурних цінностей.

У структурно-динамічному аспекті історичний досвід індивіда розуміється як частина його соціального досвіду. Саме простір соціальних стосунків забирає на себе функцію опосередкованої ланки між життєдіяльністю індивідів та їх власним історичним досвідом. Нарешті, важливою характеристикою історичного досвіду окремої людини є його нормативність, яка обумовлена загальною підпорядкованістю індивідуального досвіду історичному досвідові попередніх поколінь.

Література:

1. Белявский И.Г., Кишинская А.Н. Исповедь пасынка века и немного исторической психологии. — Одесса: ОКФА, — 1997.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. — М.: Наука, — 1983.
3. Драгоманов М.П. Вибране. — К.: Дніпро, — 1991.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЭКОНОМИКЕ: ОСНОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ

Глубина, масштабность и радикальность перемен, происходящих во всех сферах социально-экономической жизни, диктует необходимость поиска новых принципов обобщения накапливающегося эмпирического материала и совершенствования методов его анализа, разработки новых междисциплинарных концепций. К числу последних относится концепция самоорганизации, возникающая в рамках методологического подхода, получившего название синергетики [1,2,3].

Экономика, как область знаний, находится на стыке естественных, технических и социальных наук. Поэтому именно синергетический подход к исследованию экономических систем дает возможность объяснить, что происходит с макро- и микроэкономическими системами сегодня, как оценить их устойчивость, прогнозировать эволюцию, а главное — возможности саморазвития в длительной перспективе.

Очевидно, что чем сложнее система по своей природе, тем более специфический и трудно предсказуемый характер приобретают в ней самоорганизующиеся процессы. Для экономических систем, наряду с непрерывным условием возникновения нового порядка (открытый характер системы и ее неравновесность), существует целый ряд дополнительных условий, многие из которых недостаточно исследованы. К ним относятся: изменчивость отдельных параметров экономической системы и стохастичность ее поведения; уникальность и непредсказуемость системы в конкретных условиях благодаря наличию у нее активного элемента — человека, и вместе с тем предельность возможностей, определяемых имеющимися ресурсами; способность экономических систем изменять свою структуру и формировать варианты поведения, противостоять разрушающим систему тенденциям и адаптироваться к изменяющимся условиям, а также формировать цели внутри системы.

Для понимания процессов развития и саморазвития экономических систем с позиций синергетики необходимо учитывать следующее. Во-первых, в системе потенциально содержатся источники синергизма. Резонансно возбуждая "топологически правильные" структуры системы, используя усиливающую связь элементов, можно добиться синергетического эффекта.

Во-вторых, для инициирования процессов ускоренного роста необходимо включение механизмов нелинейной положительной обратной связи. Быстрое развитие — это не экспоненциальный рост, а рост в режиме с обострением, когда величины неограниченно возрастают за конечное время.

В-третьих, синергетический принцип минимизации диссипации, применительно к экономическим системам с учетом ограниченности используемых ресурсов, может быть сформулирован следующим образом: объективные тенденции самоорганизации ориентируют развитие экономических систем, при прочих равных условиях, в направлении максимизации эффективности их функционирования, а сами эти системы могут быть отнесены к классу управляемых систем.

Как известно, традиционный подход к управлению экономическими системами основывался на линейном представлении об их функционировании, согласно которому результат внешнего управляющего воздействия есть однозначное и линейное, предсказуемое следствие приложенных усилий, что соответствует схеме: управляющее воздействие — желаемый результат. Чем больше вкладывается (средств, ресурсов), тем как будто бы больше и отдача. Однако многие усилия оказываются тщетными или даже приносят вред, если они противостоят собственным тенденциям развития системы. Теория самоорганизации показывает, что существует путь многократного сокращения временных затрат и материальных усилий, путь выявления и использования синергии. "Бессмысленно тратить энергию, силы и время

для насилия над сложными нелинейными системами, а надо знать, как они функционируют, и минимальными усилиями возбуждать то, что им адекватно" [4, с.57]. Отсюда управленческую деятельность можно понимать как выявление и использование связей, которые при совместных действиях независимых элементов экономической системы обеспечивают увеличение общего эффекта до величины большей, чем сумма этих же элементов, действующих независимо. Речь идет о возможности спланировать получение синергетического эффекта, что в современных условиях хозяйствования приобретает первостепенное значение.

Как правило, руководители предприятий, сосредотачивая свое внимание на измерении абсолютных показателей, далеко не всегда учитывают возможности синхронизации различных самоорганизующихся механизмов в финансовой, производственной и социальной сферах, хотя этот стратегический вывод диктуется как внутренней логикой теории самоорганизующихся систем, так и здравым смыслом. Поэтому, на наш взгляд, принятию стратегии развития предприятия должен предшествовать анализ возможностей роста многофакторной структурной упорядоченности, сопровождающейся уменьшением экономической энтропии (функции состояния, характеризующей так называемый беспорядок), с последующим установлением синергетических связей. Причем, синергетический эффект не проявляется сам по себе, его нужно тщательно планировать и "извлекать". Это становится возможным только тогда, когда синергетические источники выявлены и определены в ходе анализа "сильные стороны — слабости" [5], а затем заложены в обоснованные планы. Чтобы на практике реализовать это требование, можно также использовать формализованные процедуры, описанные в [6]. Когда такие процедуры вводятся в процесс выбора стратегии, мышление в терминах желаний, столь часто присущее стратегиям поиска синергетического эффекта, исключается. Следует учитывать также и то, что синергетический эффект настолько неуловим, что отдельный индивид почти не может выявить его и точно предсказать. Поэтому анализ синергетических аспектов стратегии может дать хорошие результаты только при участии больших групп людей на стадии выявления и использовании моделирования в ходе принятия окончательного решения.

Именно с помощью моделирования синергетики дает нам представление о том, как можно было бы инициировать процессы ускоренного и саморегулирующегося экономического роста, аналоги "экономического чуда", и, что очень важно, без разрушительных последствий. Обычно в рамках синергетики моделирование стратегии экономического роста включает не одну, а несколько (блок) математических моделей, каждая из которых представляет решение одного или двух стратегических аспектов. Совокупность таких экономических моделей образует своего рода голограмму, в которой и выявляется синергетический потенциал системы.

Как свидетельствует опыт уже имевших место в истории экономических скачков, для извлечения синергии, как правило, нужно крупное первоначальное "вливание" за достаточно короткое время. Таковым было, например, инвестирование американского капитала в экономику Японии в послевоенные годы, а также, согласно известному плану Маршалла, в экономику Западной Европы. Проецируя эту тенденцию на микроэкономический уровень, теория саморазвития утверждает: для быстрого развития самостоятельных предприятий и фирм необходимо, чтобы скорость роста капитала была пропорциональна не первой степени капитала, а, по крайней мере, капиталу в квадрате (нелинейный рост). Тогда развитие происходит по асимптотическому закону: "бесконечность" достигается за конечное время, скажем, за несколько лет, и развитие начинает само себя поддерживать [7]. Если же постоянно отбирать через налоги значительную долю прибыли предприятий, то для них никогда не произойдет выход на режим с обострением, не наступит процесс саморазвития. Этот синергетический вывод, как нам кажется, может быть использован при решении проблемы инвестирования.

Однако, как известно, предприятие может получить синергетический эффект и в других сферах хозяйственной деятельности. Например, рыночная синергия может быть получена с помощью продуктовой стратегии (совместного внедрения на рынок продуктов одной товарной группы). При этом рыночно-синергетическим элементом обычно является использование названий хорошо зарекомендовавших себя марок и фирм при маркировке нового продукта.

В отношении минимизации издержек на предприятии источником синергетического эффекта может служить использование одних и тех же производственных мощностей или тех или иных видов ресурсов для всех стратегических зон хозяйствования, общей сети распределения, торгового персонала и т.п.

“Технологическая синергия” возможна при перенесении технологии, разработанной для одной цели, в другие сферы. Термин “перенесение технологии” получил распространение в результате использования передовых технологий военно-промышленного комплекса в производственной и коммерческой сферах. Обычно для предприятия такой синергетический источник становится открытием стратегического значения.

Огромным синергетическим потенциалом, на наш взгляд, обладает реализация стратегии реформирования собственности предприятия. Такая стратегия предполагает гибкую смену формы хозяйствования с соответствующей структурной перестройкой, а также различные варианты организационных форм и форм собственности, их комбинации в рамках одного предприятия, вплоть до образования системы филиалов, а также создание концернов, сопровождающееся процедурами приобретений, поглощений и слияний. При ухудшении хозяйственной обстановки использование филиалов позволяет без дополнительных финансовых ресурсов повысить жизнеспособность предприятия благодаря резкой активизации предприимчивости и заинтересованности руководителей низшего звена. Хотя, безусловно, синергетический эффект может быть получен и при использовании одаренных руководителей высшего уровня.

Крупные многопродуктовые предприятия, обладающие большой устойчивостью в конкурентной борьбе, демонстрируют реализацию еще одного синергетического эффекта: формирование концерна позволяет “подтянуть” темпы развития вливающих предприятий до уровня устойчивых присоединяющих, происходит “гармонизация” темпов их развития.

При этом синергетический эффект может проявляться в двух направлениях. Прямая выгода — это осязаемое увеличение денежных потоков, то есть снижение издержек в результате объединения и сокращения оборудования, площадей и численности персонала, и более высокая величина контрибуции из-за упрочения позиций на рынке и увеличения размеров обслуживаемой территории. Конкретную величину прироста денежных потоков можно вычислить в процессе планирования стратегии реформирования собственности. Конечно же качество таких оценок будет зависеть от того, насколько количественно измеримы возможности для улучшения деятельности. Скорее всего в этом случае на качество расчетов повлияют и налоговые льготы, и эффект рычага.

Косвенная выгода заключается в том, что акции объединенных предприятий концерна могут стать более привлекательными для инвесторов, а потому их рыночная стоимость, отражающая увеличение денежных потоков, возрастет.

Увеличение прибыли, которое, возможно, получится в результате объединения (слияния) предприятий, как уже отмечалось, можно увидеть в той степени, в какой оно поддается измерению. Обычно для такого анализа используют два прогнозных отчета о прибылях и убытках. В одном из них прогнозируется чистая прибыль и денежные потоки показываются для каждого предприятия отдельно, а в другом — отражается деятельность объединения со всеми воображаемыми улучшениями. Эти документы затем могут стать основой для сравнительного анализа и расчета стоимости различными методами, включая анализ текущей дисконтиро-

ванної стоимости, а также, для выявления расчетной величины синергетического эффекта за каждый год (он отражается во втором из документов). Иногда бывает полезным и определение дисконтированной стоимости всех выгод от дополнительных денежных потоков, вызванных синергетическим эффектом, которая содержится в комбинированном прогнозном документе отчета. Такую текущую стоимость впоследствии можно использовать как ориентир при решении комплекса не только экономических, но и социальных проблем предприятия, например, для разработки программ социальной защиты работников, обеспечения их профессионального роста и др.

Литература:

1. Лоскутов А.Ю., Михайлов А.С. Введение в синергетику. — М.: Наука, 1990.
2. Пригожин И., Николис Г. Самоорганизация в неравновесных системах. От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. — М., 1979.
3. Колесниченко И.М. О социогуманитарном знании эпохи постмодерна (попытка синергетического подхода в экономических науках) // Постмодерн в философии науки и философии культуры. Вісник ХДУ, 1997. — № 389 — Вип.6.
4. Курдюмов С. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем // Философские аспекты информатизации. — М., 1989.
5. Акофф Р.Л. Планирование будущего корпорации. — М., 1985.
6. Кинг У., Клиланд Д. Стратегическое планирование и хозяйственная политика. — М., 1982.
7. Быстрай П.Г. Динамика накопления капитала фирмой на неравновесном рынке товара. — Екатеринбург, 1993.

Шаповаленко М.В.

МОДЕРНІЗАЦІЙНІ ВИТРАТИ СУЧАСНОГО ПЕРЕХІДНОГО СУСПІЛЬСТВА

Кілька років тому наша країна обрала шлях модернізації, головний зміст якої є системна перебудова всього суспільства: перехід від традиційного способу життя до складного, технологічно розвинутого та мінливого (Є.Роджерс). Головною рисою його є технологічний процес розвитку адміністративних, бюрократичних та інших управлінських структур, що повинні забезпечувати національний прогрес та безпеку суспільства.

Проблема ефективної модернізації країни залежить від адекватного розуміння реальності. Тому потрібно приділяти більше уваги з боку вчених та політиків-практиків вивченню сутності криз політичного розвитку, їх механізмів та наслідків. Якщо головною проблемою вважати спроможність влади у подоланні ентропійних процесів, то успіх цілком залежить від розуміння метаморфоз у системі владних відносин, перспектив існування балансу між "входом" та "виходом" політичної системи, між проблемами та потребами суспільства та процесом прийняття політичних рішень, їх результатами. Наслідками відповідної неспроможності є кризи легітимності, проникнення та розподілу. Теорія політичної модернізації вважає, що криза легітимності здійснюється через розвал конституційних структур попереднього режиму, слабкість нових інституціональних структур та неспроможності правлячої еліти дійти консенсусу щодо методів політичної діяльності. В свою чергу, наслідком таких явищ є відсутність: по-перше, національного консенсусу, тобто злагоди щодо базових цінностей суспільства; по-друге, ресурсів легітимації владних структур.

Наявність корупції як системотвірного фактора свідчить, на погляд автора, про: 1) своєрідну легітимність існуючого політичного режиму; 2) спробу подолати існуючий дефіцит ресурсів легітимації. У

іншому випадку йдуть на терористичні акти проти публічної влади та будують барикади, а не шукають важелі тиску та впливу на чиновників та бюрократичну владу. На жаль, приходить на думку не дуже оптимістичне припущення щодо перспектив обмеження корупції, тому що суспільство являє собою певну систему соціальних деформацій. З одного боку, корупція як засіб вирішення деяких проблем й розширення кількості політичних акторів та факторів впливу на маркетингові економіки, подолання монополії в різноманітних сферах економіки, сприяє розвитку суспільства. З другого, корупція як принцип відношень між public administration та іншими сферами, представники яких намагаються більш ефективно реалізувати свої особисті чи корпоративні інтереси, як основа взаємодії приватної та публічної сфер, дозволяє припустити наявність прозорості між ними і створює певну аморфність обмежень, наявність яких зводить нанівець будь-які зусилля по подоланню негативних впливів його. Автор вважає, що створюється таким чином замкнуте коло відносин між публічною та приватною сферами. На жаль, на користь цього феномену працюють й довготривале панування тільки державної власності (чи так званої соціалістичної), та одне із стратегічних питань перехідного суспільства – створення умов для накопичення первісного капіталу. Безумовно, такі явища спричиняють деформації в агрегуванні інтересів у соціумі взагалі, наслідком чого є розбудова піраміди інтересів вузькокорпоративних напрямків. Через слабкість нових конституційних структур створюються сприятливі умови для вирішення суто егоїстично-корпоративних інтересів, що відчувають себе досить вільно в умовах правової аморфності.

Але відсутність традицій політичної участі, механізму політичного представництва, наявність тільки локальних та відокремлених зон громадянського суспільства створюють певні труднощі для ефективного функціонування нових інститутів демократії та структур, що залишилися від попереднього режиму. Ці фактори створюють парадоксальну ситуацію непублічності влади публічних інститутів й “неможливості коректної інституційної ідентифікації” [1].

Процеси супроводжуються зростанням впливу різноманітних непублічних факторів на центри прийняття рішень. Це поняття відбиває феномени активізації акторів соціальних змін, які ще не стали політичними або мають недостатній за своїм станом доступ до владних ресурсів; процедури та принципи, за якими вони діють для досягнення своєї мети. На жаль, така активність супроводжується поглибленням криміналізації політичних процесів та економічного реформування суспільства. Історія людства нараховує чисельні факти як розповсюдженості та інклюзивності такого феномену як корупція, так й не менш чисельні приклади не дуже вдалої боротьби з нею. На жаль, “історія, всупереч власному творчому потенціалу, вимушена повторюватися” [2]. Ще в античності вважалося, що демократія сприяє розвитку хабарництва, а відомий теоретик й прихильник демократії Ж.-Ж. Руссо обґрунтовував тезис, що домінування інституту власності підживлює людські егоїстичні інстинкти, що створюють корумповану державу. В сучасній науці акцентується увага на девіативному характері поведінки службовців, які використовують публичну сферу в своїх приватних інтересах [3].

Корупція, існуючи майже всюди, змінює постійно свої масштаби в залежності від того, які процеси відбуваються в соціумі. В періоди модернізаційних перетворень її рівень значно зростає й про це свідчить великий досвід багатьох держав (перш за все США та Великої Британії під час промислової революції). Коли системні проблеми вирішуються й країна вступає в період стабільного еволюційного розвитку, то масштаб та вплив цих явищ зменшується. Усі перехідні суспільства проходять через гучні кампанії боротьби з корупцією та криміналом, які, на жаль, не можна порівняти з результатами цих дій. Головною їх помилкою є те, що організатори забувають

враховувати існування об'єкту своїх дій і за умов так званого "розвинутого соціалізму", та шукають засоби подолання не причин, а вже наслідків. І деякі теоретики вважають, на відміну від Ж.Ж. Руссо, що соціалістичній корупції сприяли відсутність ринка та бюрократичний імперсоналізм [4], різноманітні структурні особливості: олігархія, замкненість, єдина ідеологія, адміністративно-командне планування, які створювали певну систему сприяння корупції [5]. В цілому була створена певна система непрозорості та латентності у суспільних процесах, яка має досі великий масштаб. Крім того трансформаційні процеси сприяли посиленню соціальних факторів криміналізації усіх сфер життя суспільства: ціннісний вакуум; лібералізація економіки та шок від неї; вплив кримінальних структур; слабкість державних структур; зростання потенційних резервів криміналу за рахунок нових маргінальних та незахищених соціально верств населення [6].

Тому ці феномени потребують теоретичного розуміння та пошуку більш адекватних аналітичних моделей прогнозування, розробки засобів запобігання зростання негативних впливів на суспільне життя. Розповсюджені аксиологічні та нормативні підходи стосовно цього феномену не мають необхідного евристичного потенціалу. Деякі з представників нормативного підходу вважають, що наявність корупції та її масштаб цілком залежать від культурно-релігійних традицій того чи іншого суспільства: що для одного може бути злом, для другого – нормальною процедурою вирішення будь-якого питання.

На погляд автора, таку якісну особливість має функціональний аналіз, використання якого дозволило б побудувати більш адекватну модель даного феномену. По перше, необхідно визначити саме поняття явища, що завжди ховається від публічності і яке "легше розпізнати, аніж визначити" [7], та виявити його іманентні риси. Хоча у буденній свідомості суспільства тільки певні латентні структури мають реальну владу та використовують її ресурси, тому дехто починає віддавати перевагу представникам кримінальних структур (останні вибори у Нижньому Новгороді та вибори в Верховну Раду). Найбільш розповсюдженим визначенням корупції вважається — злочини, що "полягають у використанні державними особами, політичними і громадськими діячами своїх службових справ з метою особистого збагачення на збиток держави і суспільства" [8], та "зловживання владою, пов'язані з підкупом посадових осіб" [9]. Але корупція та організована злочинність притаманні і новим національним державам, і глибоко традиційним країнам, і розвинутих демократичним режимам з певними правовими нормами та традиціями (відбиття його знайшло своє місце у різноманітних евфемізмах: в країнах Азії — "бакшиш"; в Італії — "ла бустарелла"; в Іспанії — "ла мордіда", в Росії — "взятка", в українській мові — "хабар" [10]. Безумовну якісну різницю треба шукати у спрямованості, масштабах впливу на суспільні процеси, здатності владних структур створювати імунні системи щодо негативного тиску латентних факторів та їх намаганням контролювати різноманітні ресурси. Загальною залишається соціальна природа цього феномену, аналіз якого потребує окремого дослідження. У перехідному ж суспільстві зростання впливу латентних факторів сприяють і структури та норми попереднього соціалістичного режиму, і руйнування деяких з них в умовах маркетизації економіки та політичної демократизації, і поява нових й досить слабких структур. На погляд автора, вони мають як негативні, так й позитивні впливи на стратегічні напрями розвитку суспільства й тому ховаються в "тумані двозначності" [11]. Деякі з найважливіших автор і намагається в стислому вигляді подати.

В умовах перехідного суспільства цілий комплекс причин сприяє зростанню факторів перетворення корупції в системну домінують впливу на розвиток суспільства в загалі й кожного його сектора окремо.

Політична модернізація передбачає зміну базових цінностей на індивідуальному та груповому рівнях. Ситуація зіткнення цінностей традиційного та відкритого суспільства неминуче розвиває кризу цінностей. Криза цінностей неминуче впливає на поведінку всіх учасників та примушує шукати нові моральні та ідеологічні

парадигми. Змінюється поведінка людей, їх вірування та цінності, відтворення та процес відбору, що деформує усе суспільство. Конфлікт традиційного та сучасного розширює можливості пошуку нових цінностей та цілей, а також засобів їх інституалізації. Цей конфлікт становиться особливо актуальним для "розколотих країн", до яких належить і Україна. Тривалий процес пошуку нових цінностей сприяє розвитку аномії, що за теорією Е.Дюркгейма, сприяє порушенню "органічної солідарності". Така ситуація закріплює та консервує ідеал маргіналізованого стану соціально-політичних структур та індивідів". Масова безправність поєднується з не менш небезпечним процесом масової недисциплінованості й неморальності" [12]. Певна кількість таких структур та тривалість їх існування не тільки закріплюють, але й надають героїчний характер руйнівним інтенціям в свідомості та поведінці пересічних громадян. Це перетворює в більш легітимні антиправові норми в суспільстві та підживлює теньову нормотворчість. В той же час носії руйнівних інтенцій для особистого існування бажають стабільних, розвинутих правових норм та процедур в соціально-економічній і політичній інфраструктурах. Наявність корупції як системоствірного фактора свідчить про відсутність ефективної політичної інституалізації і великий рівень анемічності традиційних політичних інститутів.

Політичні інститути перестають відповідати потребам соціуму, не реагуючи більше на зовнішні імпульси, що йдуть із різноманітних соціальних секторів. З метою збереження статус-кво вони намагаються блокувати можливі канали впливу з боку цих нових акторів. В той же час в результаті розпаду жорсткої бюрократизованої та корумпованої імперської вертикалі влади її ресурси опинилися поза межами мінімального регулювання. Групи, інтереси яких були в неї представлені, опинилися в процесі інтенсивної горизонтальної інституалізації. Паралельно набрав швидкість процес становлення вертикальних структур публічної влади, підфарбованої романтичними кольорами. Політична ейфорія, безумовно, не дозволила звернути уваги на прозаїчність, але важливу й доволі утилітарну проблему ресурсного забезпечення публічної влади. На це швидко звернули свою увагу різноманітні кримінальні угруповання, у яких достало сил та часу сформувати латентний контроль центрів прийняття політичних рішень та засобів їх реалізації. Нова ситуація контролю за владними ресурсами дозволила створити певну систему "правил гри" у суспільстві з деформованими структурами.

Нові політичні актори, що вийшли на публічний політичний простір, далеко не завжди були героями-одинаками: за деякими вже стояли певні організовані групи інтересів, деякі скористувалися новою ситуацією. Але усі вони намагалися відтворити механізм впливу на ухвалення політичних рішень й економічну політику в цілому. Проте державні структури, за котрими теж стоять організовані інтереси, які сформувалися ще в радянську епоху і теж були й є носіями певної авторитарної інерційності, не можуть дозволити розширювати коло інституцій, що мають потенції впливу на прийняття політичних рішень. Простір влади дуже малий й тому боротьба між новими та старими акторами у перехідному суспільстві має особливості "гри з жорсткими правилами". І ті, й інші намагаються сформувати *свої особисті публічні інститути*, які б діяли тільки за їх відомими нормами та імітували демократичні процедури. Прагнення легітимувати свої економічні інтереси, легалізувати їх, забезпечити юридичними гарантіями де-факто приватизовану власність стимулювали й продовжують стимулювати фрагментування та дифузність усередині організованих інтересів і створюють систему блокування каналів політичної інституалізації. Тому корупція процвітає у суспільствах із слабо організованими партіями і домінуючими клієнтальними відносинами [13]. Важко не бачити демократичних змін, але не менш важко не бачити функціональну слабкість нових інститутів, їх структурну незавершеність, невизначеність результатів демократичного процесу, що складають ситуацію непередбачуваності існування самого процесу демократизації [14].

Політичні модернізації притаманні зростання політичної свідомості і політичної участі. Організаційне зміцнення цієї участі стає інтенсивним під час

виборів, поряд з цим зменшуючи державний патронаж відносно партій та збільшуючи їх імунітет. Це, безумовно, сприяє зрілості політичних акторів і зростанню їх опірності тиску державних структур й політичної влади. Визрівання цього прискорюється в умовах існування змішаної виборчої системи, котра дозволяє реалізуватися новим політичним акторам. Поряд з цим виборчий процес легалізує великий сектор тіньової економіки — через виштовхування грошей в соціо-економічний простір через фінансування передвиборчих кампаній численних кандидатів. Передвиборчі кампанії дозволяють спостерігати вихід у відкритий політичний простір прихованих груп інтересів через підтримку ними кандидатів, дозволяють спостерігати існуючі між ними конфлікти. Таким чином, тіньовий сектор збільшує кількісно, а може й якісно, свою публічну репрезентативність. Розвиток політичних партій з певним впливом й постійним його розповсюдженням відповідно правовим нормам, підтримка груп організованих інтересів легалізує та легітимізує діяльність нових акторів у політичному просторі, разом з цим знижуючи їх потребу у латентному впливі та створює умови для впровадження системи соціального та громадянського захисту, що сприяє зменшенню рівня корупції у перехідному суспільстві. В той же час формальні процедури демократії прикривають реальні відносини між економічними та політичними акторами, які за допомогою електоральних процедур створюють механізм самозбереження, що приховує приватизацію публічної влади, аморфність розподілу приватної та публічної сфер життя суспільства.

Можна зробити висновок, що "синдром модернізації" в сучасному перехідному суспільстві має наслідком певні витрати, які поступово складають певну стабільну систему соціальних деформацій та політичних девіацій, що розвивається за своїми законами. Тому дуже шкідливо для адекватного розуміння реалій та практичної діяльності тільки запозичувати іноземні моделі та намагатися їх втілювати в інших соціокультурних умовах.

Література:

1. Томенко М. Реальні та удавані конфлікти в українській владі // Політична думка, 1997. — №1. — с.27.
2. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992, — с.267;
3. La Palombara Joseph. Structural and Institutional Aspects of Corruption // Social Research. — V.61, — №2, Summer 1994, — p.328.
4. Jowitt K. New World Disorder: The Leninist Extinction. University of California Press? — Berkely, 1992.
5. Harris P. Socialist graft: The Soviet Union and the People's Republic of China - a preliminary survey // Corruption and Reform 1(1). — 1986. — p. 13-32;
6. Рывкина Р.В. Социальные корни криминализации российского общества // Социс. — 1997. — №4. — с.74-75.
7. Люїс Ф. Світове явище // Кур'єр ЮНЕСКО, 1996. — серпень. — с.4.
8. Політологічний енциклопедичний словник // За ред. Шемшученко, Ю.С. Бабкіна В.Д. — К., 1997, — с.176. *Л.Г. Нетецький., П.В. Цимбал*
9. Юридичний словник-довідник. — К., 1996. — с.308.
10. Голосов Г.В. Сравнительная политология. — Новосибирск, 1995. — с.102.
11. Кауфман Д. Корупція в тумані двозначності // Політика і час, 1998. — №1. — с.58.
12. Небоженко В.С. Соціальна напруженість і конфлікти в українському суспільстві. — Київ, 1994. — с.16.
13. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. — М., 1994. — с.123-132; Political Corruption: A Handbook. Edited by Arnold Heidenheimer, Michael Johnston, and Victor LeVine. 1990. New Brunswickpp. P.377-388.
14. Мельвиль А.Ю. Демократический транзит в России — сущностная неопределенность процесса и его результата // КосмоПолис. Альманах. — М., 1997. — с.47.

Нетецький Л.Г., Цимбал П.В.

МАТЕМАТИЧНО-ПОЛІТОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ ВИБОРЧОГО ПРОЦЕСУ (НА ПРИКЛАДІ НЕВЕЛИКОГО СХІДНОУКРАЇНСЬКОГО МІСТА)

В умовах перехідного суспільства досить гострою є проблема проведення справедливих демократичних виборів. Їх результати впливають на формування політичної системи держави, діяльність місцевого самоврядування, формування громадянського суспільства. Виборчий процес знаходиться в центрі уваги офіційних структур, різноманітних суспільно-політичних сил і навіть організована злочинність намагається використати вибори в своїх інтересах.

Запропоновані наукові дослідження стали можливими завдяки реалізації проекту "Молодь за справедливі демократичні вибори.", який був підтриманий Міжнародним Фондом "Відродження" і здійснювався молодіжною громадською організацією "Спілкування без кордонів" в м.Люботин Харківської області.

Достовірність результатів дослідження досить висока, тому що їм передувала велика підготовча робота, зокрема:

- була створена група молоді із 40 осіб, проведено сім навчально-практичних семінарів з виборчих технологій та офіційного спостереження від громадських недержавних організацій;

- з 22.02 по 1.03.98р було опитано 1019 жителів міста Люботина різних категорій. Опитування провели Фонд соціального розвитку і "Спілкування без кордонів" в рамках проекту "Молодь за справедливі демократичні вибори" (деякі результати опитування приводяться в додатку №1);

- офіційні спостерігачі оволоділи технологією збору і опрацювання результатів виборів;

- під час проведення навчання і опрацювання результатів виборів використовувались наукові методи математичного моделювання, політологічного порівняльного і функціонального підходів та контент-аналізу.

Аналіз виборчого процесу в м.Люботин

Якщо розглядати в цілому підготовку, проведення і результати виборчої кампанії в місті, то можна окреслити ряд позитивних і негативних факторів, які проявилися під час виборів 29 березня 1998р. Головною особливістю цих виборів порівняно з минулими у 1994р. стало різке зростання участі населення у виборах. Саме цей фактор, на наш погляд, в найбільшій мірі вплинув на результати виборів.

Підкреслимо, що місцеве керівництво, незважаючи на прогнози політологів і соціологів, не чекало високої активності населення і в достатній мірі не підготувалося до організації виборів. Ці прорахунки привели до того, що виборчі комісії змушені були працювати на дільницях, розташованих в тісних приміщеннях, а виборці — стояти в чергах, щоб узяти участь у голосуванні, в середньому близько години.

Одночасно висока активність виборців, поєднана з чіткою роботою незалежних офіційних спостерігачів, унеможливила масове вкидання фальшивих бюлетенів і стала реальною перепорою для тих, хто хотів би підтасувати вибори.

До головних причин, що сприяли підвищенню активності електорату, можна віднести такі:

- агітаційно-інформаційна робота по телебаченню, радіо та інших ЗМІ мала певний вплив. Особливо ефективно спрацювало гасло: "Якщо ти не проголосуєш, то хтось проголосує за тебе";

- складні соціально-економічні умови, постійні не виплати зарплатні, безробіття та інші негаразди викликали невдоволеність і вибори для багатьох сприймалися як певна форма протесту проти керівництва і складних умов життя. Одні вихід вбачали в поверненні до комуністичних часів, інші — в здійсненні реальних реформ;

- значна частина виборців була незадоволена діяльністю місцевого голови (59,2%), та роботою місцевих органів влади (56,4%) і вважали за потрібне прийти на вибори і проголосувати проти голови міської ради;

– міжпартійні дискусії і конкуренція значною мірою впливали на виборців і заохочували їх до участі у виборах.

Акцентуємо увагу, що вперше на виборах в місті важливу роль відіграли громадські неполітичні організації: благодійний Фонд соціального розвитку та молодіжна організація "Спілкування без кордонів".

Їх діяльність розгорталась згідно таких напрямків:

– проведення широкої просвітницької роботи та інформування населення в рамках програми "Виборчий процес у Люботині" (здійснював Фонд соціального розвитку) та згідно проекту "Молодь — за справедливий демократичні вибори," (здійснювала організація "Спілкування без кордонів");

– підготовка і розповсюдження матеріалів про хід виборчої кампанії, про відповідальність за порушення виборчого законодавства та інше;

– в рамках проекту організовані і проведені заняття для групи незалежних офіційних спостерігачів від громадських організацій.

Здійснення просвітницьких програм викликали високий інтерес. Якщо на початку виборчої кампанії понад 36% виборців негативно ставилися до виборів, побоюючись фальсифікації їх результатів, то перед виборами побоювання розвіялися, в значній мірі завдяки просвітницькій діяльності громадських організацій.

Робота офіційних спостерігачів та просвітницька діяльність організацій третього сектору, як неполітичних, позапартійних структур, суттєво покращили процес виборів у місті. Активна роль під час виборів, а також пошуки шляхів впливу на обраних депутатів і органи місцевого самоврядування свідчать, що організації рішуче включаються в процес вирішення життєво важливих проблем міста.

В широкому плані можна говорити, що активізація громадськості в рамках незалежних неполітичних організацій є важливим кроком на шляху до розбудови громадянського відкритого суспільства. Тому важливо заохочувати, підтримувати ці організації і сприяти розширенню сфер їх впливу. Необхідним є подальше дослідження діяльності благодійного фонду соціального розвитку м.Люботина та дитячо-молодіжного громадського об'єднання "Спілкування без кордонів" з метою вивчення, аналізу і розповсюдження досвіду активізації участі громадськості в житті невеликих міст і селищ, а також адаптації населення до умов плюралістичного суспільства.

Статистичний аналіз результатів голосування

Статистичний аналіз результатів голосування на всіх виборчих дільницях міста Люботина по виборам народного депутата України по 181 виборчому округу, виборам народних депутатів України по багатомандатному загальнодержавному округу, виборам депутатів Харківської обласної ради по Люботинському двомандатному округу, а також виборам голови міста Люботина, результати яких даються в приведених таблицях, показує рівномірність і випадковість результатів голосування, що дає підставу для висновку про відсутність порушень виборчого процесу, які суттєво би вплинули на результати виборів.

Регресійний аналіз результатів виборів показує достатню корельованість підсумків виборів з відповідними результатами в межах Харківської області і всієї України, а також з результатами соціологічних опитувань які проводились в місті Люботині в період з 20.02.98 по 25.03.98 року в рамках даного проекту. Потрібно звернути увагу, що на дільницях № 48/3, № 52/7, № 58/13 кількість бюлетенів по виборам міського голови перевищувала кількість бюлетенів по виборам депутатів інших рівнів в загальній кількості 134 бюлетеня. Це дає підставу зробити припущення, що на цих дільницях в скриньки було додатково укинута бюлетені, причому, можливо, ці бюлетені були заповнені на підтримку тільки одного з кандидатів на посаду міського голови. Але враховуючи те, що різниця між лідерами перевищувала 500 голосів, це порушення суттєво не вплинуло на результати виборів міського голови.

Дослідження показників по кожному із напрямків голосування, відображають залежність від рівня агітаційної роботи пратій та груп підтримки кандидатів. Якщо Ю.Кононенко протягом останніх років намагався зарекомендувати себе як підприємець і виробник, здатний вирішувати фінансово-економічні питання міста і майбутніх виборців, то він й отримав більшість голосів — 23,1% по Люботину. Одночасно слід звернути увагу на феномен іншого підприємця О.Сляднева, команда якого розпочала агітацію в місті за 2-3 тижні до виборів і запропонувала серйозну економічну програму перетворень в масштабі України та інвестиційну — для регіону. Завдяки динамічній, сильній програмі він зміг посісти сьоме місце серед 22 претендентів, а за умов 2-3 місячної агітаційної роботи цей результат міг бути значно кращим.

Зробимо висновок, що найбільш ефективною є передвиборна компанія яка розпочинається за кілька місяців до виборів, а то і раніше, і дає змогу виборцям оцінити претендента, його програму і здатність її реалізувати.

Якість, продуманість і обґрунтованість агітаційної роботи позначилися також на результатах виборів у багатомандатному виборчому окрузі. Якщо комуністи зробили наголос на агітаційній роботі за принципом "від хати до хати", підтримували своїх кандидатів в депутати по вертикалі на всі рівні, організували приїзд до м.Люботина лідера КПУ П.Симоненка, то, наприклад, соціал-демократи (об'єднані) обмежилися трансляцією реклами своєї партії на республіканському телебаченні. Частина виборців була незадоволена тим, що ряд партій вважали за непотрібне розгортати агітаційну роботу на периферії, в містечках і селищах. Тому результати відбивають певну закономірність:

- КПУ отримала 32,5% голосів, а мером міста обрано комуніста, якого підтримали 27,9% виборців;

- НДП проводила широкую роботу в місті, але не популярність голови міської ради, одного із керівників місцевого осередку партії, негативно вплинула на результат — 6,4% голосів;

- місцевий осередок Руху, який організував приїзд до м. Люботина В. Чорновіла, — отримав 5,4% голосів, а кандидат в депутати до Верховної Ради від НРУ — посів п'яте місце — 8,6% голосів виборців;

- СДПУ(о) не проводила конкретної агітаційної роботи в місті, тому отримала лише 3,5%.

Вважаємо за доцільне звернути увагу на те, що досить високий відсоток тих, хто віддав голоси за ПСПУ — 10,6%. Це свідчить, що в місті посилюлися ліворадикалістські настрої, невдоволеність місцевою владою, агресивність серед частини населення.

Статистичний аналіз свідчить, що в умовах кризи і труднощів перехідного суспільства, коли рівень політичної культури не досить високий, передвиборна агітаційно-пропагандистська робота політичних партій на периферії і особливо просвітницька робота незалежних громадських організацій, відіграють важливу роль і сприяють утвердженню практики демократичних плюралістичних виборів.

Висновки

Складність виборчого процесу в Люботині обумовлена цілою низкою об'єктивних і суб'єктивних причин. Головний недолік полягає в тому, що Закони про вибори, особливо до місцевих органів самоврядування, були ухвалені Верховною Радою безпосередньо перед виборами і громадськість та члени комісій на місцях не мали достатньо часу, щоб ґрунтовно ознайомитися з юридично-правовими тлумаченнями головних положень законів, поправок до них та особливостей нової виборчої системи в цілому. Тому перед президентськими виборами вся законодавча база має бути сформована заздалегідь.

Змішана (мажоритарно-пропорційна) система на безрезневих виборах 1998р. була досить складною для виборців і членів комісій. Особливо вражала велика кількість партій і блоків. Але це була необхідна цивілізована процедура, яка

демократичним шляхом мала упорядкувати партійну структуру, виявити партії — однопіддані, створені під лідера. Ми вважаємо, що змішана (мажоритарно-пропорційна) система за наявності 5-10 великих партій зможе в подальшому відігравати позитивну роль в процесі формування політичної системи в Україні, розбудови правової держави та громадянського суспільства.

Під час виборів відчувалась недостатня інформованість населення щодо програм партій та партійних списків, кількості висунутих кандидатів на різні рівні, їх місце роботи та партійна приналежність та інше. Вважаємо за потрібне акцентувати увагу на необхідності поглиблення практики професійного об'єктивного порівняльного аналізу програм політичних партій і кандидатів в депутати на республіканському телебаченні та в місцевій пресі. Подібна форма роботи "за круглим столом" буде сприяти населенню визначитися у виборі під час голосування.

4. Відсутність Положення про статус незалежних спостерігачів на виборах місцевих органів влади в разі різних термінів проведення виборів народних депутатів і депутатів місцевих органів влади унеможливило незалежний контроль за виборами депутатів місцевих органів влади. Тому слід Положення про статус офіційних спостерігачів зробити більш універсальним.

5. Для попередження порушень при голосуванні в місці перебування виборців (ст.40 п.12 Закону України "Про вибори народних депутатів України" та ст.41 п.4 Закону України "Про вибори депутатів місцевих рад та сільських, селищних, міських голів") вважаємо за потрібне в ст.41 Закону України "Про вибори народних депутатів України" та ст.45 Закону України "Про вибори депутатів місцевих рад та сільських, селищних, міських голів" передбачити проведення окремого підрахунку голосів по скриньках, які використовувались для голосування в місцях перебування виборців.

6. В ст.41 п.7 Закону України "Про вибори народних депутатів України" прямо не сказано про визнання недійсними бюлетенів, в яких поставлена позначка проти прізвища одного з кандидатів і проти запису "Не підтримую жодного з кандидатів в депутати", що може приводити до різного трактування цього випадку.

7. В випадку, коли в законі передбачені вибори по багатомандатним округам (як, наприклад, проводились вибори до Харківської обласної ради, по двомандатним округам), і виборцям дозволяється в одному бюлетені підтримувати більш ніж одного кандидата, значно ускладнюється процес підрахунку голосів, що може приводити до значних помилок при встановленні результатів виборів.

8. Для запобігання зловживань в процесі передачі протоколів дільничними виборчими комісіями до територіальних і окружних виборчих комісій потрібно в "Положенні про статус офіційних спостерігачів від інших держав та міжнародних організацій, а також громадських організацій України та кандидатів у депутати на виборах народних депутатів України" передбачити можливість спостерігачам одержувати у голів дільничних виборчих комісій копії протоколів.

В цілому політологічні дослідження засвідчили, що організації третього сектору відіграють важливу роль у виборчому процесі, їх діяльність сприяє поширенню незалежної, об'єктивної інформації серед виборців, націлює на встановлення громадського контролю і взаємодії з органами самоврядування. Більшої ефективності добиваються ті організації, які взаємодіють і співробітничать між собою. Так, наприклад, організація "Спілкування без кордонів" здійснювала цей проект у тісній співпраці з іншими гуманітарними, правозахисними організаціями: Комітетом виборців України, Харківською правозахисною групою, обласною гуманітарною студією "Хвиля", Фондом соціального розвитку Люботина та іншими. Встановлення постійних контактів між громадськими організаціями, їх взаємодія будуть відігравати важливу роль під час організації офіційного спостереження від громадськості в період президентських виборів в Україні. Зробимо висновок, що міждисциплінарні дослідження дають змогу науково обґрунтувати соціально політичні процеси, що розгортаються в суспільстві.

СДВИГ ПАРАДИГМЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОДВИЖЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

По утверждениям многих ученых современная западная наука стоит на пороге "сдвига парадигмы невиданных размеров"¹, а, быть может, и перешагивает уже этот порог.

Для иллюстрации подобных изменений в прикладных науках трудно подобрать более удачный пример, чем смена парадигм в программировании. В пределах небольшого временного отрезка в 40 лет, в условиях внешне чрезвычайно благополучного победного продвижения компьютерных технологий и устойчивой динамике все возрастающих финансовых затрат, произошла целая цепочка кардинальных трансформаций подходов. Поочередно рождались, отрицая друг друга, парадигмы низкоуровневого, высокоуровневого, процедурного, функционального, непроцедурного, объектно-ориентированного, распределенного компонентного и, наконец, агент-ориентированного программирования. Примечательно, что новшества затрагивали отнюдь не технические улучшения, а кардинально меняли базовые правила, техники усовершенствований, стиль мышления программиста, критерии оценки.

Возникновение каждой новой парадигмы, как правило, сопровождалось вспышкой проясняющей интуиции, торжеством иррациональных мотивов рождения новых фундаментальных предпосылок, которые, однако, не выглядели случайными и легли не на пустое место. Каждая из них была окружена и укреплена мощными объяснительными и применительными построениями в лучших традициях рационального метода. Поводом для поиска новой парадигмы служили кризисные явления, неспособность в рамках старой парадигмы решить назревшие проблемы, оправдать выдаваемые авторы, а также технологические прорывы в соседних областях.

Вот краткий перечень подобных проблем на современном витке развития:

- неуправляемый рост объемов информационных ресурсов и слабость методов и инструментов их освоения;
- острый социальный конфликт традиционных, процедурных, человеко-ориентированных технологий обучения и нетрадиционных, ресурс-ориентированных, дистанционных;
- невостребованность потенций информационных технологий в силу неудобств адаптации неискушенного пользователя к быстро меняющимся особенностям информационно-компьютерной среды на фоне повсеместного проникновения компьютерной техники и сервиса доставки информационных ресурсов;
- поиски баланса сервиса традиционных и электронных информационных ресурсов, места библиотек, авторов, издательств и провайдеров информационных услуг в глобальном электронном информационном пространстве, продуктивного соотношения прав создателей, потребителей и распространителей электронной информации;
- неэффективность локальных ограничительных мер обеспечения информационной безопасности в условиях глобализации информационного пространства, возросших скоростей протекания процессов, становления открытого информационного общества, жесткой конкуренции за место на мировом рынке информационного сервиса.

Иррациональная природа порождения новых парадигм и инерционность старых имеет своим следствием неравномерный характер новаций, плюрализм конкурирующих и часто расходящихся по смыслу подходов и обоснований. В приведенном перечне направлений смены парадигм также не наблюдается единообразия процессов. Некоторые новые парадигмы используются вперемешку

со старыми, другие — явно доминируют и их положение выглядит безоговорочным и стабильным.

В последние годы в связи с бурным развитием и внедрением технологии Internet получили толчок исследования всех аспектов глобализации и интеллектуализации мирового информационного пространства. Одним из динамично развиваемых направлений является проблематика создания интеллектуальных агентов в компьютерных сетях. В научном мире появление технологии интеллектуальных агентов считается одним из наиболее впечатляющих и важных событий, возникших в компьютерных науках в течение 90-х годов. Сейчас широко признается, что эта технология будет играть центральную роль в развитии сложных распределенных информационных систем и во взаимодействии с компьютером в течение 21 века.

Новизна проблематики определила множественность трактовок понятия "агент". Приведем несколько примеров таких определений.

"Термин "агент" используется для представления двух ортогональных понятий. Первое — способность агентов действовать самостоятельно. Второе — способность агентов действовать разумно в данной предметной области"² (S. Virdhagriswan, 1995).

"Автономные агенты — вычислительные системы, которые населяют некоторую сложную динамическую среду, чувствуют и действуют самостоятельно в этой среде, и, действуя так, решают задачу или следуют множеству целей, для которых они были спроектированы"³ (Maes, 1995).

Одно из последних определений, которое претендует на краткость и учет недостатков предыдущих: "Автономный агент — внутренняя система, часть среды, которая понимает эту среду и действует в ней вне времени, в соответствии с собственным графиком и так, чтобы это было оправдано в будущем."⁴

Последние 2-3 года знаменуются бурным ростом исследований проблематики распределенных агентов, группового сотрудничества агентов в компьютерных сетях, создания единой теории познания средствами моделирования естественного интеллекта на инструментальной и экспериментальной поля технологии распределенных интеллектуальных агентов.

По росту объема исследований, в том числе и междисциплинарных, а также по тому влиянию, которое технология интеллектуальных агентов оказывает на другие области, можно предположить возникновение новой парадигмы. Парадигма интеллектуальных агентов, которая обобщает в себе также и инструментарий параллельно развиваемых и сходных по базовым внутренним механизмам технологии распределенного компонентного и агент-ориентированного программирования, а также ресурс-ориентированного обучения, закрепляет отход от ориентированных к центру, смыслу и первопричине логоцентристских подходов. Вместо этого утверждается ориентация на проектирование фрагментов реальности в полноте выявленных на стадиях анализа системно-образующих связей и отношений субъект-объектного и субъект-субъектного типа, выявленных в поведенческих проявлениях агента, адаптирующегося в моделируемой среде, принимая во внимание ограниченный временной и ситуативный контекст. Старая ориентация понимания и представления на то, что такое есть этот мир и по каким законам он функционирует, оказалась неэффективной в реалиях глобализации информационных связей и резкого роста размерности и сложности задач и с учетом ограниченности ресурсов поддержки их решения. Ее технологическая поддержка на единой теоретико-методологической платформе оказалась в данный исторический момент недостижимой. На смену выдвинулась парадигма ориентированного на среду, ее потенции и реактивность к ней субъект-объектного и субъект-субъектного познавательно-преобразующего процесса, более гибкого, адаптивного и индивидуализированного, менее "зажатого" предопределенной процедурной, временной и структурной схемой и внешней обусловленностью. Такая ориентация оказалась более жизнеспособной за счет сужения информационного поля принятия решений до поддержки ориентировочных

возможностей субъекта-агента в контексте его внутренних целей, идентификации состояния и потенциал среды, индивидуальной специализации и жизненного опыта. Заманчивое, но не подкрепленное реальными возможностями, стремление познать смысл и законы мироздания, усугубленная к тому же окаменевшими наростами устаревших парадигм и "оков рациональности", уступила дорогу более приземленной цели найти ориентиры разумного поведения в безбрежном море информации, укрепленной новизной подхода и параллелями с поведением естественного интеллекта.

Агент-ориентированные технологии — одно из наиболее удачных порождений междисциплинарного взаимодействия естественных, технических и социально-гуманитарных наук. Их идеи созвучны тенденциям постмодернизма, избегающего всех форм монизма и универсализации, и противопоставляющего им множественность и диверсифицированность, многообразие и сосуществование гетерогенных элементов, множество типов равносущностных отношений, неустраиваемую множественность описаний и точек "зрения". Согласно постструктуралистской концепции "универсализма" любая объяснительная схема и обобщающая теория, претендующая на логическое обоснование закономерностей мира действительности, должна рассматриваться как "маска догматизма"⁵. Согласно концепции Фуко о знании как продукте властных отношений знание не может быть нейтральным или объективным, оно есть продукт борьбы за "власть интерпретации"⁶. Уместна в контексте рассматриваемого аспекта взаимообмена идеями и краха старых "доагентных" парадигм критика "трансцендентального означаемого" у Дерриды, показывающая несостоятельность "западной логоцентристской традиции", стремящейся во всем найти порядок и смысл, во всем отыскать первопричину (или, как чаще выражается Деррида, навязать смысл и упорядоченность всему, на что направлена мысль человека)⁷. Мечты создателей интеллектуальных агентов о человеческом расцвете адаптивности⁸, быть может, и разбиваются при проектировании агентов об остатки этого сковывающего и тотально довлеющего над ними стремления к смыслу и порядку. Еще более показательна параллель с критикой Дерриды принципа "структурности структуры", рассматривающего "центр" структуры как некое организующее ее начало, которое не является объективным свойством структуры, а есть фикция, постулируемая наблюдателем, результат его "силы желания" или "нищешанской воли к власти". Проявлением "империализма рассудка" считают постструктуралисты принцип рациональности, ограничивающий спонтанность работы мысли и воображения, с неприятием относясь к концепции целостности и с пристрастием ко всему нестабильному, противоречивому, фрагментарному и случайному. В какой мере подобная трактовка отношения к рациональности соответствует реалиям сдвига рассматриваемых парадигм?

В традиционном понимании рациональность можно бы было трактовать как общезначимость жизненно существенных смыслоопределений, которые поддаются реалистическому выражению (установленные понятия науки, кодифицированные приемы реалистического искусства, не подлежащие преобразованию предписания здравого смысла), формальная концептуализация которых кристаллизуется в понятийно-теоретическом аппарате математического образца, позволяющем интерпретировать содержание основными операциями формальной логики, где силлогистический каркас составляет базу тех или иных положений, исчерпывая собой представление о системности и целостности знания.

Создание "картины мира", познание естественного порядка, гармоничного в своем осуществлении и рационально постижимого в познании — мировоззренческий лозунг и теоретическое резюме классической рациональности. Здесь объект и субъект гармонично тождественны. В единство взаимоотношений они сплетены деятельностью. Реальная деятельность, как практическая, так и мыслительная, составляет общепонятный и общедоступный, а потому и общезначимый, т.е. рациональный, принцип тождественности. Именно согласно этому принципу,

картина мира онтологически не таинственна и постижима имеющимися в распоряжении деятельного человека средствами. Ведь само бытие является деятельным и потому взаимоотношение человека с ним может быть раскрыто и раскрывается лишь в смысле антропоморфно интерпретируемого единства: бытие "ведет себя" аналогично тому, что само сознательно создается человеком на рациональных основаниях, наглядно и непрерывно связывающих цель и средство, результат и действие, реализацию и замысел"⁹.

Однако принцип субъект-объектной аналогичности, как основание мировоззренческой рациональности, часто применялся в извращенном виде. В докладе о кризисе европейского человечества Гуссерль¹⁰ развивал тезис о том, что этот кризис возник не из сущности самого рационализма, доминирующего над западной мыслью, а из той его дефектной формы развития, которая сложилась еще со времен так называемого Просвещения. Эта дефектность нашла свое проявление в извращенности рационализма "натурализмом", "объективизмом", "психологизмом" — исключением из рассмотрения всего субъективного и духовного, не редуцируемого к механистическим проявлениям. Следует согласиться с Налимовым¹¹ о том, что "наш подход должен заключаться в том, чтобы сделать рационализм более изощренным и гибким — совместить его с личностным началом, находящим свое проявление в смыслах, не схватываемых традиционными рационалистическими построениями".

Осознавая ограниченность предполагаемого далее упрощения, все же для более точного понимания особенностей сдвига парадигмы рациональности разложим изменение понятия "рациональность" на изменения его составляющих атрибутов-характеристик:

- *применимости к деятельности и проблемности* за счет виртуализации пространства деятельности, компьютерного моделирования, расширения возможностей обработки информации и становления глобального информационного общества;
- *повторяемости в социальном и индивидуальном опыте*, выражающемся в ускорении циклов накопления опыта, за счет роста скорости передачи информации, глобализации информационных связей и применения компьютерных моделей реальности;
- *определенности и полноты* за счет повышения размерности воспринимаемой и рефлекслируемой реальности, а также развития методов принятия решений в условиях неопределенности и метаэвристического поиска;
- *структурируемости* вследствие внесения в контекст рассмотрения новых компьютерных образов познания и реальности, моделей представления знаний, виртуальных структур¹²;
- *общности и универсализма*, выраженного в противодействующих тенденциях агента-ориентированности, ухода от централизации, первопричинности, с одной стороны, и переиспользования, стандартизации, приспособленности к компьютерной парадигме, расширения адаптационных возможностей и объема взаимовлияний, с другой стороны;
- *зависимости от ситуативного объектно-агентного контекста*, который трансформировался в направлении от трансцендентального отделения объекта от субъекта через учет агентного контекста и доверия субъекту познания к рациональности сообществ активно взаимодействующих агентов, а также в направлении смещения контекстов обыденного, научного и социо-культурного методов познания, теоретического и атеоретического знания;
- *определенности инструментального базиса порождения* вследствие перехода от антиномии рационального — иррационального к смешению, взаимопроникновению позиций, использованию диалектического метода, а также в связи с включением инструментария парадигмы компьютеризации и информатизации в качестве неотъемлемой составляющей познавательных и преобразовательных процессов.

Ссылки:

¹ Станислав Гроф. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. Пер. с англ. 2-е изд. - Москва: Изд-во Трансперсонального Института, 1993. - 504с. - С.18-33

² <http://www.crystaliz.com/logicware/mubot.html>

³ Maes, Pattie, "Artificial Life Meets Entertainment: Life Like Autonomous Agents", Communications of the ACM, 38,11,p.108-114

⁴ Franklin, Stan, "Artificial Minds" - Cambridge, MA: MIT Press - 1996.

⁵ Илья Ильин. Постмодернизм от истоков до конца столетия. - М., 1998. - С.13

⁶ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. - М., 1996-406 с.

⁷ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. - М., 1996. - 256с.

⁸ Efflorescence of Adaptation <http://ai.eecs.umich.edu/cogarch0/common/theory/adapt.html>.

⁹ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. - М., 1972. - С.37

¹⁰ Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии, 1986- №3, с.101-116

¹¹ В.В.Налимов Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. - М., 1989. - С.18

¹² Л.А. Микешина, М.Ю.Опенков. Новые образы познания и реальности - М., 1997. - С.95-205.

Гуськов Ю.А.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

До недавнего времени средой для взаимодействия природных, технических и социально-гуманитарных наук служил естественный язык и набор правил, определяющих его семантическое, лексическое и другие значения, а также способы его использования. С началом стремительного развития информационных технологий и ростом их влияния в научном, техническом и социальных аспектах эти технологии стали доминирующим фактором, определяющим экологию такого взаимодействия. Со сменой среды несомненно должны измениться характерные особенности и методы взаимодействия, а в итоге — цели и тенденции развития.

Информационное окружение научного междисциплинарного взаимодействия является необходимым условием его возникновения и определяет наиболее важные его особенности. Определим хотя бы некоторые из них.

1. Необходимость поддержки унифицированного средства, понятного всем участникам взаимодействия. В настоящее время в роли такого средства может выступать любой естественный язык, понятный всем участникам.

2. Необходимость поддержки семантики, однозначно интерпретируемой всеми сторонами, участвующими во взаимодействии, или взаимно однозначного перевода из одной семантики в другую.

3. Определение неоднозначностей, противоречий, также как и совместимости между целевыми установками взаимодействующих сторон, для четкого вырабатывания совместной или раздельной стратегии такого взаимодействия.

4. Выявление средств, методов и идей, используемых одной из взаимодействующих сторон, могущих оказаться полезными для других участников. Вопреки разнородности

дисциплин, участвующих во взаимодействии, информационный анализ может определить общие принципы, присущие информационной структуре каждой из этих дисциплин.

5. Определение психологических и идеологических причин способствующих или разрушающих взаимодействие между различными дисциплинами. Вероятно, в некоторых случаях может оказаться, что только информационная среда может взять на себя роль носителя такого взаимодействия (если психологические и иные разногласия по величине своего воздействия будут более сильными, чем стремление к достижению некоторой общей цели или результата).

6. Определение путей достижения целостной научной и концептуальной картины мира и места каждой дисциплины в ней, как результата междисциплинарного взаимодействия. Определение отношений и взаимодействий между предметными областями и объектами, как внутридисциплинарной, так и междисциплинарной активности.

7. Возможное перераспределение предметных областей внутридисциплинарной активности между дисциплинами-участниками взаимодействия. Такое перераспределение может иметь место либо по причине необходимости исключения пересекающихся областей интересов для увеличения общей эффективности всех дисциплин, либо при необходимости периодической ревизии сферы интересов одной дисциплины со стороны другой для уменьшения вероятности стагнации внутри дисциплин.

В настоящее время растут темпы развития не только самих информационных технологий, но также и их влияния на само общество. Необходимо хотя бы предположить изменения в социальном аспекте, которые окажутся результатами такого влияния (при условии, что существующие ныне тенденции сохранятся). Ведь, в конечном итоге, эти изменения способны изменить характер некоторых социальных проблем, также как и некоторые проблемы, насущные сейчас, но, возможно, уже обреченных на медленное угасание. Опишем некоторые из таких потенциально возможных тенденций.

1. Возможность более простого доступа к информации и к ее распространению и публикации. Следствием этого может явиться увеличение вовлеченности субъектов в социальную и культурную жизнь общества.

2. Большая подвижность информации. Увеличение эффективности ее использования. Возможное более эффективное использование материальных, людских и других ресурсов за счет более гибкого и быстрого реагирования на текущие запросы.

3. Увеличение жизненного темпа из-за увеличения оборота информации. Необходимость более быстрой реакции на изменения в обществе и возможное уменьшение времени жизни отдельных социальных событий.

4. Широкие возможности для общения между различными национальными, культурными, социальными и идеологическими группами населения. Возможное увеличение толерантности или агрессивности при таких контактах.

5. Более высокая культурная и идеологическая подвижность. Возможность изменения идентичности и идентификации личности (по крайней мере, в информационном отношении).

6. Некоторая степень индифферентности общения. Возможность более корректного оценивания результатов интеллектуальной деятельности вне зависимости от субъективного отношения к личности, являющейся источником этой деятельности.

7. Увеличение открытости общения, так как более вероятными становятся контакты кратковременного характера и с отсутствием психологических, моральных и материальных последствий.

8. Новые доступные способы самовыражения. Возможность унификации существующих лингвистических стандартов для более корректного понимания других субъектов, участвующих в информационном обмене.

Соболенко К.М., Сук А.Ф., Цехмистро Л.Н.

ГУМАНИЗАЦИЯ ФИЗИКИ И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Система технического образования находится в кризисе, являющемся отражением глобального нравственно-экологического кризиса современной цивилизации, свидетельства которого — участвовавшие стихийные бедствия и генетические уродства людей и животных, странная новая болезнь человека-творца — работорголизм, т.е. стремление к изматывающей душу и тело работе ради работы.

С каждым новым днем становится все более очевидным, что чисто инженерными, техническими средствами найти выход из этого положения нельзя. Простые тривиальные решения проблемы ограничены материально-экономическими ресурсами, социальными и национальными барьерами. Необходим переход к новому мировоззрению, раскрывающему связь между материальным и духовно-информационным миром, глубокое изучение и осознание достижений традиционных естественных наук и, прежде всего, их фундамента — физики, в органическом единстве с философией, религией, психологией, искусством, экологией с целью защиты человечества от инженерно-социальных решений, могущих приблизить глобальный кризис, защиты индивидуума от психонасилия, морального и информационного террора.

В основе этого процесса должна лежать установка на изменение во многом и сейчас бытующего мнения о том, что современный человек — это, прежде всего, инженер, строитель, преобразователь природы, а все прочее: философия и литература, религия и искусство, охрана природы — это для досуга, а не для дела. Инженеры, ученые, работающие в сфере создания “второй природы” и информационных технологий, должны стать гуманитариями в своей повседневной работе.

Однако, в функционировании общества принимают участие не только инженеры и ученые, действия которых могут нарушить хрупкое равновесие природы, но политики и безработные, бизнесмены и рабочие, деятели искусства, врачи, представители масс-медиа и многие другие. Доля “загрязнений”, вносимых этими категориями членов общества в целом не меньше, чем катастрофа на Чернобыльской АЭС. Зачастую катастрофы являются результатом некомпетентных действий людей, далеких от физики и техники. Если понимать гуманитаризацию образования как один из способов воспитания работника-гуманиста, то все вышесказанное относится и к ним.

Первыми об этом должны позаботиться учителя и преподаватели. Они могут и обязаны привить будущим рабочим и политикам, гуманитариям и бизнесменам, инженерам и ученым глубокое уважение к природе и человеку, сделать гуманитарные дисциплины неотъемлемой частью современного образования, в том числе технического.

Во многих вузах Украины этот процесс набирает силу. Например, в Харьковском политехническом университете разработана и действует новая концепция подготовки инженеров [1]. Основная ее идея: “Сохранение и обустройство жизни на Земле во имя человека и его счастья — главный смысл деятельности инженера и высшей технической школы”. Реализация этой идеи предполагает формирование у выпускника ХГПУ глубокой убежденности, что в производстве необходимо освоение только замкнутых циклов; создание ресурсо- и энергосберегающих технологий; широкое применение информационных технологий; обеспечение безусловной надежности функционирования любых машин, конструкций, технологий; внедрение обслуживания и контроля работы машин “по состоянию”; обеспечение эффективного функционирования экосистемы “Человек-Земля”, основанной на высокой экологической культуре производства; управление производством на базе интеллектуальной духовности.

Сегодня жизненно необходима новая система воспитания инженера-гуманиста, основы которой закладываются в курсах фундаментальных дисциплин и, прежде всего, физики — основы любого технического творчества. Здесь приоритетным должно стать:

— формирование у студентов благоговения перед жизнью, человеком, его духовностью, красотой, нравственностью, незыблемыми человеческими ценностями, которые только и составляют смысл человеческой жизни, позволяют сохранить самое жизнь на Земле;

— воспитание понимания того, что призвание инженера состоит не только в производстве и накоплении материального богатства, но и в накоплении богатства духовного, в глубоком понимании путей эволюции природы и общества, так как цивилизация, построенная только на материальном процветании, будущего не имеет.

Значительную часть проблем гуманизации и гуманитаризации инженерного образования можно и нужно решать в процессе обучения инженера физике — науке, составляющей большую часть фундаментального образования современного инженера.

Именно в физике наглядней всего можно показать, что знания, которые добывает наука ценностно-ориентированы, т.е. вся научная и инженерная деятельность направляется сознательно-ценностным выбором.

Литература:

1. "Політехнік". — № 15. — 1995.

Волянская Е.В.

ОБРАЗ ЖИЗНИ И СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Казалось бы, кто, лучше врачей знает, что нужно, чтобы быть здоровым, однако не многие из них могут похвастаться своим здоровьем. Показательным является тот факт, что, по данным Харьковского отдела профсоюзов медицинских работников, заболеваемость работников здравоохранения Харьковской области начиная с 1993г., превышает аналогичные показатели работающего населения. "Вредное влияние" медицинской профессии на организм подробно освещалось в отечественной литературе, однако, в основном рассматривалось влияние условий и организации труда, т.е. объективных факторов образа жизни. Выявление зависимости между субъективными факторами образа жизни врачей и состоянием их здоровья стало целью исследования "Образ жизни и состояние здоровья врачей", которое положено в основу данной статьи. Для достижения поставленной цели, мы опросили 100 врачей из 10 харьковских больниц методом формализованного интервью, а также провели анализ объективной статистической информации о заболеваемости врачей, предложенной Харьковским обкомом профсоюзов медицинских работников.

В рамках данного исследования мы детально остановились на следующих аспектах образа жизни, имеющих непосредственное влияние на здоровье: питание медиков, физическая активность, привычки, стрессовые ситуации и выход из них, эмоциональная атмосфера в семье, удовлетворенность сексуальной жизнью, самолечение, отношение к нетрадиционной медицине и др. Наряду с этим, мы попытались нарисовать картину состояния здоровья врачей на основе их субъективных оценок и наличия хронических заболеваний.

Результаты исследования свидетельствуют, что 72% респондентов имеют хронические заболевания. Наиболее распространенными из них являются забо-

ления опорно-двигательного аппарата — 44%, желудочно-кишечного тракта — 39%, сердечно-сосудистой системы — 30%, дыхательных путей — 26%, нервной системы — 19%.

В поисках причин высокой заболеваемости медиков мы сочли необходимым выделить для сравнения показатели здоровья и образа жизни респондентов с условно "хорошим" здоровьем. В эту немногочисленную группу вошли те респонденты, у которых нет хронических заболеваний. В основном это были мужчины (64%) со стажем работы 10-15 лет (54%). Молодые специалисты составили меньше трети данной группы.

У Агаты Кристи есть высказывание, что великое преимущество врача заключается в том, что он не обязан следовать собственным советам. К сожалению, мы вынуждены признать, что большинство опрошенных нами врачей, как сапожники без сапог, практически не следят за своим здоровьем. К примеру, почти половина респондентов (42%) отметили, что имеют избыточный вес, а это красноречивый показатель образа жизни, который свидетельствует о неправильном питании, недостатке физической активности, чувстве неуверенности, попытке найти успокоение в еде и пр.

Что касается режима питания, то 29% опрошенных питаются регулярно в одно и то же время, 56% перекусывают между приёмами пищи, 69% обязательно завтракают и 52% респондентов предпочитают поздний ужин. Исходя из постулатов традиционной диетологии, здоровому, активно работающему человеку необходимо 4-5 приёмов пищи в определённые часы с перерывами в 3-4 часа. Натуропаты же (Брэгг, Шаталова, Литвина и др.) полагают, что достаточно одного, максимум двух приёмов пищи, отстоящих друг от друга на 6-8 часов, т.е. обед в 11-13 часов и ужин в 17-19 часов. В перерывах допустимо употребление соков и растительных отваров. По их мнению, организм не нуждается в плотном завтраке, поскольку он отдыхал всю ночь и не тратил энергии. Режим питания же опрошенных нами врачей не соответствует ни одному из подходов и сводится к следующему: плотный завтрак, поздний ужин, между ними — как придётся.

Опрошенные врачи предпочитают в основном обработанные углеводы (хлебобулочные, кондитерские изделия регулярно употребляют 82% и мучные изделия, сахар—78% респондентов), а также животные белки (мясо регулярно употребляют 87% респондентов и молочные продукты — 60%). К сожалению, продукты растительного происхождения (овощи, орехи, растительное масло и др.) составляют меньшую часть рациона. Подобное питание приводит, по Брэггу, к перегрузке систем пищеварения и выделения.

Одной из важнейших причин высокой заболеваемости медиков, бесспорно, является колоссальное психоэмоциональное напряжение, связанное, в первую очередь, со спецификой труда. Только по данным нашего исследования, 56% респондентов "часто переживают состояние стресса", 58% — довольно часто "раздражаются", 45% — время от времени страдают бессонницей, 58% — едят, когда нервничают, 43% — "чтобы снять напряжение курят или пьют", 39% — "чтобы успокоиться принимают лекарственные препараты". Все это свидетельствует также и о том, что помимо вреда, доставляемого нервным перенапряжением, многие медики усугубляют состояние своего здоровья, пытаясь снять стресс с помощью таких стимуляторов, как курение, алкоголь, кофе, лекарственные препараты.

Подводя итоги исследования, мы попытались составить приблизительный портрет современного врача. Вот некоторые характерные черты: наличие одного или нескольких хронических заболеваний, избыточный вес, питание, перегруженное обработанными углеводами и животным белкам, неупорядоченный режим питания, подверженность частым стрессам, сильное эмоциональное перенапряжение, наличие вредных привычек (курение, частое употребление алкоголя), недостаточная физическая активность, недоверие к нетрадиционным методам лечения и оздоровления, признание отрицательного влияния работы на состояние здоровья. Понимая условность

выделенной нами группы “здоровых” врачей, позволим себе сделать вывод, что не профессиональные знания и навыки, не многолетний опыт не делают опрошенных нами врачей здоровее.

По нашему мнению, врачи не могут решить проблему оздоровления населения не только и не столько из-за проблем объединяющей их официальной медицины (остаточное финансирование, недостаточную оснащённость, дефицит лекарств, сокращение штатов и многое другое), сколько из-за того, что знания и подходы, данные им в процессе обучения и последующей работы, не позволяют им сохранить даже собственное здоровье. Иными словами, больные врачи не могут дать нам здоровье.

Где же выход? Его подсказывают те несколько процентов опрошенных, которых мы отнесли к категории “здоровых”. Здоровье обеспечивают не лекарства и врачебные консультации, а принципы естественного оздоровления (умеренность в еде и раздельное питание, физическая активность и закаливание, отказ от вредных привычек и оптимизм). Визитной карточкой врача должно быть его собственное состояние здоровья.

По мнению экспертов ВОЗ, прогресс в деле улучшения здоровья лежит в области профилактики, а не лечения. Пропаганда основ здорового образа жизни — это первый шаг в сторону профилактической медицины. Поскольку наиболее авторитетными людьми в вопросах здоровья были и остаются медики, то, по нашему мнению, в популяризации здорового образа жизни они должны занять активную позицию.

Литература:

1. Системы оздоровления П.С. Брэгга. — М.: Изд-во “Мера”, 1994. — 224 с.
2. Браун Дж. В., Русинова Н.Л. Личные связи в системе здравоохранения и “карьера болезни”. // Социологические исследования. — 1993. — №3. — с.30-36.
3. Микляев И.Ю. Медицина XXI века. Мазерная медицина. В трех томах. Том 2 — Х.: Основа, 1993. — 416с.
4. Parsons T. The social system. — New York: The Free Press, 1951.
5. Труд и здоровье медицинских работников. — М.: Наука, 1964. — 315с.

Чугунов В.В.

О МОДЕЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕКСУАЛЬНОСТИ

Для облегчения восприятия предполагается построить графическую модель практик социального пространства (экологии) сексуальности, — практики сексуальности изображены в виде осей трехмерного пространства, формирующих плоскости их взаимодействия. Использование математического моделирования вызвано стремлением создать геометрический аналог социального пространства, — с обращением не к одним вероятностным распределениям и статистическим зависимостям, но и к методам топологии.

Оси повседневных, системных и маргинальных практик экологии сексуальности исходят из условной нулевой отметки, в которой размещены реальные практики — действительно, именно из них выходят и от них же отталкиваются остальные практики — и повседневные, призванные адаптировать реальное сексуальное поведение, и интерпретирующие, которые это поведение — наряду с механизмами его адаптации — изучают и объясняют, возвращая затем свои невольные или умышленные заимствования — уже в форме императива.

Каждая из этих осей имеет пять делений, ограничивающих варианты идиотопических практик; эта разметка, при неизбежной условности, присущей любой

классификации, — вполне органична. Топологическое удаление отложенных на осях практик от нулевой отметки означает степень их отстраненности от реальных практик, повышение самодостаточности, способности к теоретизации или склонности к императивности.

Так, отметки на оси повседневности представляют — в порядке удаления от практик реальных — следующие практики: социализацию сексуальности, проблематизацию солитарной сексуальности, разотождествление любви и сексуальности, денотаты сексуальной культуры, идеальные повседневные практики сексуальности.

Для оси системности они означают выделение медико-биологических, психолого-педагогических, социокультурных, энциклопедических и, наконец, собственно системных практик.

По оси маргинальности отложены эротологии, эзотерические концепции сексуальности, психоаналитическая теория сексуальности, философии сексуальности, этнокультурные студии.

Полигональные фигуры указывают точки пересечения практик экологии сексуальности в социальном пространстве, в том числе места концентрации исследовательского внимания и типичные проблемные области. Так, россыпь полиедров иллюстрирует внимание повседневных и интерпретирующих практик, как системных, так и маргинальных, к проблемам социализации сексуальности.

При вращении базовой модели проявляются проекции областей социального пространства сексуальности, в частности — плоскости взаимодействия практик; эти плоскостные модели отвечают гипотезам исследования.

1. Плоскость *syst — marg* (системные — маргинальные практики):

— медико-биологические практики — философии сексуальности $\supset$ {отрицание гипотезы подавления, проблематизация патологической сексуальности, образ дисквалифицирующего описания, имплантация перверсий и пр.};

— психолого-педагогические практики — психоаналитическая теория сексуальности $\supset$ {теории детской сексуальности и половой идентификации и др.};

— социокультурные практики — этнокультурные студии $\supset$ {половая мораль, перипетии двойного стандарта и т. п.}.

2. Плоскость *syst — dail* (системные — повседневные практики):

— медико-биологические практики — проблематизация солитарной сексуальности $\supset$ {галерея физикальных портретов предающихся уединенным удовольствиям, нормативные описания чудовищных последствий онанизма и т. д.};

— психолого-педагогические — социализация сексуальности $\supset$ {половая педагогика и пр.};

— психолого-педагогические практики — проблематизация солитарной сексуальности $\supset$ {вызывающие смущение грехи юности, нравственная порча, отличающаяся от узаконенной и не терпящая статистики, уставы и нотации, распорядок дня, процедура отхода ко сну и дисциплина чистоты};

— социокультурные практики — разотождествление любви и сексуальности $\supset$ {высокая любовь и низменная сексуальность, требующая оправдания, правила их различения и перспективы возможного слияния};

— социокультурные практики — денотаты сексуальной культуры $\supset$ {мозаика обыденной эротики, калейдоскоп стилей сексуально-матримониального поведения, произвольные историко-культурные типологии ценностей, запретов и правил};

— социокультурные практики — идеальные практики сексуальности $\supset$ {актуальные императивы, половая мораль, историчистские обоснования технологий реальных практик и пр.};

— энциклопедизм — денотаты сексуальной культуры $\supset$ {половой диморфизм, эволюционирующий от клетки к культуре, и сексуальная этнология — нравы, обычаи и ритуалы};

— энциклопедизм — идеальные практики сексуальности $\supset$ {половая этика и т. п.};
 — системные практики — социализация сексуальности $\supset$ {биологистские концепции сексуального онтогенеза и их патодиагностически-ориентированные производные};
 — системные практики — проблематизация солитарной сексуальности $\supset$ {нозологическое отнесение *masturbatio*, выявление ее семиологического значения, построение клинической типологии мастурбаций, умножающий учет ее патологических форм; наконец, ее последствия — онанофобия и поведенческая дезадаптация; следующая ступенька — утверждение представлений о патогенности сексуальных абстиненций — и это последние тенденции};

— системные практики — денотаты сексуальной культуры $\supset$ {редуцированные рефрены энциклопедизма, механически заимствованные от социокультурных практик понятия традиций и обрядов; в качестве цели здесь выступает торопливое желание окрасить медиализованную сексологию в цвета причастности к культуре}.

3. Плоскость *marg — dail* (маргинальные — повседневные практики):

— психоаналитическая теория сексуальности — проблематизация солитарной сексуальности $\supset$ {аутоэротика нарциссизма, фиксация на ранних фазах становления *libido* и т. д.};

— философии сексуальности — разотождествление любви и сексуальности $\supset$ {философия плоти и технология исповеди, аскетизм и духовность, античный Эрос и *caritas* средневекового христианства};

— философии сексуальности — идеальные практики сексуальности $\supset$ {естественный порядок отношения полов};

— этнокультурные студии — денотаты сексуальной культуры $\supset$ {вереница статусно-ролевых позиций и отношений родства, лингвистические изыскания эротики и инвективы, половой символизм и социосексуальная матрица и т.п.}

Горбунова С.М.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ВАЛЕОЛОГИИ И ВАЛЕОФИЛОСОФИИ

Все чаще разгораются споры вокруг недавно появившейся науки под названием "валеология". Несмотря на то, что ее ряды пополняются известными учеными — медиками, социологами, педагогами, психологами, биохимиками, в прессе появляются статьи с резкой критикой этой науки, в которых она представлена как неправомерная, несостоятельная, не имеющая будущего.

Эта статья — попытка проанализировать особенности, причины возникновения и перспективы развития валеологии.

Для науки 20-века характерно появление направлений и идей "на стыке" нескольких областей научного знания. В итоге нередко возникает самостоятельная дисциплина, которая выделяя свой собственный оригинальный объект исследования, одновременно вбирает в себя методы, понятия и способы исследования других областей знания.

В.И.Вернадский в работе "Научная мысль, как планетарное явление" писал: "Рост научного знания 20 века быстро стирает грани между науками. Мы все больше специализируемся не по наукам, а по проблемам.

Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубиться в изучаемое явление, а с другой стороны, расширять охват его со всех точек зрения" [1].

Анализируя новые процессы в развитии научного знания нашего столетия, можно выделить три типа наук — синтетические, интегративные и комплексные [3]. Синтетические науки возникают на пересечении двух или нескольких научных областей. Что касается интегративных дисциплин (кибернетика, семиотика, теория

систем), то объективной основой их формирования является не субстанциональная однородность исследуемых объектов и процессов, а объективное тождество структурных и функциональных характеристик различных областей реальности. Наконец в науке возникает ситуация, когда формируется объективная потребность в изучении тех или иных сложных объектов в их целостности и качественном своеобразии. Объектами исследования здесь становятся такие феномены как человек, Мировой океан, среда обитания, сама наука, как живой организм и др. Несомненно к наукам последнего типа относится наука валеология. Здесь мы имеем особую разновидность комплексной науки. Возникшая в начале 80-х годов в результате взаимовлияния медицины, экологии, биохимии, психологии, социологии, педагогики, она выдвигает собственный объект исследования — здоровье человека. Сам термин валеология состоит из двух латинских корней: *valeo* — здоровье, *logos* — наука.

Возникает вопрос, с чем же связана необходимость появления еще одной науки о человеке? Прежде всего, следует иметь в виду, что человек — один из самых трудных и сложных объектов исследования. И хотя в течении длительного времени привлекает пристальное внимание многих наук, до сих пор остается во многом не изученным и с каждым новым шагом познания все явственнее обнаруживает неисчерпаемость своих сущностных и социо-культурных характеристик. Как пишет Тейяр де Шарден, "...с чисто позитивной точки зрения человек — самый таинственный и сбивающий с толку исследователей объект науки. И следует признать, что в своих изображениях универсума наука действительно не нашла ему места... пренебрегает существенным фактором или из-за боязни наука постоянно ходила вокруг человека — предмета познания, не смеливаясь подступить к нему" [4]. Последние три столетия познание развивалась в русле ньютоно-картезианской парадигмы. Эта парадигма явилась катализатором мощного прогресса. Механистический взгляд на мир стал решающим в развитии таких наук как физика, биология, медицина, психология, психиатрия, антропология и др., где был сделан ряд революционных открытий. Однако в ходе дальнейшего развития концептуальные схемы этой парадигмы утратили свою революционную силу, более того они сыграли роль смиренной рубашки для наук, изучающих человека, которые пришли к глубокому кризису. Известный методолог Томас Кун в своей работе "Структура научных революций" отмечает, что всякая научная революция предваряется и предвещается периодом концептуального хаоса, когда нормальная практика науки постепенно переходит в то, что называется "экстраординарной наукой" [2]. В начале 20-го века физика претерпев экстра-ординарные трансформации, вышла за рамки старой парадигмы, став таким образом более сложной, как с точки зрения своей онтологии, так и в отношении применяемых методов исследования. Однако, случись так, что мировоззрение, давно устаревшее для физики, попрежнему считается доминирующим во многих других научных дисциплинах. Это стало главным препятствием в их дальнейшем развитии.

Ньютоно-картезианская парадигма, с точки зрения своих познавательных интенций, как правило, пренебрегала холистическим подходом к пониманию человека, общества и жизни на планете. Направив всю свою деятельность на внешний мир и его преобразование, человек забыл позаботиться о себе, о том, как будет существовать в этом мире. Развивая тенденции к эстериоризации, превращая мир в клубок технических манипуляций с вещами, человечество идет по пути инволюции. Повернуть этот процесс вспять может только обращение человека внутрь себя. Любой вид деятельности во внешнем мире должен быть дополнен систематическим процессом глубинного самоисследования. Путь эволюции человека — есть путь трансформации сознания. Только радикальные преобразования на совершенно новом уровне сознания и осознания способны предотвратить гибель человечества, вовлеченного в глубокий экологический кризис. Современная наука, находящаяся в тисках старой парадигмы, не в состоянии вывести человечество из этого кризиса. Необходим новый род знаний, серьезное переориентирование всей системы

ценностных установок, основанное на более глубокой экзистенциальной концепции. Антиэволюционная природа технократического мировоззрения особенно очевидна в такой научной дисциплине как медицина. Альтернативной медицине наукой выступает валеология. В чем же ее отличие от медицины? Современная медицина, казалось бы, вся пронизана заботой о человеке. Но для нее характерны две особенности: во-первых медицина изучает "болезни" и мало интересуется "здоровьем", во-вторых медик всегда шел от отдельных частей и органов к целому, но до этого целого так и не доходил. Он изучает почки, сердце, печень, легкие, но не человека как целостную систему. Валеология же взяла на себя смелость искать интегральные оценки человека, оценки параметров его здоровья, его физического и психического благополучия. Она подошла к исследованию чрезвычайно важной, в известном смысле, философской проблемы: подлинности человеческого существования, ибо ни на минуту не упускает из поля зрения вопрос о пользе индивиду с некой обективированной точки зрения. Сегодня человека нельзя изучать в отвлечении от конкретных условий его существования в окружающей среде. В отличие от медика, валеолог — это носитель нового мировоззрения, способный видеть человека в развитии, т.е. от его рождения до настоящего момента, в контексте социальной и природной среды, с его внутренними противоречиями.

Таким образом валеологический подход позволяет увидеть черты нового по нимания здоровья, как особой ценности, и, вытекающей отсюда, новой рациональности в наших действиях и нашем мышлении.

Сегодня валеология отстаивает свое право быть, шаг за шагом выстраивая новую систему понятий и исключительно емкое по своим познавательным возможностям мыслительное пространство. Все чаще звучит приставка "валео" валеопедagog, валеопсихолог и т.п. Разработана в общих чертах ее методология и методологическое обеспечение отдельных аспектов, получены первые реальные результаты. В 1996 году вышел первый номер научно практического журнала "Валеология" при участии таких ученых, как Апанасенко Г.Л., Стасюк Г.А., Гончаренко М.С., Михилев О.Д., Волкова С.С., Богатырева Р.В. и многих других. В настоящее время валеология обрела официальный статус. В частности она введена как учебный предмет министерством здравоохранения и министерством образования, для обязательного обучения медицинского и педагогического профилей, открываются кафедры валеологии, предмет валеология введен в школьные программы, международная научно-практическая конференция вышла с ходатайством в ВАК Украины ввести в перечень научных специальностей "валеологию".

Но как показывает опыт развития других направлений, наука может претендовать на самостоятельное существование только тогда, когда она разрабатывает свой философский фундамент. Очевидно, что валеология не проанализировав с разных сторон свой объект и методы изучения, может эволюционировать таким образом, что станет или частью экологии, или частью медицины. Вот почему исследование философских проблем валеологии в настоящее время выступает как актуальная, а может быть самая актуальная проблема.

Литература:

1. В.И. Вернадский. Размышления натуралиста. — М., 1977. — кн. 2 — с. 54.
2. Kuhn T. The Stucture of Scientific Revolutions. — 1962.
3. Ф.В. Лазарев, М.К. Трифонова. Структура познания и научная революция. — М., 1980. — с. 38-40.
4. Тейяр де Шарден. Феномен человека. — М., 1965. — с. 275.

ВИМІРЮВАННЯ ЯК ІНСТРУМЕНТ ПІЗНАННЯ НАУКОВИХ І СОЦІАЛЬНИХ ОБ'ЄКТІВ

Кожна наука займається вивченням певного фрагменту дійсності, але оцінка результатів пізнання в межах цих наук не має відношення до теорії вимірювань. Завдання останньої полягає у вивченні явищ, які використовуються для створення еталонів і засобів вимірювань. Слід визнати, що самі вимірювання не створювали та не будуть створювати первинних образів дійсності.

Теорія вимірювань, як правило, у своєму розвитку йде слідом за розвитком техніки вимірювань. Теорія інтерпретує вже відомі явища, тобто специфікою теорії вимірювань є її вторинний характер у ставленні до методів досліджень, які застосовуються в різних науках.

Вимірювання являє собою акт практичної діяльності людей і, отже, містить "суб'єктивний елемент", що заважає встановленню об'єктивних вихідних положень. Результатом цього є деякий ступінь умовності (відносності) вихідних положень теорії вимірювань.

III. НАУКА І СОЦІАЛЬНО-ПРАВОВІ ПРОБЛЕМИ

Балакірева О.М.

НЕРІВНІСТЬ ЖИТТЄВИХ МОЖЛИВОСТЕЙ ЯК ПРОБЛЕМА СОЦІАЛЬНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ

Аналіз життєвих можливостей — це один з підходів вивчення соціальної нерівності, яка є природньою та неминучою внаслідок об'єктивних та суб'єктивних відмінностей, що існують як між людьми, так і між умовами їх життєдіяльності.

Нерівність існує в усіх суспільствах, навіть в найпримітивніших. У більш складних суспільствах нерівність проявляється чіткіше. В соціологічній науці існують різні підходи до визначення сутності та причин нерівності. І класичні, і сучасні теорії виходять з аналізу таких ключових факторів: класова структура, престиж та суб'єктивне сприйняття соціальних позицій. В ряді робіт щодо питань соціальної нерівності основними теоретичними підходами є концепція класу та концепція влади. При цьому в конкретних суспільствах поняття "клас" і "влада" сильно залежать від економічної і політичної структур та ідеологічного контролю. Таким чином взаємовплив цих факторів і утворює основи соціальної нерівності в сучасних суспільствах. Структурована нерівність включає процес, в якому групи та індивіди з особливими якостями здатні краще контролювати чи використовувати права та можливості для досягнення власних цілей в порівнянні з тими, хто не має чи позбавлений цих якостей. Головним фактором цього процесу є прагнення груп чи індивідів добитися більшого доступу до суспільних благ та привілеїв. В свою чергу, привілеї ведуть до посилення контролю за правами та можливостями, що використовуються переважаючою групою. Виникає циклічний процес, який структурує та відтворює моделі нерівності.

В останні роки представників науки та політики приваблює проблема соціально-територіальної нерівності. Наявність територіальних відмінностей взагалі і в Україні, зокрема, зумовлена багатоманітністю історичних особливостей розвитку різних регіонів, їх соціально-економічної, національної, соціокультурної специфіки. Проголосивши досягнення принципу соціальної справедливості та соціальної рівності, ідеологи комунізму виділяли "послідовне переборення соціально-територіальних відмінностей" в один з напрямків соціальної політики Комуністичної партії і радянської держави, оцінюючи ці відмінності як такі, що носять перехідний характер. Однак, дослідження економістів, демографів, соціологів та інших спеціалістів досить однозначно показували глибину існуючої специфіки різних одиниць територіально-поселенської структури.

Причини існування і збереження соціальних відмінностей в територіально-поселенському просторі пояснюють наявність нерівності життєвих можливостей індивідів та цілих поколінь в цій структурі. Поряд з теоріями соціальної стратифікації, котрі досить широко розповсюджені вже і в вітчизняній соціологічній науці, досить відомими є підходи макроструктурних концепцій впливу різних форм диференціації структури населення на життєві можливості людей, котрі в основному розроблені в американській соціології (Зіммель, Блау, Шварц, Коулмен, Лазерфельд і Мензель). Макроструктурні концепції стосуються розподілу населення в різних вимірах і рівня соціальних відмінностей, обумовлених таким розподілом. Макросоціологія має справу з великими масами населення, що складаються з багатьох тисяч чи навіть мільйонів людей. Американський соціолог Пітер Блау (Peter M. Blau, *Structural Contexts of Opportunities*. The University of Chicago Press. Chicago & London, 1994) представив систематичну теоретичну схему вивчення макроструктур і їх впливу на соціальне життя. Ці теоретичні концепції можуть бути використані в дослідженні

макросоціологічного впливу на соціальні відносини, можливості робочої чи професійної кар'єри, соціальну мобільність і організаційне зростання, процес створення сім'ї. Хоча макроекономічні дослідження, приведені П.Блау, обмежені впливом *структури* населення на соціальне життя, він взагалі не стверджує, що ця структура є єдиним чи єдино важливим фактором впливу на життя людей чи їх життєві можливості. Багато соціологів використовують інші соціологічні орієнтири - культурні, інституційні, еволюційні та багато інших і немає сумнівів, що ці підходи можуть стати більш прийнятними для дослідження багатьох питань, структурних по своїй суті. "Тим не менш, — підкреслює П.Блау, — вважаю, що аналіз впливу об'єктивних умов розселення і структури населення може бути широко використаний в соціології, і що такий аналіз зневажали в останні десятиліття. Приділяючи увагу структурному підходу, я хочу підкреслити дисбаланс, що полягає в перебільшенні значення культурних і інституційних підходів в минулому".

Термін *населення* використовується для позначення великих груп людей будь-якого типу: суспільство, регіон, область, конкретний населений пункт і т. д. і під *структурою населення* розуміється склад населення. Тобто структура населення відображає його розподіл за соціальним становищем в різних вимірах і співвідношенням відмінностей. Таким чином, розподіл населення і його співвідношення використовуються не лише для процедури аналізу, але й спершу для формування концепцій і вимірювання визначальних аспектів соціальної структури. Соціальна структура може бути концептуалізована, як багатомірний простір соціальних відносин, за розподілом населення. Дана концепція бере до уваги залежність до багаточисельних груп і передбачає, що можливості міжгрупових та внутрігрупових контактів залежать від соціальної структури. Близькість людей в соціальному просторі, наприклад, фізична близькість, робить соціальні відносини більш вірогідними. Своєрідними "осями" такого соціального простору виступають соціальні відмінності між людьми. Люди, що відрізняються в одному аспекті, наприклад, рівні освіти, можуть бути подібними в іншому. Ті, хто близькі в одному з якихось вимірів, формують вікову групу, члени котрої ближчі одне до одного, ніж люди, що знаходяться на віддаленіших точках цієї вікової осі. Люди, що мають подібне номінальне положення в одному вимірі, розглядаються як група, навіть якщо ця група включає більшу кількість членів з етнічними і релігійними відмінностями. Такі виміри, як освіта і професійний статус, тісно корелюють між собою: чим вищий один з показників, тим більша ймовірність, що буде вищим й інший. Ступінь, з котрою соціальні відмінності в одному аспекті співвідносяться з відмінностями в іншому, чинять вплив на життєві можливості і обмеження особистості, такі, наприклад, як професійні можливості, мобільність, міжгрупові і внутрігрупові зв'язки. Явно виражені кореляції позначають групові межі і ієрархічні відмінності. Слабкі кореляції означають, що соціальні відмінності зрештуються, що передбачає, що значна кількість людей, що відрізняються в будь-якому одному відношенні, схожі в якомусь єдиному аспекті чи інших відношеннях. Така відмінність стає тією діалектичною силою, котра протидіє впливу особливих структурних відмінностей.

Структура населення включає не тільки багаточисельні форми соціальної диференціації, але й різноманітні рівні структури. Наприклад, Україна складається з областей, а також АР Крим і м. Києва, кожна з цих адміністративних одиниць ділиться на райони, а ті, в свою чергу, складаються з великих і малих міст, що, в свою чергу, поділені на внутріміські райони. Таким самим чином робоча сила підрозділяється на працівників розумової та фізичної праці, потім на професійні групи, потім на професії і, нарешті, діляться на вузькі спеціалізації. Велика маса населення має соціальну структуру, котра послідовно складається з багатьох рівнів, кожен з яких має власну структуру. Макросоціологічний підхід до вивчення цих множинних рівнів зовсім не полягає у "сходженні" від малих до великих, а, навпаки, в послідовному переході від більш загальних до малих. Питання в тому, наскільки зміни в загальних структурах впливають на підструктури, а не в дослідженні відмінностей між

підструктурами (чим повинен займатися багаторівневий структурний аналіз). Перше досліджує міжгрупові відносини, друге досліджує межі, що розділяють їх.

Багатовимірний простір соціального становища, за яким розподілено населення, створює матрицю життєвих можливостей. Це передбачає розподіл життєвих можливостей людей, в залежності від зайнятого ними соціального становища і зв'язків з іншими людьми. Структура населення, як надає життєві можливості, так і одночасно обмежує їх. У випадку наявності сприятливих можливостей значна кількість людей прагне скористатися ними, при цьому звичайно попит перевищує пропозицію і це обмежує можливості, що заставляє людей робити не той вибір, котрому вони б надали перевагу. Структурні можливості і обмеження взаємно доповнюють одне одного і можуть бути віднесені до категорії життєвих можливостей. Звичайно, структура можливостей не визначає, в якому саме становищі виявиться та чи інша людина, тільки імовірність опинитися в тому чи іншому становищі чи придбати те чи інше коло спілкування. Можливості встановити визначені соціальні відношення і можливість зайняти визначене соціальне становище залежить від різноманітних аспектів структури населення. Можливості набуття необхідної освіти, оволодіння необхідною професією, участі у політичному житті, займатися підприємницькою діяльністю, користуватися духовними цінностями, мобільності значно залежать від характеристик регіону, конкретного населеного пункту та інтегрованості у наявну структуру з її соціальними зв'язками.

Виходячи з цього можна розглядати життєві можливості як соціальний капітал суспільства, регіону, мікрогрупи. Вивчення життєвих можливостей на основі соціологічних підходів дозволяє аналізувати наскільки забезпечені умови відтворення та розвитку особистості, як носія суспільних відносин, статусу, ролі, професії тощо.

Результати дослідження сучасного ринку праці України підтверджують величезні відмінності в сфері працевлаштування між сільськими поселеннями та малими містами. Поява нових форм економічної діяльності, зміна характеру праці, зміна співвідношення між галузями економіки, поява прихованого безробіття, перерозподіл робочої сили з одних сфер економіки в інші, — все це зачепило поки що лише найрозвиненіші населені пункти, в першу чергу обласні центри, але практично ще не відобразилося на сфері праці в селах і малих містах. Дослідження життєвих шляхів покоління вікової когорти (міжрегіональний лонгітюдний проект "Життєвий шлях одного покоління" під керівництвом д.ф.н. Мікка Тітми, автор є керівником проекту в Україні, об'єктом дослідження є вікова когорта, що народилася у 1966-1967 роках) в різних регіонах України (м. Київ та Київська область, Львівська, Одеська, Харківська та Хмельницька області) показує, що для трудової кар'єри поселенська диференціація настільки глибока, що середовище виходу продовжує впливати на життєвий шлях мігрантів навіть після включення їх в нове середовище і для аналізу результатів життєвого шляху поруч з типом поселення не менш важливою є характеристика того, чи людина мігрувала, звідки й куди. Тип населеного пункту з високою статистичною значимістю впливає на рівень доходів, вік шлюбу, наявність та кількість дітей у подружжя. Таким чином, фіксуємо на основі емпіричних даних наявність нерівності в основних сферах життя — професійній кар'єрі, структурі сім'ї, домашньому господарстві, матеріальному благополуччі. Існуюча нерівність між групами впливає і на можливості входження в ринок когорти 30-річних, на їх поведінку на ринку праці, особливо в умовах економічних реформ і формування нових ринкових відносин. Слід також зауважити, що зафіксовані дистанції між досягнутими результатами різних сфер життєвого шляху впливають й на самооцінку пройденого етапу життя.

Соціальні зміни останніх років загострюють тематику вивчення проблем соціальної нерівності. З одного боку, сама по собі соціальна нерівність є об'єктивною в суспільстві, а з іншого боку, існують такі форми соціальної нерівності, які виштовхують більшість населення на грань бідності, політичної та соціальної безперспективності.

Венедиктов В.С.

РОЛЬ ТРУДОВОГО ПРАВА В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Становление Украины как независимого демократического государства на повестку дня остро поставило вопросы укрепления правовой основы общественной жизни. Ибо государство может успешно выполнять стоящие перед ним задачи, осуществлять свои функции, лишь используя таковой важный инструмент как право. Право выступает регулятором общественных отношений, направляет и организует их в соответствии с интересами общества. Одним из направлений укрепления правовой основы является совершенствование трудового законодательства с целью обеспечения правовым регулированием общественного производства. Трудовое законодательство, закрепляя в правовых нормах формы вовлечения граждан в производство, условия их труда и материального стимулирования способствует улучшению работы предприятий, дальнейшему росту производительности труда. В статье 1 КЗоТ Украины в качестве основной задачи отмечено, что КЗоТ регулирует трудовые отношения всех работников, содействуя росту производительности труда, улучшению качества работы, повышению эффективности общественного производства и подъему на этой основе материального и культурного уровня жизни трудящихся, укреплению трудовой дисциплины и постепенному превращению труда на благо общества в первую жизненную потребность каждого трудоспособного человека. Однако в современных условиях развития общества и проведения радикальных экономических реформ необходимо и адекватное правовое регулирование. Оно должно стать важным орудием обеспечения функционирования как общественных отношений так и управления народным хозяйством.

Перевод экономики на рельсы рыночных отношений требует четкого правового закрепления и оформления как экономических, так и правовых методов руководства. Гарантированные возможности при применении экономико-правовых методов управления можно разделить на два вида:

а) представление гарантированной сферы хозяйственной, производственной или трудовой самостоятельности для проявления хозяйственно-организаторской и трудовой инициативы;

б) предоставление гарантированных поощрений за достижения определенных показателей в сфере общественного производства.

Следовательно, основное назначение экономико-правовых методов управления состоит в том, чтобы достичь наиболее рационального сочетания интересов общества с непосредственными интересами коллектива предприятия и отдельного работника. Вместе с тем, использование экономико-правовых методов требует обеспечения твердых юридических гарантий, которые предотвращали бы возможность администрирования трудового процесса и давления на общественно — трудовые отношения работников.

Общественно-трудовые отношения представляют собой взаимодействие законодательной воли, содержащейся в правовых нормах, с индивидуальной волей их участников. Они возникают, как правило, в результате индивидуальных волевых актов и реализуются при помощи волевых действий их участников. Такие отношения возникают независимо от форм собственности на орудия и средства производства и связаны с созданием материальных и духовных благ для общества. Учитывая то обстоятельство, что эти отношения возникают в процессе общественного производства, на почве применения личного труда, они являются общественно — трудовыми и требуют упорядочения, определенной направленности и своеобразной правовой координации. Поэтому общественно — трудовые отношения подвергаются правовой регламентации нормами трудового права Украины и характеризуются определенными особенностями, заключающимися в том, что:

а) субъект данного общественного отношения — исполнитель работы —

включается в коллектив предприятия, учреждения, организации и личным трудом участвует в осуществлении задач, стоящих перед этим коллективом;

б) основной обязанностью субъекта в общественно — трудовом отношении является выполнение определенной трудовой функции, которая обычно соответствует определенному роду деятельности в структуре предприятия, учреждения, организации;

в) трудовая функция выполняется в условиях определенного трудового режима, когда работник подчинен внутреннему распорядку, определяющему условия совместной деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что именно с гарантированностью реализации общественно — трудовых отношений и возрастает роль трудового права. Она особенно еще возрастает в связи с необходимостью разрешения такой исключительно важной задачи, как повышения эффективности общественного производства. Росту повышения эффективности общественного производства должны способствовать все институты трудового права Украины — коллективный и трудовой договоры, рабочее время отдыха, заработная плата, трудовая дисциплина, охрана труда. Иначе говоря, не должно быть ни одного правового института, который бы в той или иной мере не способствовал этому процессу. Необходимо также отметить, что повышение эффективности общественного производства тесно связано с развитием научно — технического процесса. И это естественно, ибо всемирное внедрение в производство достижений науки и техники — главное средство быстрого повышения производительности труда. Без него повышение производительности труда ныне просто немислимо. Отсюда — двуединая задача: необходимо с одной стороны, способствовать дальнейшему развитию научно-технического процесса, с другой стороны — использовать его результаты для дальнейшего улучшения условий труда работников.

Обновление законодательства о труде дает юридическую базу для решения этой задачи. Ибо содержание многих норм и некоторых правовых институтов устарело и не в полной мере отражает потребности правового регулирования новых экономических отношений демократического общества. А ведь право не может быть оторвано от реальных условий существования общества. Оно не может быть выше тех возможностей, которые заложены в экономике. Однако, право также не должно отставать в обеспечении правовым регулированием существующих и вновь возникающих общественных отношений в сфере труда. Здесь остро встает проблема перспектив трудового законодательства, его коренного изменения в целях соответствия новым отношениям демократического общества.

Следовательно, сегодня нужны энергичные меры, направленные на создание функционирующего хозяйственного механизма и проведения правовой реформы в условиях рынка, который всецело диктуется интересами человека. Именно ради всестороннего развития личности, улучшения ее материального и морального благосостояния преобразуются все сферы социально-экономической, политической и духовной жизни нашего общества. Поэтому, процесс преобразования еще во многом будет зависеть от того, как удастся поднять на необходимый уровень вопросы социальной справедливости и ответственности, борьбы с бюрократизмом, культуры производства и правовой культуры, человеческие отношения и ряд других проблем, связанных с формированием правового государства.

Государство и должно формулировать свои требования к работникам, собственникам предприятий и учреждений или уполномоченным им органам в системе их прав обязанностей, а также обеспечивать реализацию этих прав и выполнения обязанностей. Эффективность мер, обеспечивающих реализацию прав и обязанностей, зависит от теоретически обоснованного и практически аргументированного их выбора и закрепления в законодательстве, а также от правильного применения на практике. Конкретные предложения в этом аспекте могут сделать быть только в результате научных исследований. Ибо для осуществления глубочайших преобразований нужны серьезные теоретические

проработки и тщательно научно выверенные практические решения. Юридическая теория должна опираться на предшествующие достижения науки, на потребности практики, на демократические методы обсуждения и решения научных проблем. В этом, конечном счете — основа, предпосылка правильного ее пути.

Современный этап развития общественного производства также поставил по новому проблемы подбора, расстановки и рационального использования кадров уточнения сферы централизованного и локального регулирования трудовых отношений, усиления роли коллективных и индивидуальных соглашений в области труда и условий его правового регулирования. Эффективность общественного производства тем выше, чем четче работники выполняют свои обязанности перед обществом. Речь идет об соблюдении трудовой дисциплины, о правильном выборе методов по ее укреплению, о разумном применении материального и морального стимулирования труда, о создании нормального социально-психологического климата в коллективе. Поэтому возникла настоятельная необходимость в принятии нового Трудового кодекса Украины с учетом реалий социальной жизни и требований Конституции Украины.

С целью активизации человеческих усилий на повышение эффективности общественного производства, новый Трудовой кодекс должен содержать максимум правовых гарантий по защите права на труд. Детальное же регулирование самих условий труда должно в большой степени регулироваться локальными нормами. Поэтому, содержание Трудового кодекса не должно быть объемным, но оно должно четким, логически выдержанным и работать на перспективу. Он должен давать возможность развития правового регулирования непосредственно на производстве с целью повышения его эффективности.

Логвиненко А.С.

ВОСПРИЯТИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Построение государственности в Украине одновременно является процессом становления власти, причем в условиях постоянных социально-политических и экономических изменений. Институционализация общества, а значит и его властных структур, все еще переживает период формирования, уточняются правовые и функциональные аспекты взаимоотношений между ветвями власти, соотношений функций верховной власти, звеньев вертикали, местного самоуправления и т.д.

Государственные деятели разных уровней, политики и экономисты напряженно ищут эффективные пути развития государства. В настоящее время при наличии множества политических проектов, идеологических и экономических конструктов становится все более очевидной недооценка гигантской сложности проблемы, многие теоретические реализации становятся взаимопогашающими, поглощают друг друга, порождая фактическое топтание на месте.

В настоящее время в политической жизни общества важнейшее значение приобретает вопрос о взаимоотношении власти и народа, который формирует и выражает свою волю в форме общественного мнения.

Предметом нашего рассмотрения явилось отношение широких слоев населения к различным уровням власти в Украине. Важно иметь в виду, что именно это часто решающим образом определяет характер и формы активности избирателей в ходе предвыборных кампаний, как прошедших, так и предстоящих.

В последнее время отношения власти и общественного мнения носят достаточно драматический характер. В условиях общественных преобразований власть стремится заручиться поддержкой общественного мнения, заботясь о своей

нынешней и будущей легитимности. Одновременно объективный характер практической политики в переходный период таков, что так называемый разрыв между властью и народом становится неизбежным.

В нашу задачу не входит подробный анализ объективных и субъективных причин возникающих коллизий. Укажем лишь, что конфликт инициируется как снизу, в связи с тем, что индивидуальная перестройка для большинства граждан Украины естественным образом отстает от скорости преобразований в обществе в переходный период, так и сверху, в связи с необходимостью решения комплекса новых для массового сознания политических и социально-экономических задач, неизбежной автономизацией деятельности власти, а также всегда имеющей место внутренней конфликтностью между субъектами властных полномочий.

Становление личности политического лидера связано с социально насыщенным содержанием его политической либо административной практики. Постоянное общение с электоратом, необходимость реагирования на изменения в общественном сознании и т.п. закономерно приводят к образованию в сознании представителя государственно-политической элиты специфического социального пространства, в центре которого находится представление политика о себе как о *субъекте власти*.

В зависимости от своих функций государственная политическая элита, имеющая властные полномочия, разделяется на две ветви: *коллективной* и *персональной* власти.

Депутаты Верховной Рады, областного, городского и других Советов, независимо от личных желаний, степени понимания себя носителями персональной власти, являются субъектами *коллективной* власти. Их политический рейтинг и имидж рассматривается как совокупный и характеризуется прежде всего тем, что коррелирует со слабой ориентацией граждан на закон, а отсюда и на субъектов законотворчества. Различия между ожиданиями людей и реальными возможностями депутатского корпуса приводят к росту субъективного напряжения у носителей коллективной власти. Стремление понизить это напряжение стимулирует у избранных народа политический догматизм, априоризм в мыслении, иллюзию хорошего понимания настроений избирателей. Все это в конечном итоге обуславливает разрыв между коллективной властью и народом.

Вместе с тем мы наблюдаем появление политических лидеров новой генерации, субъектов *персональной* власти, которые своими политическими действиями и психологическими чертами достаточно объективно отражают надежды и ожидания народа, динамику изменений в общественном и индивидуальном сознании.

Как показали исследования, для политических лидеров, с личностями которых избиратели связывают свои социальные и личные ожидания и которые по существу становятся носителями "образа власти", характерным является:

- высокая работоспособность в условиях больших энергетических и эмоциональных затрат;
- чувство отличия от большинства;
- стремление к первенству, доминированию.

Личность политического лидера представляет собой сложную иерархическую структуру.

К примеру политические лидеры — депутаты разделились по преобладанию эгоцентрической либо социоцентрической мотивации власти.

В первом случае лидеры стремятся к приобретению власти по той причине, что обладание ею дает им удовлетворение само по себе. Политические деятели с социоцентрической мотивацией стремятся к власти, так как это позволяет достичь определенных общественных целей — политических, экономических, социальных.

Власть, как политический феномен, является сложным структурно-динамическим образованием, которое в нынешнее время переходного периода может

быть описано лишь приблизительно. Сложное переплетение архаичных и новейших идеологем, стереотипов и мифов, осознаваемых алгоритмов поведения и его глубинных регуляторов делает понятие власти мощным источником анализа и прогноза развития политических событий в украинском обществе. Не претендуя на полноту анализа, затронем в нашем исследовании лишь одну из его сторон — восприятие власти и ее носителей — элиты извне, со стороны масс.

Основной единицей анализа в нашем исследовании было отдельное оценочное *суждение* испытуемого внутри матрицы высказываний о различных качествах субъектов власти.

Результаты исследований показали, что "образ власти" как структурное образование постепенно становится более дифференцированным. Если раньше в его основе лежал абстрактный патернализм, автоматически делегируемый субъекту власти, а также нормативно-бюрократические функции полномочного лица, то в настоящее время на фоне разрушения патернальности в "образ власти" входят факторы "деловые качества", "энергетика", "личность руководителя" и др. Дифференцированное отношение к власти само по себе направлено на сближение субъективного расстояния между лидером и отдельными людьми. Но тогда тем более высокие требования предъявляются к отдельным качествам лидера; потребность "сближения" сама стимулирует "разрыв" при невозможности ее реализации. Такая противоречивая направленность во взаимоотношениях власти и народа отражается в двойственном характере массового сознания, двойственности самого "образа власти".

Анализ совокупных ответов испытуемых по поводу выделенных нами в эксперименте субъектов власти уровней Украины, области, города, позволяет сделать вывод о весьма точном и тонком проникновении электората в содержание деятельности государственных деятелей, существенно опережающем ставшее обычным поверхностное изображение официальных лидеров государственными и частными средствами массовой информации.

Причины размывания патерналистской ориентации у некоторых слоев населения сложны и разнообразны, хотя сам феномен "расставания" с патернализмом не является неожиданным в период ломки и тонком проникновении мышления и поведения индивидов. Заметим, что в Украине по сравнению с Россией патернализм всегда имел более низкий уровень, не доходящий до степени харизмы, монархической экзальтации. Добавим, что и скорость его распада к настоящему времени, по нашим наблюдениям выше в Украине. Одна из причин этого кроется в этнопсихологических особенностях украинцев (малороссов), традиционно ориентированных на индивидуализм, анархокоммунизм (освободительная борьба под началом Богдана Хмельницкого, козацщина, махновщина).

Не вдаваясь подробно в этноисторические аспекты проблемы, отметим, что жизненная философия "семейно-местного самоуправления" закономерно становится предпосылкой преодоления чрезмерных патерналистских ориентаций. Последнее является существенным индикатором степени предуготованности индивида к новым формам общественных отношений, где патернализму отведено достаточно скромное место.

Вместе с тем эксперименты показывают, что, уже не включая в "образ власти" показателей безусловного подчинения, уважения без критики, холопской радости, массовое сознание приписывает субъектам власти характеристики солидности, фундаментальности, нерушимости. Представители власти зарекомендовали себя как носители "крепкой власти", обладают качествами: "сильный", "невозмутимый", "спокойный", "уверенный".

Вместе с тем, эксперименты показали, что наиболее резкое изменение в последнее время "образ власти" получил по характеристикам "независимый", "самостоятельный". Атрибутикой нынешней власти стало: "зависимый", "несамостоятельный".

В данном факте диверсификации понятия "власть" нет ничего ни хорошего, ни плохого. Однако, с точки зрения самих субъектов власти, объективная "несамостоятельность" в конечном итоге не только разрушает смысл самого "властвования", но и вступает в противоречие с идеологией рыночных отношений. Другое дело, что в целях гармонизации своей деятельности субъекты власти разных уровней различными путями стремятся отстоять свою суверенность. Их шансы в условиях переходного периода растут и падают одновременно.

Матюхіна Н.П.

УПРАВЛІННЯ БЕЗПЕКОЮ ПЕРСОНАЛУ ПРАЦІВНИКІВ ОРГАНІВ ВНУТРІШНІХ СПРАВ: ЗАГАЛЬНІ ПІДХОДИ

Вже є аксіомою той факт, що будь-яка організація, будучи суб'єктом певної діяльності, працює надійно, якщо нею передбачена та дотримується необхідна система запобіжних заходів і в першу чергу – заходів безпеки персоналу. Саме тому, управління безпекою персоналу розглядається в якості невід'ємної частини цілісної системи управління персоналом. Його мета – забезпечення, наскільки це можливо, для кожного працюючого безпечних, в тому числі і для здоров'я, умов праці і таким чином збереження людських ресурсів.

Надзвичайно гострою та актуальною проблема безпеки персоналу є для органів внутрішніх справ. За даними МВС України безпосередньо на службі з охорони правопорядку в середньому щорічно гине 25-30 працівників міліції, 250-300 – одержують поранення.

Розглядання проблеми особистої безпеки працівників органів внутрішніх справ передбачає розкриття сутності терміну "безпека особистості". У сучасній літературі не має єдиної точки зору на це поняття. У найбільш загальному вигляді її можна визначити як стан захищеності життєво важливих інтересів особистості, її прав та свобод. Це визначення не суперечить філологічному змісту загального поняття "безпека". Деякі автори (юристи, психологи та інші) тлумачать безпеку особистості через категорію "ризик", а відповідно забезпечення безпеки особистості розглядають як мінімізацію ризику.

Великий вплив на зменшення потенційного професійного ризику у діяльності працівників органів внутрішніх справ, забезпечення їх особистої безпеки мають Державна програма боротьби зі злочинністю, Закони України "Про міліцію", "Про оперативно-розшукову діяльність", "Про організаційно-правові основи боротьби з організованою злочинністю", "Про державний захист працівників суду та правоохоронних органів" та інші офіційні документи. Ці питання знайшли своє висвітлення і у основних напрямках реформування системи МВС України. Разом з тим, в теорії та практиці діяльності органів внутрішніх справ проблема ризику, незважаючи на її очевидну актуальність, не набула ще достатнього теоретичного обґрунтування. Хоча ця проблема не є новою.

Ризик в діяльності працівників органів внутрішніх справ – обставина вимушена. Вона значною мірою зумовлена екстремальними ситуаціями (тобто такими, що викликають порушення здоров'я, загрожують життю), в яких відбувається ця діяльність (дії працівників в умовах необхідної оборони, захисту суб'єктів, запобігання злочинів тощо). Несподіваність екстремальних ситуацій, невідповідність працівників органів внутрішніх справ до діяльності в умовах загрози для життя значно збільшує вірогідність несприятливого наслідку, може призвести до поранення або навіть загибелі. І тому важливим є те, щоб дії працівника у таких ситуаціях були спрямовані на подолання наперед відомої небезпеки, але з урахуванням невідомих, які можуть виявитися у процесі виконання професійних обов'язків.

Здійснення системи заходів, спрямованих на зниження рівня професійного

ризик до реально можливого рівня складає сутність управління безпекою працівників органів внутрішніх справ. Ця діяльність має комплексний характер і передбачає вирішення багатьох економічних, правових, соціальних, психологічних та інших питань. У широкому плані вона виходить за межі суто відділів по роботі з персоналом і стосується всіх управлінських структур. Обов'язковою умовою ефективності цієї діяльності є урахування низки факторів, які у своїй сукупності визначають особисту безпеку працівників органів внутрішніх справ, а саме: специфіку умов, змісту та форм професійної діяльності; ступінь професійної захищеності працівника, в тому числі наявність спеціальних заходів матеріально-технічного, управлінського характеру, цілеспрямованої роботи з особовим складом в цьому напрямку; ступінь загальної підготовленості працівника та наявність у нього спеціальних знань та умінь по забезпеченню особистої безпеки при вирішенні професійних завдань або у ситуаціях, які пов'язані з професійною діяльністю.

Успішність управління безпекою працівників органів внутрішніх справ значною мірою залежить від знання та урахування факторів, що тимчасово підвищують схильність до трагічних випадків під час виконання службових обов'язків та головних причин цих випадків. Тут і далі під поняттям трагічні випадки розуміються поранення, травми (у тому числі психотравми), нещасні випадки, заподіяння працівникам різного роду шкоди, загибель працівників.

Відомо, що трагічні випадки просто так не відбуваються. Звичайно вони є результатом комбінації факторів, які роблять їх, якщо не неминучими, то вельми вірогідними. До них відносяться: недосвідченість, недостатня професійна підготовленість працівників; їх необережність; інформаційні перешкоди та інформаційне перевантаження (працівник не зміг вірно прийняти потрібну інформацію і це призвело до помилок, втрати тощо), або інформаційне недовантаження (потрібна інформація була відсутньою або була недостатньою для вибору правильної дії); ліміт часу для прийняття рішення, утрудненість дій внаслідок несприятливих умов виконання службових завдань; функціональний стан працівника; минулий досвід трагічних (нещасних) випадків у працівників, які трапились з ними особисто або з колегами під час виконання службових обов'язків; халатне ставлення працівників до проблем професійної безпеки.

Вирішення проблеми забезпечення особистої безпеки передбачає пошук та визначення головних причин, що призводять до трагічних випадків працівників. У теорії та практиці управління персоналом виділяються три головних причини трагічних випадків в організаціях: випадковість, небезпечні умови та небезпечні дії з боку працівників. Всі ці причини присутні і в практиці органів внутрішніх справ.

Небезпечні умови – одна із головних причин трагічних випадків. Оскільки соціальна та економічна напруга у суспільстві не зменшується, а навпаки зростає, активність злочинних елементів залишається дуже високою, то зберігається і фактор небезпечності у діяльності працівників органів внутрішніх справ. До факторів, які також здатні створювати несприятливі умови виконання професійних обов'язків і сприяти трагічним випадкам поряд із агресивністю, небезпечністю середовища, в якому ці обов'язки реалізуються, відносяться і фактори, що пов'язані із безпосередньою роботою працівників органів внутрішніх справ: змістом та формами роботи, розкладом, психологічним кліматом на робочому місті і т.п. Таким чином, існують зовнішні та внутрішні рівні безпеки у діяльності працівників органів внутрішніх справ. Перші пов'язані із особливостями зовнішнього середовища, а другі – з характером, змістом, режимом діяльності і т.п.

Що стосується небезпечних дій працівників органів внутрішніх справ як причини трагічних випадків, то вони здебільше пояснюються невідповідністю працівників органів внутрішніх справ до дій в екстремальних умовах, несформованістю у них алгоритмів поведінки у типових ситуаціях професійного ризику, перестраховкою, нерідко низьким професіоналізмом, нехтуванням діючих інструкцій і правил особистої безпеки. Небезпечними можна визнати і дії керівників всіх

рівнів, які не проявляють належних вимог, а деякі безтурботно ставляться до організації жорсткого контролю за практичним втіленням заходів запобігання невинуватених втрат і поранень особового складу. Ці та інші небезпечні дії здатні підірвати найкращі спроби мінімізувати небезпечні умови.

Рущенко І.П., Ярмыш О.Н.

КРИМИНОГЕННАЯ СИТУАЦИЯ: МЕТАФОРА ИЛИ ПРОГРАММА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ?

В последние годы, прежде всего в средствах массовой информации, достаточно часто мелькает словосочетание "криминогенная ситуация". Более того, ежегодному статистическому обзору МВД Украины дано название "Криминогенная ситуация в Украине: оценка, тенденции, проблемы". Но научная литература этим термином не оперирует. Нами было просмотрено два десятка наиболее авторитетных словарей, справочников, учебников и монографий по вопросам криминологии, социологии преступности, уголовному праву, но даже следов указанного термина там не обнаружено. В этой связи полезно получить ответы на два вопроса: 1) почему понятие отсутствует в специальной литературе? 2) связана ли с ним научная перспектива или ему отведена роль метафоры для непрофессионалов?

Для ответа на поставленный вопрос важно определить содержание понятия или, по крайней мере, рассмотреть возможные смысловые варианты и таким образом отыскать нишу для того, что уже существует де-факто. "Криминогенная ситуация" может трактоваться в узком и широком смысле. В узком – это криминальная ситуация или преступность, т.е. совокупность деликтов на определенной территории за тот или иной отрезок времени. Информационной моделью преступности является уголовная статистика. В демократических странах существует давняя традиция регулярно публиковать соответствующие статистические показатели. Например, в Германии с 1953 года издается справочник "Полицейская уголовная статистика", и в этом отношении Украина не оригинальна – мы с большим опозданием начали делать то, что другие европейские страны уже давно и прочно освоили. Следует отметить: показатели преступности и само это понятие – хорошо разработанные вещи; очевидно, что любая тавтология и ненужные синонимы лишь затруднят их понимание. О.Г. Фролова дает следующее определение преступности: "це правова модель реального, складного і динамічного суспільно небезпечного соціально-правового явища... і є системою злочинів, вчинених на певній території або в тій чи іншій державі чи регіоні за певний період часу, а також осіб, які винно їх вчинили" (Фролова О. Г. Злочинність і система кримінальних покарань. – К, 1997, с. 19). Такое определение действительно полностью поглощает узкое значение "криминальной ситуации", и последнее словосочетание не имеет шансов закрепиться в понятийном аппарате криминологии или социологии преступности.

В определении преступности О.Г. Фроловой тем не менее есть один спорный момент, который при более близком рассмотрении может оказаться своего рода мостиком к расширенному пониманию "криминогенной ситуации". Речь идет о системном качестве преступности, которое для автора является принципиальным положением и рассматривается в указанной монографии как онтологическое свойство преступности. Так ли это на самом деле? Система, как принято считать, это – упорядоченное множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство (Энциклопедический социологический словарь / под ред. Г.В. Осипова. – М., 1995, с. 668). Если объект исследования содержит системные свойства и может без натяжек интерпретироваться как система, применение системного метода оправдано. В таком случае слово "система" допустимо включать в дефиницию. В противном случае системный подход и соответствующая

терминология из способа упрощения сложных объектов превращается в метод его наукообразного усложнения.

По справедливому замечанию основоположника системного метода Л.Берталанфи, на первое место в системных исследованиях выдвигается выявление связей (Берталанфи Л. Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Проблемы методологии системного исследования. — М., 1970). Система, где нет реальных связей, является чисто умозрительной. Правда, А.Н. Кочергин допускает существование логических систем, в основе которых "осуществление логической систематизации научных теорий, где средством систематизации являются "правила", по которым из одних терминов можно получать другие термины..." (Кочергин А.Н. Системный подход и метод моделирования в научном познании // Методологические проблемы научного познания. — Новосибирск, 1977, с.16). Это может в какой-то мере служить "оправданием" системности нашего объекта. Преступность — это родовое понятие, которое включает различные виды преступных посягательств. Но реальная, социальная сущность преступности совсем иная. Какая физическая или социальная связь между фактом карманной кражи, убийством на бытовой почве, сознательной неуплатой налогов, а также лицами, совершившими эти деяния? В подавляющем большинстве случаев прямые связи отсутствуют. Единственным "ощутимым" системным признаком является так называемая структура преступности — устойчивое статистическое соотношение между количеством деликтов разных видов за одинаковые промежутки времени. Однако эту структуру нельзя отнести к структуре строения, здесь отсутствуют внутренние связи строения. По степени целостности и наличию внутренних связей системы делят на три типа: 1) простое множество, 2) неорганические системы, 3) органические системы (см.: Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. — Л., 1969, с. 32, 33). В этой классификации преступность "тянет" разве что на уровень просто-го множества, т.е. ее системные качества сходны с системными свойствами кучи песка.

И тем ни менее именно преступность порождает сложную системную ситуацию, в которую включены множество деятелей, акторов. К ним относятся не только преступники, но и жертвы преступления, полиция, работники юстиции и системы исполнения наказаний. А разве миллионы сограждан не испытывают каждодневное давление, угрозу, чувство страха или дискомфорта из-за преступности? А политики, законодатели, государственные служащие — они вынуждены постоянно отвлекаться (или постоянно работают) для разрешения соответствующих проблем. Интуитивно можно предположить, что мы имеем дело с реальной большой социальной системой. И почему бы не закрепить за ней понятие криминогенной ситуации?

Таким образом, можно остановиться на расширительном толковании "криминогенной ситуации". В научном аппарате криминологии и социологии преступности отсутствуют аналоги — понятия, которые несли бы обобщающую смысловую нагрузку. Под криминогенной ситуацией мы будем понимать взаимосвязанные социальные явления и процессы, порожденные в обществе (регионе страны, городе, населенном пункте) преступностью. Это определение не претендует на полноту и завершенность, более существенным является подход к проблеме и понимание ее актуальности. Декларированная выше системность объекта по своей сути эвристична, ибо она является ключевой идеей для определения плана научных работ. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда новое понятие имплицитно содержит некую научную перспективу. Она намного шире, чем уточнение границ понятия. План должен охватить комплекс теоретических и экспериментальных работ, касающихся методологии и методики исследования криминогенной ситуации. Итоги работ должны иметь практический смысл, т.е. способствовать более четкому видению всех последствий и обстоятельств преступности, использоваться для мониторинга и постоянного информационного контроля. В основу плана научных работ могут быть положены три направления:

- Системная интерпретация криминогенной ситуации, выделение подсистем, элементов, структур и функций, т.е. разработка теоретической модели объекта;
- Определение социальных индикаторов и методов их измерения по каждой из подсистем;
- Анализ взаимосвязей внутри системы и динамических аспектов на основе наблюдений, социологического измерения, мониторинга.

Вырисовываются и несколько основных подсистем, которыми собственно и задается криминогенная ситуация как метасистема. Во-первых, сама преступность или криминальная ситуация как совокупность деликтов, лиц, их совершивших, и элементов уголовных субкультур. Во-вторых, жертвы преступлений, их действия. В-третьих, подсистема "Полиция", которая включает совокупность действий по предотвращению и противодействию преступности, личный состав правоохранительных органов, его настроения и социальное самочувствие. В-четвертых, подсистема "Население" – действия населения по самозащите от преступных посягательств, уровень тревожности, факты латентной преступности, отношение к органам правопорядка и т.п. В-пятых, уголовная политика государства и местных органов власти. В-шестых, подсистема юстиции и пенитенциарная сфера.

В настоящее время наиболее разработанными являются социальные индикаторы подсистем "Преступность" и "Юстиция, пенитенциарная сфера". Они приводятся в криминологической литературе и служат в качестве показателей официальной статистики. Но и здесь есть поле для работы социолога. Например, практически отсутствует методология и методика выявления латентной преступности. Широкие перспективы связаны с разработкой показателей подсистемы "Население" – в этой области практически ничего не сделано. Необходимо сформулировать показатели уровня доверия к органам правопорядка, степени обеспокоенности преступностью в целом и ее отдельными видами, анонимии и уровня правосознания, наконец, найти оригинальные индикаторы действий населения по самозащите.

Подведем итоги. "Криминогенная ситуация" до сих пор не являлась академическим понятием, оно рождено новыми историческими условиями и потребностями обобщать и анализировать происходящие в обществе социально-негативные процессы, связанные с преступностью и ее динамикой. Понятие имеет все шансы войти в категориальный аппарат криминологии и социологии преступности, оно содержит немалый эвристический потенциал. Эвристика основана на системной природе связей, процессов, изменений, общей причиной которых является преступность. Это позволяет толковать "криминогенную ситуацию" расширительно как метасистему, которая включает определенный круг подсистем. Системный подход помогает построить план научных исследований с тем, чтобы понятие из метафоры превратилось в одну из фундаментальных научных категорий.

Соболев В.О., Кобзін Д.О.

СОЦІОЛОГІЧНІ МЕТОДИ ВИМІРЮВАННЯ СТАНУ ДИСЦИПЛІНИ ТА ЗАКОННОСТІ В ОРГАНАХ ВНУТРІШНІХ СПРАВ

Система заходів по зміцненню дисципліни та законності у правоохоронних органах з урахуванням рішень колегій МВС України від 22.09.95 №11 км/2 та від 29.09.96 №2 км/1 є провідним напрямком діяльності у роботі з особовим складом [3].

Дисципліна в будь-якому державному органі міцно пов'язана із законністю, сприяє зміцненню вимог законності, виховує у робітників державних установ свідоме ставлення до виконання службового обов'язку і почуття відповідальності за доручену діяльність роботи. Розгляд службової дисципліни як виду діяльності, заснованої на дотриманні вимог правових і моральних норм, зустрічається в цілому ряді

літературних джерел [4, 5].

Стосовно органів внутрішніх справ службова дисципліна регулюється Конституцією України, діючим законодавством, Законом України "Про міліцію", Дисциплінарним статутом ОВС, Положенням про проходження служби в органах внутрішніх справ, положеннями про галузеві служби МВС і територіальні органи внутрішніх справ, відповідними наказами МВС України й іншими нормативними документами в межах їх компетенції [1, 2]. Службова дисципліна в ОВС містить у собі обов'язок й право працівника ОВС виконувати стосовно громадян організаційно-розпоряджувальні й консультативно-дорадчі функції, дотримуватися заборон і встановлених обмежень при вступі і проходженні державної служби, а також права й обов'язки робітника, пов'язані з удосконаленням його фізичної, професійної й світоглядної підготовки [1].

Форми й методи контролю й перевірки виконання прав і обов'язків робітниками ОВС визначають, які органи здійснюють контроль (органи державної влади, органи управління, представники громадськості та ін.), регулюють його методи (перевірка виконання, інструктування, обстеження та ін.). Однак слід визначити, що серед методів контролю та перевірки практично відсутні соціологічні методики. Для аналізу стану дисципліни та законності використовується аналіз статистичних даних, що надає дані лише "офіційного" характеру.

Саме тому є актуальним дослідження існуючого стану дисципліни й законності, яке було виконано соціологами Університету внутрішніх справ з оглядом на означені положення і передбачало можливість трактування результатів з позицій реформування кадрової політики МВС України.

При опитуванні співробітників ОВС використано спрямований метод відбору респондентів по оперативно-функціональній підпорядкованості служби ОВС та області розташування підрозділів. В ході дослідження було опитано 613 співробітників, з 10 областей всіх регіонів України.

Порушення, з якими зустрічалися респонденти, можна умовно поділити на 3 групи: порушення у службовій сфері; "фактори ризику"; порушення законності. Цей принцип поділення був взятий нами як основний.

Отримані дані свідчать, що кожний з видів порушень отримав значне розповсюдження в ОВС. Особливо розповсюджені порушення в службовій сфері та фактори "ризiku". Й хоча вони представляють меншу небезпечність, ніж безпосередньо порушення закону, вони є підґрунтям для порушення законності, формують несприятливий клімат у колективах, значно впливають на авторитет та діяльність ОВС. Офіційна статистика також виділяє ці види порушень в першу чергу (халатне відношення до обов'язків, погане володіння зброєю). Так, в наказах №656 від 29 вересня 1995р., №504 від 19 липня 1996 р., неодноразово вказувалося на зростання саме порушень у службовій сфері, так як вони у багатьох випадках є основою для більш серйозних проступків.

Високі показники по порушенням в службовій сфері свідчать, що відбувається дезорганізація роботи, загальне погіршення дисципліни. Невиконання наказів (60,9%), халатність (64,7%), ухилення від допомоги громадянам (46,2%) отримали розповсюдження та значно знижують ефективність роботи ОВС.

Не менше занепокоєння викликає блок "порушення законності" — більше ніж 40% респондентів вказали на розповсюдження таких порушень, як зв'язки з кримінальними колами. Це є показником того, що відбувається інтенсивний процес корупції в ОВС, коли часто через важке фінансове становище деякі співробітники порушують закон.

Порівняння даних дослідження з даними офіційної статистики МВС, показує наскільки більша частина порушень дисципліни й законності є латентною (прихованою). Так, за 9 місяців 1997 року за даними ГУК МВС порушено кримінальних справ проти співробітників ОВС за фактами: хабарництва — 52; злочинів проти особистості — 52.

У той час, серед співробітників, що були нами опитані, 58,3 % (357 чол.) вказали на те, що розповсюджене невинуватене насилья, порушення прав громадян; 44,8% (275 чол.) вказало на розповсюдженість хабарництва.

Це свідчить про те, що значна частина порушень дисципліни й законності співробітниками ОВС залишається латентною (прихованою). Наявність, крім зареєстрованих офіційною статистикою, латентних порушень дозволяє зробити висновок, що на сьогодні міліція України переживає дійсний кримінальний вибух, наслідки якого можуть носити руйнуючий характер як для діяльності ОВС взагалі, так і для їх авторитету.

Дані дослідження дозволяють доповнити дані офіційної статистики, та свідчать, що:

- найбільше розповсюдження в ОВС отримали порушення в службовій сфері, при цьому значна частина порушень закону залишається латентною;
- службами, в яких частіше за інші зустрічаються порушення в службовій сфері та деякі порушення закону (хабарництво, здириництво), є ППСМ та ДІМ;
- гострота проблем, що постали перед ОВС, потребує вивчення впливу факторів об'єктивної та суб'єктивної підпорядкованості на стан дисципліни в ОВС.

Серед методів дослідження особливо важливими є проведення моніторингових опитувань; інтерв'ювання груп населення, які частіш за все висловлюють претензії до діяльності правоохоронних органів, з метою визначення причин розгортання конфліктів між громадянами та представниками ОВС; аналіза існуючих організаційних форм щодо зміцнення дисципліни, оцінки їх ефективності та широти використання.

Література:

1. Дисциплинарный Устав органов внутренних дел Украины. Указ Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 29.07.91г. №1368-ХІІ. — К. — 1991, п.2.
2. Закон України "Про державну службу". — К. — 1994. — ст.9, 10.
3. Кравченко Ю.Ф. Робити справу спільними зусиллями // Міліція України. — 1997 — №1.
4. Ткаченко В. Д. "Про поняття та співвідношення принципів та вимог законності // Проблеми удосконалення законодавства України та практики його застосування. — Харків, 1991.
5. Ямпольская У. А. , Шорина Е. В. Административно-правовые вопросы укрепления государственной дисциплины. — М., 1955.

Шаповал В.Н.

МНОГОМЕРНОСТЬ БЫТИЯ ПРАВА

Философские интерпретации права можно считать условными, поскольку они отталкиваются от неких исходных, предварительных допущений онтологического или гносеологического характера, часто принимаемых аксиоматически. Признание в качестве единственно возможного бытия права лишь юридических законов, фиксируемых и закрепляемых благодаря силе и авторитету государства, редуцирует право к его нормативно-регулятивной функции и таким образом останавливается на юридико-позитивистском его толковании. Право здесь рассматривается только инструментально, как определенное техническое средство для решения иных, лежащих вне его задач. Познание этого общественное явления при подобных онтологических предпосылках будет сводиться к сбору фактов его социального бытия и логическим процедурам их систематизации и обобщения. Юридическим законом здесь становится любой набор суждений, отвечающих требованиям формальной логичности и общественной целесообразности. При таком подходе именно юридический закон объявляется объективным правом.

Философское понимание объективного и субъективного права существенно отличается от юридических его трактовок. Юристы полагают, что объективное право — это легитимные, реально существующие в обществе юридические законы и другие нормативные акты, составляющие юридическую систему данного общества. В свою очередь, права граждан, вытекающие из зафиксированных в юридических документах норм, представляют собой, с точки зрения данной позиции, субъективное право. Можно было бы согласиться с таким подходом, если бы здесь сразу же не возникали следующие вопросы. Можно ли назвать "объективным" то право, которое ведет свое происхождение не иначе как из "субъективного духа" законодателей и судей? И, далее, можно ли считать, что те права человека, которые называют "естественными", являются "субъективным правом", не имеющим никакой существенной силы без санкции законодателя? Если принять во внимание данные замечания, то вырисовывается следующая картина. При формировании нормативно-правовой базы современного государства, если это государство претендует на то, чтобы называться свободным и демократическим, за основу, как правило, берут именно так называемые "естественные", неотчуждаемые, а потому объективные права человека, что и фиксируется в большинстве конституций демократических стран. Те основные принципы, которые вытекают из указанного фундаментального положения, кладутся затем в основу правотворческой деятельности.

Если опираться на то предположение, что право укоренено в самой природе человека, является неотъемлемым атрибутом человеческого бытия, то тогда более конкретное выражение указанных объективных прав (конкретное, — с философской точки зрения), с необходимостью заставляет выходить на понятия "сущность человека", "свобода", "дух", то есть, заставляет обратиться в сферу философской антропологии. Рассмотрение сущностной природы права здесь непосредственно затрагивает те или иные стороны человеческого духа, его развития, его свободы и тут один лишь узко-эмпирический метод исследования будет недостаточен. Философско-антропологический подход к бытию права требует применения адекватного ему метода, в основу которого могут быть положены либо так называемая "интеллектуальная интуиция", либо "умопостижение" либо "духовное созерцание", преобразующееся в последствии в вербальную форму различными способами рационализации.

К еще более утонченным методам постижения права нужно прибегать в том случае, если исходить из того предположения, что основные внутренние законы права существуют столь же объективно и вечно, как и физические либо математические закономерности. Задача мыслителя, поставившего себе целью раскрыть действительную природу права, будет в данном случае состоять в том, чтобы, опираясь на некие универсальные закономерности, присущие социальному бытию вообще, последовательно и логически непротиворечиво экстраполировать их на все более и более глубокие пласты права. Задача здесь состоит в том, чтобы дать убедительное обоснование этим исходным, общим для социального универсума, закономерностям, на которых строится вся последующая логика исследования права.

Попытка сформулировать подобные суждения, выступающие в качестве исходных оснований познания права, заставляет обратиться к тем сторонам права, которые рассматривают его как явление культуры. Право выступает здесь как некий существенный элемент культуры, обеспечивающий не только упорядоченность и организацию всех сторон общественной жизни, но соединяющий и цементирующий само здание человеческой культуры, приводящий ее в какую-то целостную, завершенную, и в то же время, развивающуюся систему. При подобных онтологических основаниях познание феномена права, скорее всего, следует проводить в понятиях культурологии с применением метода трансцендентальной идеации. При этом, следует иметь в виду, что даже в рамках одной онтологии могут иметь место различные гносеологические подходы к познанию права. Так, например, предположение о том, что существует сущностная связь права с человеческой

субъективностью, влечет за собой переход на позиции философской антропологии. Но само предпочтение того или иного направления философской антропологии зависит от изначально принятой системы ценностей, от принятой аксиологии, от того, какое содержание будет вкладываться в понятия "истина" и "ложь", "добро" и "зло", "справедливость" и "несправедливость" и т.д. Самое право, как право, соответствующее своему идее, коррелирует со справедливостью, истиной и добром. Таким образом, напрашивается парадоксальный вывод: не внешнее бытие предопределяет понимание права, а гносеологическая позиция определяет взгляд на бытие права, которая в сущности может быть мотивирована лишь субъективным предпочтением исследователя.

Итак, в зависимости от того, какое исходное допущение положено в основу исследований внутренней природы права: объективно ли оно присутствует в мире, укоренено ли оно в природе человека, выступает ли оно элементом культуры или выражается каким-либо иным образом, — таким и будут способы постижения права. Причем, различие онтологических позиций не означает истинности какой-то одной из них и ложности всех остальных. Каждая из интерпретаций несет в себе определенный момент раскрытия многомерного смысла права, помогает понять динамику его развития.

Шевченко Л.А.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Творческие девиации являются источником прогресса, вообще же девиации — важнейшее измерение повседневной жизни.

Р.Батлер

Значительный интерес и, вместе с тем, трудности представляет проверка и интерпретация существующих концепций девиантного поведения в условиях социального и экономического кризиса Украины, когда разрушение социальной системы может привести к непредсказуемым последствиям, для которых характерно своеобразие девиантных проявлений. Изучение состояния и динамики различных форм девиантного поведения связано со значительными теоретическими, методологическими и организационными трудностями, что в свою очередь, не позволяет достаточно определенно оценить многие "пограничные" поведенческие формы как девиантные или же нормальные.

Различные формы негативного девиантного поведения учитываются и изучаются с различной степенью полноты. Проблема преступности не нова, поэтому она наиболее изучена. Значительно меньше сведений приводится о злоупотреблении алкоголем, наркотиками, об административных проступках, суицидальном поведении, о проступках, нарушающих общественные нормы, девиантном поведении подростков. Но все проявления девиантного поведения невозможно зафиксировать в силу многообразия его форм. Например, кто из нас никогда не нарушал, будучи пешеходом, правила дорожного движения?

В нашем исследовании принимали участие студенты двух ВУЗов г.Харькова и несовершеннолетние правонарушители, как состоящие на учете в милиции, так и отбывающие наказание в воспитательно-трудовой колонии. В ходе исследования поднимались вопросы о виктимном и криминальном опыте. К сожалению, не все они сравнимы, так как задавались разные вопросы, различными были выборки и способы опроса. Данные опроса свидетельствуют, что 12% опрошенных были сами жертвами преступлений, 10% отметили, что жертвами преступлений были члены их семей, практически каждый пятый имел виктимный опыт. В приведенной таблице указывается, жертвой какого преступления был респондент (Табл.1).

Сообщения респондентов о личном делинквентном и криминальном опыте оказались более скромными по сравнению с аналогичным опытом родных, друзей и знакомых респондентов. Вместе с тем в результате опроса был выявлен ряд факторов, оказывающих влияние на делинквентность и аддиктивное поведение подростков.

Таблица 1

Структура виктимного опыта (в %)

Были потерпевшими от...	Доля потерпевших	Доля опрошенных
Квартирной кражи	23	5.0
Нанесение телесных повреждений, избиения	22	4.4
Карманной кражи	17	3.0
Разбоя, грабежа	14	2.8
Угона и кражи авто- и мотосредств	6	1.0
Мошенничества	11	2.2
Вымогательства	6	1.2
Покушения на убийство	1	0.2
Итого:	100	19.8

В результате изучения данного вопроса выявлен ряд факторов, оказывающих влияние на делинквентность и аддиктивное поведение.

Неполная семья, безотцовщина – обстоятельства, способствующие как делинквентности, так и аддиктивному поведению.

“Деформированные” (т.е. с отчимом или мачехой) или распадающиеся семьи, когда родители все время находятся на грани развода. Постоянные конфликты в семье неминуемо приводят к противоречивому воспитанию, когда каждый из старших в семье “гнет свою линию” в отношении воспитания ребенка.

Асоциальные семьи с пьянством, криминалом родителей и жестоким отношением внутри семьи друг к другу – факторы, располагающие к употреблению наркотиков. С этими семьями связаны безнадзорность и жестокое отношение к детям. Они становятся “уличными”, группируются с такими же в своем микрорайоне. Дурманящие вещества служат главным способом развлечений в подобных компаниях.

Гиперпротекция в воспитании (с детства чрезмерно опекали, контролировали, следили за каждым шагом и все за него решали, подавляли малейшую самостоятельность – доминирующая гиперпротекция или безмерно баловали, спешили удовлетворить малейшее желание, без удержу восхищались и действительными способностями, и мнимыми талантами, избавляли от малейших трудностей, от необходимости самим чего-либо добиваться – потворствующая гиперпротекция) иногда тоже является фактором, способствующим наркомании.

Аддиктивное поведение подростков, как и другие формы нарушенного поведения, формируется в условиях нарушенного интерперсонального общения и на базе нарушенной самооценки. Оно является мощным звеном вышеописанного замкнутого круга, усугубляет нарушения в интерперсональном общении и самооценке. В процессе наркотизации и накопления негативного опыта деятельности в этих условиях самооценка приобретает все более патологический характер.

В числе семейных факторов, влияющих на делинквентность подростка, находятся — взаимоотношения ребенка с родителями, взаимоотношения между родителями, отношение родителей к воспитанию детей, общий психологический климат семьи.

По данным И.А.Горьковой, Ю.Н.Якубова, Н.В.Лавриненко и др., установлено, что 40% делинквентных подростков росли в неполных семьях, у 34% — отмечается алкоголизм матерей, 33% — алкоголизм отцов и отчимов; у 11% подростков оба родителя лишены родительских прав из-за аморального образа жизни. Полная безнадзорность, бесконтрольность поведения ребенка со стороны родителей, безразличие к его дальнейшей судьбе отмечены в 76%. В 19% родители на момент обследования находились в местах лишения свободы.

Исследование асоциального поведения несовершеннолетних правонарушителей, проведенное психологом Ю.Г. Пилипейченко, показало, что существуют различия в структуре личности этой категории подростков, по сравнению с правопослушными учащимися. Например, у подростков-правонарушителей фиксируется неадекватная самооценка, характерны ситуативность и краткосрочность планирования поступков, неспособность подчинить себя поставленной цели, преодолеть сопротивление обстоятельств, высокий уровень конформизма.

Для несовершеннолетних характерна ситуативность поведения, стремление к "сиюминутному" удовлетворению желаний, что может породить у них потребности, превышающие материальные возможности и выступать в качестве условий, способствующих совершению краж, угонов, разбоев.

Почти всем несовершеннолетним правонарушителям характерна некритичность мышления, неумение видеть последствия поступков, жестокость, повышенная эмоциональная возбудимость. У таких несовершеннолетних часто ослаблены волевые импульсы и они не могут серьезно заниматься в свободное время музыкой, спортом и другими общественно-полезными делами, найти работу.

Характерной особенностью преступности несовершеннолетних является то, что доля преступности несовершеннолетних и молодежи в общей преступности имеет тенденцию к увеличению. Однако преступность несовершеннолетних и молодежи более чувствительна к уровням её профилактики и зависит от факторов, характеризующих социально-экономические, демографические, психолого-бытовые, педагогические и организационно-правовые условия, которые существенно влияют на структуру, уровень, динамику и состояние преступности несовершеннолетних и молодежи, а также на уровень, тактику и методику профилактики данного вида преступности.

Наркотизм — одно из проявлений девиантного поведения. Поскольку немедицинское потребление наркотических средств в Украине фактически влечет за собой уголовную ответственность, наркоманы и их родственники достаточно редко обращаются в медицинские учреждения за помощью. Следовательно, очень высока латентность наркотизма. Кроме того, необходимо обратить внимание на весьма неравномерное распределение наркотизации населения Украины по регионам. Наибольший уровень потребления наркотических и токсических средств отмечался среди подростков-правонарушителей. С возрастом количество употребляющих наркотические и токсические средства растет и достигает максимума к 18-19 годам.

Психологические аспекты борьбы с наркоманией несовершеннолетних состоят, прежде всего, в выявлении предрасположенности к употреблению психоактивных веществ, т.е. таких психологических особенностей подростков, которые являются своего рода слабым звеном в процессе социализации личности. Именно эти психологические особенности провоцируют "уход от реальности" при столкновении с жизненными трудностями.

Анализ личностных особенностей несовершеннолетних таких, как слабое развитие самоконтроля, самодисциплины, низкая устойчивость к неблагоприятным воздействиям, неумение преодолевать трудности, находить продуктивный выход из конфликта, эмоциональная неустойчивость, склонность неадекватно реагировать на фрустрирующую ситуацию, указывает на тот факт, что они вызывают отклонения в поведении, напряженность в социальных контактах, которые в свою очередь всегда связаны с возникновением у них потребности изменить свое психическое состояние.

Уровень потребления наркотических и токсических средств (в %)

Вопрос	Студенты	Правонарушители
1. Приходилось ли Вам употреблять наркотические или токсические вещества?		
Нет	75	50
Да	25	39
Отказываюсь отвечать	0	11
2. Знаете ли Вы лично людей, употребляющих...?		
Наркотики	23	44
Токсические вещества	32	69

Объективный вред, наносимый обществу девиантным или отклоняющимся от нормы негативным поведением молодёжи, и субъективная оценка этого вреда ими самими совпадают не всегда и далеко не в полной мере. Примером тому является наркомания, которая среди молодёжи получила широкое распространение в последние 10-15 лет.

Опрос, проведённый среди девушек-наркоманок г. Харькова, показал, что из 304 наркоманок 23.6% стали употреблять наркотики в возрасте 14-15 лет, 34.4% приобщились к наркотикам в возрасте 16-18 лет. Среди употреблявших наркотические средства 14.2% были полинаркоманами. Употребляющих наркотические средства около года 9.1%, от года до трёх – 56.5%. Сумма, необходимая для приобретения наркотиков, постоянно растёт. На январь 1998 она составляла 10-12 гривен (для справки: в январе 1997 г. эта сумма составляла 6-8 гривен). Понятно, что у неработающих подростков-наркоманов таких сумм просто не бывает, деньги добываются преступным путем.

Среди девушек-наркоманок катастрофически быстро растёт проституция, причем не ради возможности иметь красивые и модные вещи, а для того, чтобы приобрести наркотики. 21% опрошенных сказали, что приобретенные ими наркотические средства они делили со своими друзьями.

Опасность наркомании известна, но дело еще в том, что употребление наркотических средств приводит к сужению круга общения подростка, и в конечном счёте – к спланиванию преступных группировок. Объяснение этому простое: экономически готовить и употреблять наркотические средства одному не выгодно, поэтому происходит объединение в группы. Наркоманистические группы обычно немногочисленны.

Кроме нанесения непоправимого вреда здоровью, опасность наркомании заключается прежде всего в том, что она выступает в роли существенного криминогенного фактора, способствующего совершению различных, нередко тяжких преступлений.

Процесс приобщения молодёжи к употреблению наркотиков меняет свой облик и характер. Преобладает значение группирования и общности с ровесниками, улучшение коммуникаций с ними, стремление подчеркнуть свою "взрослость", желание пережить необычное состояние или испытать неизведанное. 41.3% опрошенных стали принимать наркотики из любопытства, примерно столько же – 39.7% – "за компанию", стараясь не выделяться из привычной группы. Употребление наркотика в этом случае является своеобразным явлением, которое встречается в

группе наркоманов, особенно злоупотребляющих препаратами опия.

В результате опроса получены следующие данные относительно мотивации обращения к наркотикам:

- стремление пережить эмоционально приятное состояние, любопытство, желание испытать неизведанное — 41.3%;
- употребление наркотиков в своей группе сверстников "за компанию", желание быть "как все" — 39.7%;
- прием наркотиков под влиянием лидера группы — 11%;
- желание показать сверстникам свою незаурядность — 8%.

Можно выделить ряд факторов, которые способствуют развитию привычки к наркотику. К социальным факторам относятся: влияние группы сверстников, к которой принадлежит подросток, доступность вещества для подростка, "мода" на него, степень грозящей ответственности. К психологическим факторам можно отнести: привлекательность возникающих ощущений и переживаний, тип акцентуации характера, степень страха причинить вред самому себе, в частности своему здоровью, стремление к самоутверждению. Среди биологических факторов важнейшим является природа того вещества, которым злоупотребляет лицо, а также степень изначальной толерантности (например, высокая устойчивость или индивидуальная непереносимость).

Эффективность лечения наркомании у подростков достаточно низкая. Для большинства из них лечение фактически оказывалось принудительным и госпитализация, и лечение подростками рассматривались как одна из форм наказания. Согласие на лечение они давали вовсе не из желания порвать с наркотиками, вылечиться, а для того, чтобы выпутаться из неприятных ситуаций, укрыться от грозящих наказаний или преследователей, наладить или восстановить отношения с родителями. В таких случаях к приему наркотиков они могли возвращаться сразу же после выписки из наркодиспансера. Никаких специальных лекарственных средств, подавляющих влечение к наркотикам и устраняющих зависимость, как известно, пока не существует, да и вряд ли можно будет найти панацею от всех наркотиков и токсических веществ. Если же будет разработано средство от одного из них, например, блокирующее его действие, то всегда останется высокий риск смены одного вида наркомании и токсикомании на другой.

Девиации наиболее выражены в переломные, кризисные периоды существования систем будучи элементом механизма изменений. Логично предположить, что это относится к нашему обществу. Во всяком случае, исследование девиантного поведения в условиях социального кризиса представляет несомненный научный и практический интерес.

Литература:

1. Гишинский Я., Афанасьев В. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. — СПб, 1993.
2. Карпов В.Г. Социальные нормы, отклонения и контроль в условиях общественных изменений // Социология девиантного поведения и социального контроля. — М, 1992.
3. Конвенція про права дитини. — К., 1995.
4. Личко А.Е., Битенский В.С. Подростковая наркология : Руководство для врачей. — Л., 1991.
5. Чебураков С.Ю. Факторы, способствующие формированию наркомании и токсикомании у подростков. Автореф. канд. мед. наук. — Л., 1990.
6. Якубова Ю.М., Лавриненко Н.В., Москвона М.М. Батьків не обирають... — К., 1997.

Тюрина В.А.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Правонарушения и их наиболее тяжкая часть — преступления — издавна привлекают внимание политиков, писателей, ученых, граждан своей неординарностью по сравнению с другими юридическими событиями и явлениями, а также негативной общественной значимостью и даже серьезной опасностью.

Социально — психологический подход к этим явлениям предполагает выяснение их природы, причин и механизмов воспроизводства и функционирования, взаимосвязей с исторически обусловленными общественными процессами, а также путей их преодоления.

Известны два вида правового поведения — правомерное и противоправное. Они имеют противоположную социальную направленность, а в ряде случаев и противоположные психологические причины. Правомерное поведение мотивируется, как правило, сознанием долга, общественной потребностью или личными интересами, которые соответствуют интересам общества, или, хотя бы не противоречат им. Противоправное поведение имеет совершенно другие мотивы; как правило, это мотивы корысти, эгоистических и агрессивных стремлений.

Юридическая и социальная практика свидетельствует о существовании связи правонарушений с социально-экономическими и другими общественными явлениями. Те процессы, которые возникли в нашей стране в 80-х годах и были охарактеризованы как "предкризисное состояние" общества, явились прямой причиной возрастания преступности и других негативных явлений, таких, как алкоголизм, пьянство, бюрократизация государственного аппарата, коррупция. Переход к рынку обострил и усугубил эти явления, которые развивались постепенно.

Застой, стагнация экономического развития, существующие в настоящее время в нашей стране, вынудили весьма широкие слои населения искать пути и способы преодолеть застой, разрешить свои жизненные проблемы, с которыми они столкнулись в повседневной практике. Резкое ухудшение материального положения сказалось на людях по-разному, что нашло отражение в их поведении.

Так, часть населения прибегла к дополнительным заработкам, используя для этого в основном законные пути. Это несколько повысило доходы какой-то части населения, но в то же время привело (в отношении некоторых людей) к таким негативным последствиям: физическая перегрузка и манкирование основной работой ради дополнительного заработка.

Другой тип поведения — это устройство на "выгодное место", что привело к использованию родственных и приятельских связей, выгодных знакомств, национальных предпочтений.

В-третьих, прямой подкуп должностных лиц, имеющих возможность разными путями способствовать материальным приобретениям (это, по сути, криминальное развитие предыдущего варианта, но здесь речь идет уже не о моральной деформации, а о взятках, коррупции, злоупотреблении властью, то есть о преступных методах).

Четвертый путь — это хищения имущества граждан, частных фирм, государственной собственности, различные формы теневой экономики, спекуляция, контрабанда. Расширились преступные махинации в бизнесе, увеличился рэкёт, вымогательство, возросло количество угонов автомашин и квартирных краж.

Однако существует и такая часть населения, которой все перечисленные способы повышения своего материального статуса недоступны или неприемлемы. Эта часть населения составляет подавляющее большинство, кроме того, она весьма неоднородна. Меньшую ее часть составляют маргинальные личности: пьяницы, хронические алкоголики, наркоманы, токсикоманы, бродяги и т.п. Их количество также сильно возросло и составляет сотни тысяч.

Действие объективных социальных противоречий соотносится с изменениями в психологии разных слоев населения, в том числе в сфере потребностей,

формирование которых происходит по законам сравнения: "жить не хуже, чем другие", "жить не хуже, чем раньше", "завтра жить не хуже, чем сегодня". Поэтому даже временное ухудшение экономической ситуации, заметная дифференциация доходов разных групп населения, дисбаланс в сфере распределения, все это порождает негативные явления в общественной психологии и ведет к росту правонарушений.

Существуют различные "причинные цепочки", отражающие продуцирование правонарушений как массового социального явления. Например: взаимодействие социальных процессов — объективные социальные противоречия — дисфункции социальных институтов — деформация неформальных структур — искажение образа жизни — нарушение социальных норм.

Изучение социально-психологической природы правонарушений и преступности позволило раскрыть механизмы индивидуального поведения правонарушителей. Основу механизма всякого поведения составляет следующая причинная цепочка: интересы и потребности личности — мотивы — выбор цели — оценка ситуации — выбор средств достижения цели — принятие решения — поступок. При этом механизм противоправного поведения отличается от правомерного в основном тем, что в одном или нескольких звеньях указанной "причинной цепочки" происходит деформация. Существует четыре варианта такой деформации, которые определяются типом личности правонарушителя и особенностями внешней среды.

Первый вариант: искажены интересы и потребности субъекта, что ведет к выбору целей и средств поведения, неадекватных с точки зрения морали и права, а следовательно, к совершению неправомерных действий.

Второй вариант: нормальные интересы и потребности приходят в противоречие с имеющимися у субъекта возможностями, которые не позволяют удовлетворить потребности законным путем. Возникающая при этом фрустрация является поводом для агрессивного поведения (например, хулиганства), порождает ряд имущественных правонарушений.

Третий вариант: деформация ценностных ориентаций субъекта, когда стремясь к удовлетворению даже социально одобряемых потребностей и интересов и не встречая серьезных препятствий к достижению этих целей правомерными средствами, человек все же избирает противоправный путь. Такой механизм присущ поведению многих преступников-рецидивистов, а также характерен для личностей глубоко деформированных, рассогласованных с социальной средой, испытывающих социальную и психологическую дезадаптацию. Аналогичный механизм действует и при незначительных нарушениях административных и хозяйственных правил.

Четвертый вариант: деформация на этапе принятия решения. Причины здесь различны: стрессовая ситуация, ошибка в оценке обстановки, нарушение сферы самоконтроля и т.д.

Различные типы механизмов противоправного поведения имеют не только индивидуальное, но и социальное значение. Они связаны с личностью правонарушителей, а также с особенностями социально-экономических условий общественной жизни. Знание этих связей дает возможность предвидеть изменения в состоянии, уровне и структуре различного рода правонарушений и прогнозировать их качественные и количественные признаки.

Слоан П.

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩЕНИЯ

Анализ девиантного поведения — обязательный предмет в США при подготовке будущих учителей, медсестер, социальных работников и социологов. Данный предмет, конечно, также необходим для консультантов и терапевтов.

Если обратиться к письменным источникам, мы получим свидетельства того, что в любом человеческом обществе есть такие типы поведения, которые определяются как девиантные. Четкая дефиниция того, что суть девиантно и что приемлемо варьируется от культуры к культуре и даже среди социальных групп внутри культуры. Нет такого типа поведения, которое повсеместно бы считалось девиантным. На заре истории социальной мысли распространенным было мнение, что, по крайней мере, убийство и инцест являются универсально осуждаемым. Современные исследования антропологии и археологии, однако, показывают, что даже такое поведение в некоторых обществах было приемлемо. В настоящее время общепринято считать девиантное поведение социальным или культурным продуктом в противоположность индивидуальному намерению. В социологии под девиацией понимается поведение, нарушающее важные социальные нормы и осуждаемое большим количеством людей. Важно заметить, что девиация относительна, что поведение становится девиантным только когда его социально определили как таковое.

Вкратце, история логического обоснования девиации свидетельствует, что ранние объяснения "девиантного поведения" были по сути религиозными, т.е. некая злая сила вселяется в индивида, принуждая его думать и действовать неприемлемым образом. Объяснения, основанные на этом подходе были широко распространены в человеческой истории (и даже могут быть найдены в некоторых современных объяснениях). В относительно современной истории (последние два — три столетия) объяснения девиации развивались параллельно физическим наукам. Развитие биологии породило биологическое объяснение девиации. Известны ранние теории, которые соотносят девиацию с размерами головы, строением тела, теория рекапитуляции, а также более поздняя концепция, которая связывает девиацию с генетическим кодом и структурой хромосом. С развитием психологии как науки, начиная с З.Фрейда четко прослеживаются многочисленные психологические теории, объясняющие девиации с позиции конфликта Его — Суперэго либо другими индивидуальными причинами. Исследования, основанные на биологическом и психологическом объяснении (с акцентом на индивидуальности девианта), предоставили убедительные доказательства своей валидности. С другой стороны, фактически эксперименты показывают, что ни одно из этих объяснений не может четко разграничить кто определен как девиант, а кто нет в любом данном обществе; т.е. распределение биологических и психологических черт одинаково у тех, кто определен как девиант и у тех, кто нормален. Критический анализ, проведенный Томасом Зацом, представленный в работе *"Миф о психических болезнях"* является наиболее информативным с этой позиции.

В социологии Э. Дюркгейм предложил новый способ понимания девиантного поведения. Дюркгейм доказывал, что девиация нормальное и необходимое явление в любом обществе. Девиация, по Дюркгейму, выполняет по крайней мере две важные функции. Во-первых, в каждом обществе определение что есть девиация необходимо для определения того, что в нем приемлемо. Во-вторых, солидарность в группах и обществах достигается определением кто "наш" (т.е. ведет себя приемлемым образом) и кто "не наш" (т.е. ведет себя не так как принято). Это объяснение хорошо работает на геополитическом пространстве во второй половине XX века, где группа наций определяла коммунизм как норму и капитализм как девиацию, а другая группа наций придерживалась прямо противоположной позиции, и каждая видела в другой врага.

Дюркгейм определил источник девиации в общества как целостности. Роберт Мертон применил эту теорию к более специфическим явлениям, отметив что в каждом обществе существует несоответствие между одобряемыми целями и возможностями их достижения социально приемлемыми способами. Это несоответствие локализовано в социальной структуре общества. Те, кто становятся девиантами являются таковыми потому, что эти средства для них ограничены, если

вообще имеется доступ к социальным средствам достижения социально определенных целей. Теория Мертона имела большое влияние, по крайней мере в США, и привела к принятию Акта о Равных Возможностях, который направлен на Университетское образование и трудоустройство, а также к позитивным шагам к "открытой структуре возможностей" для тех у кого меньший доступ к "благам".

Теория Мертона имеет, тем не менее, немало недостатков. Самый значительный из них — отсутствие объяснения "кто" может стать девиантом. Множество индивидов находятся в одинаковом положении в структуре возможностей, но только некоторые становятся девиантами, тогда как другие занимают общепринятую позицию даже находясь в худшем положении в структуре возможностей. Теории, разработанные на основе теории Мертона получили название "теории структурных напряжений".

Теория культурной трансмиссии Сазерленда постулирует, что девиация, как и конформность, это поведение которому научаются в процессе взаимодействия с другими. Интенсивность этих контактов, возраст, в котором эти контакты имели место, и количество контактов с девиантами по отношению к количеству контактов с конформистами, — определяют станет ли индивид девиантом или нет.

Социолог Херши сфокусировал свой анализ на том, почему люди конформны, почему им не свойственно девиантное поведение. В своей теории он утверждает, что конформность — это результат социального контроля над индивидуальным поведением и выделил четыре элемента сильных социальных связей; взаимодействие с другими людьми; обязательства, которые они выполняют; вовлечение в недевиантную активность; и вера в ценностную систему общества. Основываясь на своей теории Хёрши аргументировал, что когда степень солидарности в обществе высока, люди менее склонны к девиации, и наоборот, если социальные связи слабы, люди более склонны к девиации.

Начиная с 60-х годов в социологии девиантного поведения появилась новая теория Labeling theory. Согласно данной теории девиантное поведение — это нормальное явление в обществе и детерминировано обществом, является результатом социальной структуры. Индивиды в действительности становятся девиантами при определении их как девиантов.

Мои размышления о девиации основываются скорее на классических теориях Дюркгейма и Тённиса, чем на более современных концепциях. Оба классика жили и писали в изменяющихся социальных системах, социальные изменения внесенные капитализмом и индустриальной революцией были основным фокусом их интереса.

И Дюркгейм и Тённис, особенно Тённис, попытались построить идеальные типы "традиционного" и "современного" обществ для достижения социологического понимания своего времени. Тённис аргументировал, что общество типа Gemeinschaft (традиционное общество) отличается от общества типа Gessellschaft (общество, основанное на рациональности) типом преобладающей "волей" общества. "Воля" общества определяется относительным превосходством группы перед индивидом. Вначале группа была более важна, позднее индивид. Многие другие различия между этими двумя социальными типами являются результатом этого. На мой взгляд, Украина ближе к обществу типа Gemeinschaft и эта его характеристика должна учитываться при "социологическом" понимании украинской культуры.

Это относится и к изучению девиантного поведения. В обществе типа Gesellschaft достаточно просто определить девиантное поведение — это поведение иррациональное или неэффективное. В обществе типа Gemeinschaft определение девиантного поведения сложнее. Например, принимая во внимание то, что Украина — Gemeinschaft общество, можно ли определить коррупцию как девиантное поведение? Официальный ответ, конечно, — "Да". Но практически, ответ не так прост. Кто среди вас не платил или не брал взятку? Можно сказать, что большинство находящихся у власти, вероятно, да. Другой пример. Алкоголизм официально рассматривается как девиация. Но кто из вас не видел, и даже не помогал очень

пьяному человеку на улице. А что такое психическое заболевание здесь? Прежде, это было все направленное против Партии. Но кто не критиковал, иногда, политику или программу Партии? И является ли проституция девиацией? Официально да, но в гостиницах где я останавливался, мне поздно вечером звонили и спрашивали приятным женским голосом: "Не хотите ли Вы компанию девушки?" Является ли гомосексуализм девиацией — может быть, может быть и нет. А употребление наркотиков — девиация? Возможно, в зависимости от того, какой наркотик (не включая алкоголь), и кто его употребляет, по какой причине. А явная ложь — девиация? Возможно, до тех пор, пока человек не пытается сделать политическую игру, достичь политической популярности.

Я хочу сказать следующее. В обществе типа *Gemeinschaft* девиантное поведение — это поведение, которое бросает вызов идеалам и ценностям данного общества. Поэтому девиация — это нечто постоянно изменяющееся. Она действительно зависит от того как поведенческие законы и общественное мнение обеспечивают воспроизводство общества и, следовательно, может определять кого-либо как девианта, бросающего вызов верховенству власти в обществе. В современной Украине одной из характеристик феномена трансформации является противоречивость даже в том, что понимается под девиантным.

Очень интересным феноменом, существующим здесь, является исследование, которое, по моему мнению, является плодотворным для социологии. Очевидно, что определение девиации существует в нормативной структуре и очень мало зависит от наличного поведения. Этот феномен может быть результатом трансформационной динамики, а также частью реинтерпретации общества. В любом случае, этот феномен стоит того, чтобы о нем писать более подробно.

И, наконец, я хотел бы обсудить вопросы, касающиеся социологии в большей степени, чем девиантного поведения. Понятие "социология девиации" первоначально было обозначена как "социология девиантного поведения". В центре современных социологических перспектив является восприятие автономности и скрытой динамики человеческих коллективных связей. "Общество" — это наименование того, что "срабатывает" по правилам, которые мы пытаемся обнаруживать. Мы пытаемся найти то, что лежит "подспудно" в коллективных структурах, как это принято называть. Следовательно, необходимо выделить определенный способ видения общества. Мертон анализирует это в терминах "явных" и "латентных" функций созданных, значимых и официально определенных целей социума; и выделяет задачи, которые социолог должен решить. Это видение "подспудного" (латентного) — необходимая черта социологии: видение неявных явлений человеческого мира, скрытых структур интересов и сил, и оно ждет своей реализации.

Мартиненко О.А.

РОЗРОБКА НАУКОВИХ ЗАСАД КОНТРОЛЮ ЗА ДОТРИМАННЯМ ЗАКОННОСТІ В ДІЯЛЬНОСТІ ПРАВООХОРОННИХ ОРГАНІВ

Однією з нагальних проблем соціального розвитку суспільства є контроль над дотриманням законності в діяльності державних структур, в тому числі — правоохоронних органів, де в останній час особливої значущості на методологічному та прикладному рівні набули питання, від вирішення яких залежить успіх здійснення означеного контролю.

По-перше, необхідно провести реорганізацію правових засад діяльності ОВС та поновлення певної частини категоріального апарату правоохоронної діяльності в цілому з урахуванням сучасного розвитку юридичних дисциплін.

Другим питанням є відповідне вдосконалення форм здійснення контролю за дотриманням законності співробітниками ОВС, оскільки доцільність та ефективність

форм, що мають, справедливо підлягає в останній час критиці.¹ Серед причин такого становища виділяють існуючі недоліки у діяльності правоохоронних органів, які за питомою вагою важливості розподіляються наступним чином:

1. Корупція (хабарництво); 2. Небажання захищати інтереси "звичайної" людини; 3. Низький професіоналізм; 4. Незаконні зв'язки з криміналітетом; 5. Недостатній рівень культури особового складу; 6. Грубість, байдужість; 7. Незадовільний зв'язок з населенням; 8. Низький освітній рівень співробітників; 9. Відсутність достатньої гласності у роботі.

Проблемним питанням є також вивчення взаємодії правових та соціальних факторів у забезпеченні дисципліни. Діяльність працівників міліції сьогодні підпадає під дію норм адміністративного й трудового права, які розподіляються на ряд груп:

- норми, що регулюють службові обов'язки та права робітників ОВС;
- норми, що визначають методи забезпечення службової дисципліни;
- норми, що регламентують міри заохочення робітників;
- норми, що встановлюють міри впливу за порушення дисципліни;

До необхідного оновлення категоріального апарату юридичних норм примикає проблема недосконалості форм громадського реагування на якість виконання співробітниками міліції своїх службових обов'язків.

Зовнішні ознаки скоєння порушень дисципліни мають високу можливість підпадати у поле зору громадського контролю, оскільки переважна кількість порушень дисципліни та законності мали місце у робочий час при безпосередньому контакті з громадянами. Біля половини співробітників, що скоювали порушення, вдавалися до некоректних дій у присутності своїх колег та робили спроби активного приховування своєї поведінки шляхом "укладання угоди" із свідками та потерпілими.

Діяльність громадян у напрямку розвитку форм громадського контролю незмінно потребує достатнього обсягу прикладних розробок й програм, що мають забезпечити репрезентативність вимірів такого складного явища, як дотримання законності. Якщо припустити можливість створення регіональних незалежних центрів громадського контролю, функції яких частково виконуються різними організаціями та спілками, то наявною буде нерозробленість належного прикладного інструментарію.

Для подолання цих недоліків нами було проведено низку пілотажних досліджень з метою розробки спеціалізованих опитувальників та методик щодо оцінки стану законності на рівні окремих служб та підрозділів органів внутрішніх справ. Як приклад, наведемо результати одного з досліджень, під час якого було проведено суцільне опитування населення, в якому взяло участь 1342 чоловіка.

Метою опитування було виявлення осіб, що постраждали внаслідок неправомірних дій працівників правоохоронних органів, в першу чергу — підрозділів адміністративної служби міліції. Серед опитуваних виявлено 10.8% (145 чол.), у відношенні яких були скоєні факти морального та фізичного неправомірного впливу з боку працівників патрульно-постової служби міліції. За частотою випадків звертає на себе питома вага громадян, які потрапляли у означені ситуації 1-3 рази на рік (22%) та частіш 4 разів на рік (28.3%).

Серед потерпілих більшість громадян було затримано у вечірній час (39.3%) та вдень (32.4%), значно менше — вночі (18.6%) та у ранкові (8.27%) години. Причини затримання громадян патрулями міліції за питомою вагою розподіляються наступним чином:

- установлення особистості, перевірка документів — 28.64%;
- спроби вимагательства грошей — 25.5%;
- затримання без причин, з явним перевищенням повноважень — 21.71%;
- алкогольне сп'яніння потерпілих — 17.2%;
- хуліганство потерпілих — 6.08%;
- зауваження співробітнику щодо нетактовності його поведінки — 4.3%;
- порушення правил дорожнього руху — 1.7%.

При затриманні 35.2% респондентів було у стані алкогольного сп'яніння, 40.7% — чинили опір співробітникам міліції. 17.2% опитаних громадян вказали на нетверезий стан співробітників патрульно-постової служби під час затримання. Внаслідок конфліктної ситуації було доставлено у райвідділ 47.6% громадян, при цьому документальне оформлення затримання мало місце лише у 29.6% випадків. Частково цьому сприяла та обставина, що при 33.1% затримань були відсутні свідки, а ще у 31% випадків свідки поводитись нейтрально. Лише 26.2% опитаних вказали на активну позицію свідків, які робили зауваження працівникам міліції, вступалися за потерпілих та ін.

З метою розгляду факта затримання та відшкодування збитків практично всі респонденти подавали заяви щодо незаконності (некоректності) дій працівників міліції. Але, за відповідями респондентів, більшість заяв (69.7%) було відхилено за причиною відсутності фактів порушення законності у діях міліціонерів, не було розглянуто 20% поданих заяв і лише 10.3% заяв потерпілих було розглянуто позитивно.

Матеріал опитування має стати відправною точкою для подальшої діяльності у встановленні належного контакту між співробітниками міліції та населенням, опрацюванні офіційних звітів підрозділів міліції та активному залученні громадськості у професійну підготовку співробітників. Особливу роль громадський контроль має відігравати у профілактиці виникнення суб'єктивних детермінант порушень законності, які на рівні конкретної особистості виступають у вигляді таких якостей, як:

- низький рівень професійних знань;
- відсутність відповідних цінносних орієнтацій;
- неадекватна професійна мотивація;
- низький рівень морального розвитку, емоційна незрілість, психічна неврівноваженість;
- нерозвиненість професійно значущих рис;
- схильність до звинувачення оточуючих у скоєнні власних порушень.

Порушене на початку питання вивчення взаємодії правових та соціальних факторів (несприятливі економічні умови проходження служби, незадовільна організація професійної підготовки, стресовість служби, незадовільний рівень соціального захисту співробітників) стосується прогностичної функції наукових досліджень, яка також має безпосереднє відношення до забезпечення стану законності у силових структурах на рівні, необхідному для суспільства.

Література:

1. Криминогенная ситуация и взаимосвязь милиции и населения в г.Харькове. // Научный отчет по результатам социологического исследования — Х., Ун-т вн.дел, 1997.
2. Дисциплинарный Устав органов внутренних дел Украины — К., 1991.
3. Барабаш О.Т. Дисципліна праці. — Харків, 1994.

Сердюк О.О.

ОСОБЛИВОСТІ МОТИВАЦІЇ ВЖИВАННЯ СПИРТНИХ НАПОЇВ: ДОСВІД СОЦІОЛОГІЧНОГО ВИВЧЕННЯ

Оскільки вживання алкоголю зростає в усьому світі, не має підстав вірити що Україну це явище могло б обмінувати. Наша країна особливо вразлива, якщо зважити на складнощі, з якими зустрічається зараз усе населення, а також на перехідні явища в економіці. Ці міркування мають особливе значення для представників влади в час, коли докладаються великі зусилля для трансформації нашої країни.

Але усі проблеми, пов'язані із вживанням алкоголю, нажаль не обминають і співробітників органів внутрішніх справ, внаслідок чого потребують поглибленого вивчення.

У цьому дослідженні нами було використано методику шкалювання оцінки мотивів вживання алкоголю (Зав'ялов В.Ю. 1988), яка має дев'ять шкал, об'єднаних у три блоки по три шкали у кожному. До першої тріади шкал належить група соціально-психологічних мотивів вживання алкоголю: ТРАДИЦІЙНІ, СУБМІСІВНІ та ПСЕВДОКУЛЬТУРНІ мотиви. До другої тріади шкал належить група особистісних, персонально значущих, психологічних мотивів вживання алкоголю: ГЕДОНІСТИЧНІ, АТАРАКТИЧНІ, та мотиви ГІПЕРАКТИВАЦІЇ поведінки. До третьої тріади належать шкали саме патологічної мотивації вживання алкоголю: ПОХМІЛЬНІ, АДИКТИВНІ (від англ. Addiction — пристрасть до чогось) та мотиви САМОУШКОДЖЕННЯ.

Об'єктом дослідження стали курсанти другого курсу юридичного факультету Університету внутрішніх справ. Ця виборка, звісно, не може бути репрезентативною до усіх правоохоронних органів, і це дослідження слід вважати пілотажним, однак воно виявляє достатньо виразні тенденції щодо вживання алкоголю, та дає основу для проведення фундаментальних досліджень проблеми зловживання спиртними напоями працівниками органів внутрішніх справ.

Нами було обстежено 243 чоловіки, 226 з них (93,1%) відповіли на постановлені питання, а 17 (6,9%) виявили негативне ставлення до опитування та відмовились відповідати на постановлені питання. Серед них 81,7% — особи чоловічої статі, а 18,3% — особи жіночої статі. Середній вік дослідженої групи — 19,7 років.

Показник мотиваційного напруження в середньому по усій групі має значення 29,82. Найбільш високий рівень мотиваційного напруження відмічається у групі курсантів юридичного факультету чоловічої статі — 32,19, що майже у півтора рази вище, ніж у курсантів жіночої статі того ж факультету — 21,5. На думку розробників цієї методики, поріг у 50 балів повністю відрізняє "здорових" від більшої частини стигматизованих, тобто "визнаних" алкоголіків. У нашому дослідженні 11,06% курсантів мають рівень мотиваційного напруження понад 50 балів, що дозволяє у цьому випадку говорити вже про сформовану залежність. Практично інтервал у 35-50 балів може слугувати діагностичним критерієм алкогольної залежності. До цього інтервалу належать 21,24% опитаних, що може бути підставою говорити стосовно них вже про початкову стадію алкогольної залежності. У типових випадках алкоголізму цей показник полягає у межах 65-85 балів, такий рівень мотиваційного напруження відмічається у 5,75% респондентів, у відношенні яких ми можемо говорити вже про сформовану хворобу.

Аналіз усереднених мотиваційних профілів дає нам уявлення про структуру мотивації вживання алкоголю в обстеженій групі. Для більш досконалого аналізу алкогольної мотивації ми розглядаємо два мотиваційних профілі: курсантів другого курсу юридичного факультету Університету внутрішніх справ — особи чоловічої статі, та курсантів юридичного факультету — особи жіночої статі.

Таким чином, ми бачимо, що в обох групах домінує традиційна та псевдокультурна мотивація, однак для осіб чоловічої статі характерним є домінування традиційних мотивів над псевдокультурними, а для осіб жіночої статі — навпаки: псевдокультурної мотивації над традиційною. Ці типи мотивації є найбільш характерними для усіх досліджених груп, а саме: у 98,67% респондентів відмічено наявність (з різним ступенем вираженості) псевдокультурної мотивації, а у 97,35% респондентів відмічено наявність традиційної мотивації вживання алкоголю. Субмісивна мотивація значно менш виражена, та в усіх підгрупах посідає 5 місце за гедоністичними та атарактичними мотивами, у 77,88% респондентів відмічено наявність цього типу мотивів вживання алкоголю. Третє та четверте місця, в усіх обстежених підгрупах за своєю виразністю посідають гедоністичні та атарактичні мотиви вживання алкоголю, наявність яких відмічено у 86,73% та 76,55% відповідно. Далі в усіх підгрупах сліdkують мотиви гіперактивації поведінки, які присутні у

67,7% респондентів. Найменш виразними в усіх обстежених підгрупах виявились сутто патологічні мотиви вживання алкоголю. Так, похмільна мотивація зустрічається у 43,46% респондентів, адиктивна мотивація зустрічається у 35,4% респондентів та мотивація самоушкодження зустрічається також у 35,4% респондентів.

Нами було збудовано та змістовно інтерпретовано трьохфакторну модель мотивації вживання алкоголю. Таким чином, ми виділили три фактори, які поглинають 80% загальної дисперсії. Найбільший внесок у загальну дисперсію дає **фактор 1** — 55,87%, менший внесок — **фактор 2** — 15,5%, та найменший — **фактор 3** — 8,7%.

Основний внесок у **фактор 1** дають шкали першої (традиційні та субмісивні мотиви) та другої тріади шкал мотивації вживання алкоголю (гедоністичні, атарактичні та мотиви гіперактивації поведінки).

Фактор 2 об'єднує у собі шкали патологічної мотивації вживання алкоголю (похмільної, адиктивної та мотивації самоушкодження). Він є ортогональним фактору соціально-психологічної мотивації, що дозволяє інтерпретувати його як фактор адиктивної, патологічної залежності від алкоголю.

Фактор 3 треба особливо розглянути, бо основний внесок до нього дає псевдокультурна мотивація вживання алкоголю.

Таким чином, отримані результати, що подаліше, більш поглиблене вивчення та наукове обґрунтування цієї проблеми дозволить наблизитись до розуміння детермінант та механізмів функціонування алкогольної мотивації у працівників органів внутрішніх справ.

IV. НАУКА І ДУХОВНІСТЬ У СУЧАСНОМУ СУСПІЛЬСТВІ

Цехмістро І.З.

ПОСТМОДЕРНІЗМ І РЕЛЯЦІЙНИЙ ХОЛІЗМ — НЕСПОДІВАНА ЗУСТРІЧ НА ВІСТРІ ПРОБЛЕМИ ДУХОВНОСТІ

1. Постмодернізм в філософії науки

Як відомо, постмодернізм є вельми далеким від того типу мислення, який називаємо наукою, і досить ворожим відносно науки, її можливостей і ролі в суспільстві. Постмодернізм виник на базі літературно-естетичної течії в 60-х роках у Франції. Його родовою і водночас сутнісною рисою є акцент на літературній творчості, а головним знаряддям є мова, "текст", виявлення та усунення аномалій мови та тексту.

В самому загальному штибі постмодернізм протиставляють традиціям Просвітництва, науки Нового часу, духовним здобуткам перших трьох четвертей ХХ сторіччя. Сильною стороною постмодернізму є заклик до подолання таких негативних рис суспільства епохи modern'у як "тоталітаризація", "відчужувальна об'єктивація знання", "лімітація" людини всілякими привидами загального, "раціонального" чи "істинного". Постмодернізм дає досить влучну характеристику духовній суті суспільства епохи modern'у, як безмежному пануванню "універсально-загальної ідентифікації" чи "індустріального розуму" у Адорно, "калькулятивного мислення" у Хайдеггера, "логоцентризму" у Дерріда або "дисципліни" у Фуко.

Вороже ставлення постмодерністів до науки пов'язане не стільки з відомими негативними наслідками науково-технічного прогресу, скільки з тим, що наука ототожнюється з самим ratio, раціональністю, є носієм і пристанищем "істини" і т.п.

Але звернімося тепер до філософії науки, філософії підвалин науки. Воістину світом править іронія, і принаймні за 30-40 років до того, як постмодерністи заходилися "деконструювати" поняття істини, **власний розвиток підвалин науки** — в данному випадку найбільш точною і безпосередньо пов'язаною з поняттям істини науки — **математики** — **повністю деконструював поняття "абсолютної" істини**, причому бездоганним і безсумнівним чином. Я маю на увазі знамениті теореми Геделя про неповноту формальних систем доведені ще в 1931 році. Згідно цих теорем якщо і можна говорити про абсолютну істину, то тільки в гранично мало змістовному сенсі прийнятної тотожності $A=A$ і того, що може бути зведене до цієї тотожності. Будь яка інша, більш змістова система знання, така, наприклад, як арифметика натуральних чисел, не може претендувати на абсолютну істинність. Що ж тоді говорити про інші галузі знання? Звідси витікає, що **математика як "текст" ніколи не буде завершена** і в ній завжди можуть проявитися аномальні утворення, що підлягають санації, чи вичищенню, без всякої надії на радикальне усунення їх можливої появи. За 2,5 тисячі років існування цієї найбільш "логоцентричної" науки це перший і повністю безпрецедентний випадок. Більш того, з цього моменту, залежно від філософського темпераменту, стають прийнятними всі досі висловлені філософські погляди на природу математики, включаючи і такий, згідно з яким математик є рівно стільки, скільки є математиків.

А для того, щоб цей результат не здавався чимось штучним, надто екзотичним та надто спеціальним, нагадаю, що невдовзі була **встановлена абсолютна нерозв'язність** такого досить буденного і цілком **реального математичного твердження, як теза про потужність множини дійсних чисел**. Цей результат вже цілком повертає нас в епоху формування висхідних засад європейського логоцентризму — в елейську епоху. З'ясувалося, що теза про

потужність континуума не має ніяких власних логічних засад і виявляється справою цілком довільного формулювання. Більше того, відкривається можливість тлумачення континууму (або неперервності) як прояву певної глибинної цілісності (не-множинності), що поряд з раніше встановленою відносністю поняття потужності множини (так званий парадокс Сколема), **робить тепер відносним висхідне, або базове для всієї математики поняття множини.** Це вже межа будь якої раціональності, за якою постають такі доповняльні уже не стільки мовні, скільки почуттєво-духовні практики, як релігійне чи містичне переживання єдиного і т.п.

Отже з погляду на ці результати піддавати деструкції і критиці поняття абсолютної істини в 60-70-х роках нашого століття, це теж саме, що ломитися в навстіж відкриті двері, які вже були гостинно розчинені для будь-кого в підвалинах математики.

Та найбільш дивовижними і несподіваними є **філософські наслідки розвитку квантової фізики.** Той результат, на який вказують найбільш важливі факти в підвалинах математики — *релятивність* гранично широкого і всезагального в науковій мові і водночас гранично абстрактного поняття *множини* як засади будь-якої раціональності, отримує тут несподіваний розвиток і унікальний фізичний зміст. Виявляється, що з квантової точки зору звично множинний для всіх нас фізичний світ, так би мовити, насправді існує як неподільна в кінцевому підсумку цілісність, як такий, що є кінець-кінцем *одне*, а не *множинне*. Це є інваріантний факт для всіх відомих формулювань квантової механіки: тої, що виходить з сталої Планка і співвідношення невизначеностей, чи абстрактної алгебраїчної властивості некомутативності деяких спостережуваних величин, чи згідно фейнмановського методу сум ймовірностей на всіх можливих траєкторіях руху (з урахуванням принципу стаціонарності дії).

Деабсолютизоване таким чином поняття множини відкриває двері для необхідності доповнити суто множинну картину світу безмежним морем потечійних можливостей прояву цих тепер лише відносних, а не абсолютних множинних аспектів буття. Потенційні можливості і ймовірності, що їх представляють, виникають просто як результат неповного розчленування системи на елементи і множини при наших звичних намаганнях описати фізичну систему в термінах елементів і їх множин.

Ці нові сутності — потенційні можливості — уже не фізичної, а ментальної природи, які однак ні в чому не поступаються в своїй реальності фізичним сутностям — елементам і множинам — виявляються аж ніяк не довільними, а для кожного випадку максимально деталізованого фізичного стану системи логічно скорельованими і взаємно узгодженими. Європейський логос, який з часів Парменіда був відділеним від природи і уособленим або в образі Бога, або в людській свідомості — і те, і друге явилось могутніми засадами розвитку європейської науки і європейського раціоналізму — тепер знову і цілком несподівано для європейської ментальності виявився повернутим самій Природі і природним же чином вмонтованим в неї. Все це дозволило зрозуміти такі виключно важливі питання філософії квантової фізики як первісний і неусувний статус ймовірностей в описуванні фізичної реальності, явище редукції хвильової функції, а особливо знамениті квантово-кореляційні ефекти.

Виявилось, що світ потенційних можливостей в природі управляється точно таким же чином, як наші думки: на підставі імплікативних зв'язків і залежностей. І там, і там в основі імплікативних зв'язків і імплікативних "механізмів" управління лежить одна і та ж дивовижна властивість — унікальна немножинна цілісність: в першому випадку — всього світу як неподільного цілого в субквантовому рівні, в другому випадку — більш близького і добре знайомого нам нашого "Я" — психічної тотальності і неподільності в підґрунті нашого психічного і інтелектуального стану. Таким чином, природа і людина виявилися більш тісно пов'язаними ніж це будь-

коли уявлялося в дотеперішній філософії. І всі колишні істини тотожності думки і буття, людини і природи і т.інш. бліднуть перед цією новою істиною, що водночас має статус фізичного факту. Оця *взаємодоповняльність і нерозривна єдність світу фізично-множинного (фізично-причинного) і ментального (але цілком об'єктивного) імплікативно-логічного світу потенційних можливостей*, — таких двох світів невіддільних один від одного, безконечно різноманітних і невичерпних в кожному експерименті чи акті пізнання, одержала назву *реляційного холізму*, який є принципово відміним від будь-яких досі відомих форм холізму саме тому, що цей холізм є антиподом будь-якої усталеності, скінченності чи мертвенної тотальності.

II. Зпівставлення постмодернізму з реляційним холізмом

Проведемо тепер *порівняльну характеристику* тільки що окресленої *реляційно-холістської позиції і постмодерністської позиції* в їх відношенні до науки і наукового пізнання. Виглосимо одне попереднє зауваження. Постмодернізм, ясна річ, не є однорідною течією. Зокрема, в ставленні постмодерністів до науки і наукового пізнання чітко виимальовуються два напрямки.

Перший — це так звані "негативісти", прибічники рішучого тотального заперечення сучасної науки. Їх головне гасло — "кінець науки!" Вони відмовляються від усякого пізнання будь-якого різновиду наукового знання і взагалі проголошують повний розрив поміж "modern'om" і "postmodern'om".

Другий напрямок постмодерністів є більш поміркованим. Піддаючи всебічній критиці сучасну науку, вони водночас допускають можливість в нову епоху — епоху постмодерну — усякого позитивних елементів науки модерну. Цей напрямок отримав назву "позитивних постмодерністів" на відміну від "негативістів".

Враховуючи наявність цих двох напрямків в загальній течії постмодернізму, проведемо їх порівняльний аналіз з реляційно-холістським підходом.

1) Згідно усталеним уявленням всякий розгляд питань філософії науки має бути розпочатим з питання про реальність і вже потім виникає питання про ціннісні аспекти знання, які так би мовити, асиметрично походять від суб'єкту. Але з точки зору *реляційно-холістського підходу ситуація докорінно змінюється: реляційний холізм повністю пориває з ціннісно-нейтральним ідеалом знання і визнає ціннісний аспект не знання, а спершубуття висхідним і визначальним, бо він усуває протиставлення духу і природи, людини і бога, і визнає людину як неусувний і найбільш суттєвий аспект реальності*. Людина не те, що можлива, а неминуча і необхідна в бутті. Специфічно людські структури свідомості, що базуються на імплікативних зв'язках і залежностях є проявом і відтворенням найбільш глибокого типу зв'язку і залежності в самій природі. Якщо говорити старою мовою, то *висхідними і первісними є цілісність (не-множинність), всеєдине, благо, краса*, а це ціннісні категорії, — а вже потім множинність і структурність з притаманними їм нижчими типами зв'язку і механізовими утвореннями.

Отже, якщо негативісти просто з розпачу і наобач чи сліпо декларують рівнозначність всіх цінностей (в тому числі наукових і релігійних), а позитивні постмодерністи висувають ідею пріоритету загальнолюдських цінностей, то *реляційно-холістський підхід, віддаючи належне науці, не привносить ззовні загальнолюдські цінності в буття (від людини), а визнає їх висхідно-фундованими в бутті (разом з людиною)*. Разом з тим він вказує на можливість інших ціннісних практик, бо ця цілісність і духовність світу, яка охоплена ним лише з одного боку і надто схематично, чи навіть формально, з другого свого боку є очевидно цілком недоступною мові науки і філософії, і може (а вірніше — має) бути предметом таких практик, як релігійне вірування, містичне переживання, різновиди медитації і т.і.

2) А тепер — *уявлення про реальність*. Якщо негативісти заперечують можливість адекватних засобів для теоретичного осмислення реальності, посилаючись

на її невіддільність від ментальних і комунікативних процесів, то реляційний холізм дозволяє усвідомити, чому це саме так, бо предметом теоретичного опису і осмислення може бути принципово лише множинний аспект буття, а доповняльний аспект цілісності і кінцевої нерозкладанності світу на будь-які елементи і множини може бути досягнутим лише шляхом *індивідуального* психологічного стрибкоподібного акту усвідомлення неуніверсальності і відносності множинного аспекту буття. *Цілісність, що лежить глибше множинності як корінна властивість буття, взагалі не може бути предметом будь-якої дескрипції, а лише предметом індивідуального переживання.* Визнаючи певною мірою безмежні можливості науки і наукового пізнання, реляційний холізм залишає місце для (і навіть вказує шлях до) насолоди релігійним почуттям, містикою чи іншими альтернативами і доповняльними до науки формами пізнання в пошуках шляхів оволодіння знанням про світ як цілісність.

3) **Подолання протиставлення суб'єкта і об'єкта — корінної вади європейської науки і культури.** Як що негативісти, виходячи з гетерогенності суб'єкту, приходять до думки про його зникнення, а позитивні постмодерністи підкреслюють формуючу роль суб'єкту в творенні об'єкту, так що в кінцевому підсумку об'єкт є продовженням суб'єкту, і об'єктів стільки, скільки ж є суб'єктів, то реляційний холізм поєднує те і друге на базі невичерпної фізичної невіддільності і єдності суб'єкта і об'єкта. Тому кожний суб'єкт формує свій зріз (перетин) реальності, а їх невичерпність, безконечність і повна рівноправність взагалі усуває проблему суб'єкта-об'єкта в звичних нам формах.

4) **Всезагальність світу.** Негативісти повністю відкидають пошуки будь-яких всезагальних і універсальних рис і ознак світу, визнаючи лише локальності (нарративи), (тобто викладення окремих фактів). Позитивні постмодерністи визнають всезагальність властивостей і зв'язків, оскільки ними визнається принцип глобальної співвідносності.

І тут реляційний холізм йде значно далі, бо його зовсім не цікавлять нарративи про окремі факти, оскільки для нього навіть весь множинний аспект буття є лише одним і цілком випадковим (у своєму конкретному вираженні) з таких нарративів. Що ж стосується всезагальності властивостей і зв'язків, то реляційний холізм піднімається вище будь-яких уявлень про всезагальність властивостей і зв'язків досі висловлених в науці, бо виходячи з зовсім нової ідеї глобальної співвідносності світу як множини і світу як неподільного одного, він безпосередньо вказує на досі нечуваний факт імплікативного, а не фізично-причинного зв'язку в самому фундаменті буття.

5) **Погляди на методи пізнання.** І негативісти і позитивні постмодерністи, відмовляючись від логоцентризму, звертаються до зовсім нових потенцій людини — потенції уяви і творчості. Методи негативістів — деструкція і інтерпретація з акцентом на характеристику унікального і індивідуального. Загальна риса їх методу — антиметод, відмовлення від всіляких правил і методів. Позитивні постмодерністи займають більш помірковану позицію, орієнтуючись на множинність та взаємну доповняльність методів пізнання.

Реляційний холізм забезпечує більш потужну позицію. Окрім очевидно тривіального в реляційнім холізмі визнання множинності та взаємодоповняльності методів пізнання, своє звернення до *індивідуального і унікального він доводить до гранично можливої унікальності — визнання неповторної, невідтворюваної, незбагненої, незнищуваної, неопишуємої і такої, що не піддається будь-якій деструкції та інтерпретації надунікальної властивості світу як неподільного і неможинного в кінцевому підсумку. Саме досягнення цієї властивості світу непідвладне будь-якому з наукових методів і безпосередньо вимагає граничної напруги нашої уяви і творчих здібностей.*

Спробуємо тепер окреслити якісь загальні висновки питання про постмодерн в філософії сучасної науки:

1) Перш за все це більш чіткі уявлення про те, що насправді відбувається. Мова має йти не про заперечення класичної і неklasичної науки, науки нового часу, чи модерну. Мова йде про певну *вичерпаність* європейської науки в цілому і притаманного європейській культурі розмежування науки, культури і релігії; людини і Бога; Логоса і природи. Притаманний європейському мисленню логоцентризм був започаткований ще Парменідом, який чітко відділив "істину" від "мненія", логічне пізнання від почуттєвого (Н.Бурбаки: "Если греческие философы V-II вв. до н.э. еще только порицают, то начиная с Парменида они уже аргументируют" [1]). До цього слід додати відкриття елементами основних законів логічного мислення та усвідомлення ними можливості і необхідності чисто логічного пізнання, що дозволило знаменитому сучасному філософу сказати таке: "атомная бомба впервые взорвалась две с половиной тысячи лет тому в поэме Парменида "О природе" (М. Хайдеггер).

2) Чого ми маємо чекати на зміну науці, що вичерпавши себе, залишає Олімп? Принаймні в філософії ми маємо сподіватись на більш самокритичний і більш духовний, "просвітлений" стиль мислення, визначально орієнтований на цінності буття і на людину як центр буття. Такий стиль мислення, що не просто є толерантним до релігії, містицизму і інших духовних практик, а й певною мірою включає притаманні їм риси.

3) Отже коли ми співставляємо постмодернізм з сучасним станом підвалин точного знання, то помічаємо, що ментальність модерну, що є об'єктом критики з боку постмодерністів, вже є фактично відкинутаю власним розвитком підвалин сучасної науки, а саме квантовою фізикою і рівною мірою дослідженнями з підвалин логіки і математики, в яких основні досягнення ХХ століття мають заперечний, або заборонний характер якраз по відношенню до гіпотез і припущень, висунутих свого часу з раціоналістичних споглядань модерну: абсолютна нероз'язність континуум-гіпотези Кантора, обмежувальні теореми Геделя про неповноту (і неповновиявляючість) формальних систем, теореми про невиражальність істинності арифметичної формули засобами формалізованої арифметики і т.ін.

Не для слабкої і такої хиткої людської суб'єктивності, а в самому "об'єктивному" світі квантова фізика відкрила стільки можливостей непередбачуваної ймовірності поведінки її об'єктів, неповторної індивідуальності кожного акту вимірювання (чи фізичної взаємодії), таке багатство потенційностей і багатоманітності шляхів їх реалізації, котрі далеко перевищують політ фантазії постмодерністів. Тут спостерігач "фізичного світу" знаходиться в умовах своєї повної довільності вибору типу майбутнього спостереження і формування цим актом спостереження самої реальності, з якою він має справу.

Квантова фізика — це вже не фізика в звичайному сенсі цього слова. Це чисто інтелегібельна картина безконечно багатого світу потенційних можливостей, тільки часткові реалізації якого, доступні нам, ми називаємо фізикою, або природою. Світ квантової фізики — це неосяжний світ потенційних можливостей, котрі кожного разу створюються і перебудовуються заново в своїй бесконечній різноманітності в залежності від вибору позиції спостерігача, типу приладу чи експерименту, макроскопічного оточення і т.ін. Все неосяжне багатство можливостей цього супранатурального і надреального світу квантової фізики є наслідком відносності і неуніверсальності гранично загальних понять в підвалинах європейської науки і культури — понять елемент і множина елементів, понять, що охоплюють собою всю історію європейської культури від античності до епохи Модерну. Свого часу О.Шпенглер слушно зауважив, що символом античної культури є окреме тіло (кінцево: елемент, або крапка в геометричній уяві), а символом європейської культури Нового часу — бесконечна протяжність, континуум (або незчисленна лінійна множина таких крапок). Так ось: і поняття елементу, і поняття множини; і окремого тіла, і бесконечно протяжного лінійного простору, виявились відносними і неуніверсальними — до чого не додумався жоден постмодерніст. Звідси — нова концепція всесвіту, що

більш не протистоїть людині, не є зовнішнім, незалежним і чужим їй, а є нерозривно пов'язаним з людиною і "співучасним людині всесвітом" (Дж. Уїлер [2]).

Нарешті в кінцевому підсумку слід підкреслити, що так усвідомлений феномен цілісності чи єдності, що знаходиться "поза" застосовності понять "елемент" і "множина", не зовсім співпадає із змістом тих понять "єдиного", "цілого", "тотального", котрі так чи інакше входили в понятійний арсенал Модерну і котрі сьогодні справедливо піддані критиці постмодерністами. Квантова цілісність — це цілісність без "носія" і без "посередника". Її не можна назвати, її не можна показати (маніфестувати), вона не має якогось свого місця в просторі чи часі, бо є взагалі позапросторовою і позачасовою, вона позбавлена будь-яких предикатів. І тому вона ближче езотеричним і східним концепціям неназваного і непоказуваного, ніж будь-що із пропозицій постмодерністів.

Отже наш підсумковий висновок співставлення постмодерністської філософії з сучасною філософією науки дозволяє сказати таке.

Постмодерністи в сучасній філософії — це останні за часом діти модерну, що разом з ним виявилися на краю прірви, яка відокремлює його від нової епохи, що народжується. Відчувши це, вони підняли тривогу та зчинили великий галас, завдяки чому й не помітили формування нового духовного містка над цією новою духовною прірвою.

Якщо Постмодерн тлумачить як світ, що є наперед не визначеним суб'єктом, світ, в якому людина буттяє в середовищі природно-історичної невизначеності відносно абсолютів, світ, в якому зникає фіксований референт наративів і текстів, то все це точнісінько відповідає сучасному стану підвалин точного знання — математики і фізики — в яких більш переконливим чином і ще раніше людина зіткнулася із зникненням абсолютів і будь-яких однозначно фіксованих "об'єктивних" референтів знання.

Але реляційний холізм, який виростає з сучасного стану підвалин точного знання, все-таки дозволяє піти далі такого світу Постмодерну, що задовольняється зовнішнім станом невизначеності відносно абсолютів і рівноцінності всіх текстів і наративів. Реляційний холізм повною мірою проясняє, чому можливий той світ, яким просто задовольняється постмодернізм. *Реляційний холізм як би відкриває той більш глибокий пласт під-постнекласичної ментальності (стосовно науки), чи під-модерністської духовності (стосовно культури в цілому), який якраз і робить можливим зваження рівноцінності різних, в тому числі і протилежних, методів пізнання (як, наприклад, в концепції доповняльності в фізиці), чи рівноцінності текстів і наративів (як, наприклад, в теорії інтертекстуальності в літературі і культурології в цілому).*

Та головна надія реляційного холізму полягає в очікуванні нового прориву в проблему духовності в культурі. Постмодернізм просто мовчить з цього приводу, тоді як *реляційний холізм усуває висхідну причину родової хвороби європейської культури — розрив поміж людиною і світом і забезпечує рівноцінність застосування усіх практик в цій сфері: науки, релігії, містики і т.ін.*

Проблема духовності в науці і культурі — то є дуже поважна тема, що потребує окремого розгляду. Ми ж тут можемо зробити лише перший крок у цьому напрямку, а саме покажемо, що ригористично бездуховний раціоналізм при всій притаманній йому зверхності, самовпевненості та нетерпимості до будь-чого позарационалістичного насправді ні в якому разі не є самодостатнім і існує лише остільки, оскільки в своєму підґрунті він спирається на... феномен ірраціонального (!). Отже, розглянемо **ірраціональність як підставу раціональності**.

Ш. Ірраціональність як підстава раціональності

Коли на міжнародній конференції "Львівсько-Варшавська школа і сучасність" в листопаді 1995 року було виголошено тему моєї доповіді саме в такому формулюванні "Ірраціональність як підстава раціональності", польський учасник конференції професор Яцек Ядацкі вигукнув: "Як це можливо?" І справді, важливим

надихаючим чинником становлення і розвитку Львівсько-Варшавської школи в філософії науки було рішуче заперечення ірраціонального в будь-якій формі і тверда надія на повне викорінення його з наукової мови та філософії. Чи виправдилися ці надії і чи так воно сталося з погляду сучасності?

Відповідь буде дещо несподіваною: елемент ірраціонального в науковому знанні став більше сприйнятним для нашої свідомості сьогодні, наприкінці двадцятого століття порівняно з часами Львівсько-Варшавської школи і набув, так би мовити, раціональних форм його вираження. Пояснимо цю думку прикладами.

Значення доведення нерозв'язності континуум-гіпотези Кантора не вичерпується суто технічними наслідками. Цей результат насправді має перш за все надзвичайно глибокий філософський зміст: він вказує на те, що в кінцевому підсумку континуум взагалі *не є множина*, як це й передбачали інтуїціоністи, зокрема Брауер, Вейль, Лузін. Але цей феномен *не-множинності* (цілісності чи єдності) як найбільш глибокої структурної властивості континууму, який постає за цим результатом, і який є неусувним джерелом невичерпності континууму будь-якими множинними конструкціями довільної потужності, аж ніяк не може бути предметом раціонального опису і повністю випадає із нього. Воно й не дивно: в раціоналістичній мові європейської науки поняття "елемент" і "множина" є вихідними, а поняття цілісності (чи єдності) як не-множинності *в кращому випадку можуть бути сприйнятими як доповняльні* до поняття множини при певному розширенні самої цієї мови і притаманного їй типу раціональності.

То можливо хай так і буде: хай розуміння континууму як немножинної цілісності залишається доповняльним до наших звичайних уявлень про множини і континуум як множину. Але виявляється, що цього замало і цим не можна обмежитися: саме усвідомлення своєрідної неуніверсальності і гносеологічної відносності поняття множини через ірраціональний факт кінцевої немножинності і цілісності континууму дозволяє повністю зрозуміти глибинні засади аксіоматичного методу як основи будь-якого суто *раціонального* опису, на що вже було нами вказано. Справді, з погляду звичайних уявлень про всезагальність мови множин і множинного опису звернення до аксіоматичного методу виглядає довільним засобом відмовлення від граничних питань (про універсум як множину, про континуум як множину і т.п.), оскільки неявно, чи мовчки, припускається, що універсум і континуум все-таки існують десь там дуже далеко як множини (чи класи), бо іншого наш раціоналізм не визнає. Якщо ж зробити це останнє припущення явним і вербалізованим, воно миттєво веде до відомих парадоксів.

Звернення ж з метою запобігання парадоксам до мови фінітних множин також не є прийнятним, оскільки при цьому ми взагалі втрачаємо і об'єкти, що нас цікавлять (універсум і континуум), і ще багато чого, чого не можна досягти фінітними засобами, власне математичний аналіз зокрема.

Отже залишається одне — саме аксіоматичний підхід. Але тепер ми розуміємо, що аксіоматичний підхід не є *довільним* відмовленням від питань про континуум (і універсум) як множини: якщо насправді континуум (як і універсум) взагалі не є множина, а як цілісність і гранична єдність є чимось протилежним будь-якій множині і множинності (лежить поза межами множинної мови і є невичерпним будь-якими системами множин), то тепер для представлення його в нашій раціоналістичній множинній мові ми можемо *вільно* прийняти будь-яку множинну конструкцію в її довільній потужності. Саме ірраціональна природа континууму як не-множини уможливорює *суто аксіоматичне* тлумачення його як множини, що й є головним метанауковим результатом доведення нерозв'язності континуум-гіпотези Кантора. А вже на цьому ґрунті базуються такі суто раціоналістичні досягнення як математичний аналіз і т.ін. більш прозорим і конструктивно діючим є ірраціональний чинник в квантовій фізиці. Тут відкривається майже безмежне поле для його дослідження. Формально феномен цілісності (як немножинності) в структурі квантових систем походить від h — сталої Планка (він може бути введеним і

іншим шляхом, наприклад, за допомогою тези про некомутативність певних спостережуваних і відповідних операторів). Так чи інакше, але мусимо визнати, що в кінцевому підсумку будь-яка квантова система (як і весь світ разом з нею) існує як неподільна цілісність, як щось-таке, що є кінець-кінцем *одне*, а не множинне. Формально це може бути виражено чарункою h^n в структурі будь-якої фізичної системи в фазовому просторі її. Ця *квантова цілісність* разом з чарункою, що її репрезентує є безумовно ірраціональним феноменом, що не піддається будь-якому подальшому опису. Єдине, що тут може бути застосованим, це шлях безконечних негачій: неподільність, нерозкладність, неможливість, незастосовність будь-яких раціоналістичних понять чи почуттєвих образів і т.ін. до опису її "внутрішньої" структури. Але визначення шляхом нескінченних негачій — це саме той шлях, який безпосередньо веде до визнання ірраціональних феноменів, як це добре відомо з історії релігії і філософії. Маємо тепер справу з таким феноменом в фізиці.

Та найбільш дивовижним є те що примирившись з цим феноменом, прийнявши його до відома і усвідомивши його неусувність в картині світу разом з найважливішими наслідками, до яких він веде, ми раптом відкриваємо для себе можливість зрозуміти найбільш загадкові риси квантової механіки. Це перш за все двохшарову структуру фізичної реальності.

Перший шар — це множинний світ актуально існуючих часток (чи актуальних фізичних подій). Але оскільки фізична реальність не вичерпується будь-якими актуально існуючими множинами деяких елементів (чи часток) і є кінцево неподільною і нерозкладною на множини, то завдяки цьому завжди маємо другий, доповняльний до першого, шар потенційних можливостей виділення тих чи тих елементів. В основі цих двох складових структури фізичної реальності лежить унікальна властивість світу як неподільної цілісності, принципово не-множинної і протилежної будь-якій множинності. Ця властивість світу як неподільного цілого утримує перший і другий шар і лежить в їх підґрунті як найбільш глибинна і фундаментальна. Водночас вона є безпосередньо відповідальною за логічну (а не фізично-каузальну!) узгодженість і взаємну зкорельованість потенційних можливостей, притаманних тому чи іншому так званому чистому квантовому стану фізичної системи. Саме цим пояснюються ефекти так званої редукції хвильової функції і квантових кореляцій [див.більш детально в: 3;4].

Сутність квантового холізму полягає в доведенні ідеї цілісності до усвідомлення фундаментальної властивості кінцевої нерозкладності квантових систем на елементи і множини будь-якої природи. В кінцевому підсумку квантова система існує — разом з усім світом — як *одне* і неподільне ціле, а не множина. Це й веде до численних нетривіальних наслідків.

Хай маємо квантову систему, що складається з двох часток, з точно визначеним спіном (тобто система знаходиться в так званому чистому квантовому стані, що описується єдиною хвильовою функцією). Оскільки система є кінцево нерозкладною на множини і існує як неподільне ціле, ми змушені говорити про частки, з яких вона складається, в термінах ймовірностей. Це означає, що справжня (реальна) структура системи складається із сукупності *потенційно можливих станів* її окремих часток. Жодний із цих станів не є реальним, та в той же час кожний із них вносить свій вклад в загальну ймовірнісну структуру системи. Актуально і кінцево тут існують тільки набори ймовірностей виділення таких сутностей, як перша чи друга частка, але аж ніяк не ці частки самі по собі. Онтологічною основою такого ймовірнісного опису квантових систем і неусувної первiсності ймовірностей в цьому опису є кінцева нерозкладність вихідної системи на елементи і множини і неуніверсальність поняття множини в описуванні світу.

Існування світу не як множини, а як кінцево нерозкладної цілісності, є найбільш значущим, найбільш реальним і повністю об'єктивним фактом. Він виражає в певному розумінні абсолютну реальність. Ця цілісність формально

вводиться в квантовій механіці через сталу Планка h . Для будь-якої фізичної системи в її фазовому просторі існує неподільна чарунка h в степені N (тут N позначає число вимірів системи). Оскільки простір будь-якого реального фізичного експерименту завжди є тільки частковим перерізом фазового простору, то існування завжди цілої і неподільної в цьому просторі чарунки h в степені N робить недосяжними абсолютно точні значення вимірювань спостережуваних у будь-якому реальному фізичному експерименті, а отже — змушує нас описувати структуру квантової системи в термінах ймовірностей (в кінцевому підсумку — ймовірностей розкладу системи на ті чи інші елементи в будь-якому експерименті). Звідси маємо: ймовірності являються спостережно первісними. Та насправді по відношенню до принципово неспостережного, лише логічно збагненого і абсолютно об'єктивного феномену цілісності ці ймовірності є вторинними, оскільки вони є похідними від нього. Фундаментальна властивість цілісності квантової реальності, яка є джерелом потенційних можливостей квантових систем, водночас забезпечує їх взаємну зкоординованість і зкорельованість не фізично-причинної, а імплікативно-логічної природи. Вимірювання спінової змінної однієї з часток після того, як вихідна система розпалась, а частки розлетілись на будь-яку відстань, водночас означає перехід другої частки до стану з відповідним (і абсолютно надійним) очікуваним результатом вимірювання аналогічної проекції її спіна, що визначається вихідним значенням сумарного спіна всієї вихідної системи і отриманим на першому кроці експерименту певним значенням проекції спіна першої частки.

Ця квантова кореляція станів часток (що її демонструє так званий ЕПР-експеримент) є тривіальним наслідком імплікативно-логічної організації ймовірнісної структури вихідного стану двочасткової системи, яка витікає з квантової властивості її цілісності і кінцевої нерозкладності на множини яких би то не було елементів. В той же самий час ці квантові кореляції, які з'являються у відповідь на наш вільний вибір в вимірюванні тої чи іншої спостережуваної, виявляють чудову управляючу роль феномена цілісності системи. Це свідчить про те, що навіть після розпаду вихідної системи частки, що виділилися із неї і як завгодно далеко розлетілися, все ж не є абсолютно відокремленими одна від другої. В субквантовому рівні обидві ці частки (і разом з ними весь світ) існують, як неподільне ціле. (Іншим прикладом імплікативних структур являються структури мислення і свідомості, які управляються феноменом цілісності притаманним психіці і думці).

Нарешті звернення до властивості світу як неподільного цілого дозволяє усвідомити об'єктивну підставу існування принципу стаціонарності дії, а отже і всіх динамічних законів і законів збереження, що звичайно з нього отримують. Вимога покласти рівною нулевій варіацію дії на істинних траєкторіях руху систем є не що інше, як ще одна форма визнання кінцевої цілісності і нерозкладності реальних станів фізичних систем на безмежні множини елементів, бо вся сукупність траєкторій, близьких до істинної (таких, що її оточують), є *фізично невідмінними одна від одної і всі вони — від істинної*, оскільки на кожній з них варіація дії дорівнює нулевій. Отже, ці траєкторії (що оточують істинну) є фізично (чи реально) неіснуючими, і це є ще один прояв кінцевої цілісності і нерозкладності світу на будь-які елементи та множини. Всі такі траєкторії (довкола істинної) існують лише в нашій чисто континуалістській звично множинній уяві про світ, а не в самому реальному фізичному світі.

Все вище наведене змушує визнати дивний факт: з часів Львівсько-Варшавської школи нам не тільки не вдалося позбутися феномену ірраціональності, а навпаки, в багатьох випадках ми стикаємося з тим, що така конкретна форма його як ідея цілісності світу в сенсі граничної єдності і кінцевої немножинності його складає підґрунття *самої можливості* певного раціонального опису його. І якщо, співставляючи постмодернізм і реляційний холізм, ми змушені були охарактеризувати постмодерністів як останніх за часом дітей модерну, що зіткнувшись з обмеженістю модерну зчинили з цього приводу великий галас, то тепер маємо сказати, що дехто з

них досить вдало передав відчуття близького подиху ірраціонального із темряви прірви, що розверзлася за межою модерну. Наприклад, Ж.-Ф. Ліотар: "Сосредотачивая свой интерес на нерешенном, на пределах контролируемой точности, на конфликтах при неполной информации, на разломах, на катастрофах, на прагматических катастрофах, постмодерная наука набрасывает теорию своего собственного развития как прерывного, катастрофного, неупорядочиваемого, парадоксального развития. Она меняет смысл слова "знание", и она сообщает, как может осуществляться это изменение. Она порождает не известное, а неизвестное. И она настоятельно рекомендует в качестве новой модели легитимации модель дифференции, понимаемой как... паралогичность" [6, с.128].

Література:

1. Бурбаки Н. Очерки по истории математики, – М.: ИЛ, 1963. – с. 11.
2. Уилер Дж. Квант и Вселенная. // Астрофизика, кванты и теория относительности. – М.: "Мир", 1982.
3. Цехмистро И.З. Парадокс Эйнштейна-Подольского-Розена и концепция целостности. // "Вопросы философии", – 1985, – №4.
4. Цехмистро И.З. Интерпретация квантовой механики перед решающим шагом. // "Философские науки", – 1989, – №10.
5. Чешков М.А. "Новая наука", постмодернизм и целостность современного мира. // "Вопросы философии", – 1995, – №4.
6. Цит.по: Вельш В. "Постмодерн". Генеалогия и значение одного спорного понятия. // "Путь", – М. – 1992, – №1.

Штанько В.И.

СИТУАЦИЯ ПОСТМОДЕРНА: ОТ ЛИНЕЙНОГО МЫШЛЕНИЯ К НЕЛИНЕЙНОМУ В ЕСТЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Необходимость отказа от универсальности классической модели Ratio, изменения типа научной рациональности, "расширения рациональности", осознается не только в философских размышлениях представителей постмодернизма, инвективы которых в адрес классического рационализма часто звучат довольно убедительно, но и в современной науке. Осознание этой необходимости органично связано с утверждением принципиально нового видение природного и социального мира и формированием новой парадигмы научного мышления...

Картина мира, рисуемая классическим разумом, – это мир, жестко связанный причинно-следственными связями. Причем причинные цепи имеют линейный характер, по ним ход развития может быть просчитан неограниченно в прошлое и будущее. Процессы, происходящие в мире, представлялись как обратимые во времени, предсказуемые и ретросказуемые на неограниченно большие промежутки времени; случайность исключалась как нечто внешнее и несущественное; эволюция рассматривалась как процесс, лишенный отклонений, возвратов, побочных линий. Картина мира классической науки выглядит с современной точки зрения, по остроумному замечанию известного бельгийского ученого И.Пригожина, почти как "карикатура на эволюцию".

Достижения в области квантовой механики, теории относительности, современной эволюционной космологии, неравновесной термодинамики, теории информации и теории динамических систем формируют новый образ мира. Этот мир сложноорганизован. Он открыт, т.е. является не ставшим, а становящимся, не просто существующим, а непрерывно эволюционирующим миром, миром необратимых процессов. Понятия "бытие" и "становление" объединяются в одни понятийные рамки, идея эволюции органично входит не только в науки о духе и о живом, но и в

физику, и в космологию. "Мир не представляется более в качестве музея" (И.Пригожин), а рассматривается как процесс, как взаимосвязь деструктивных и креативных, детерминистических и стохастических процессов. Формируются предпосылки для разработки современной философской парадигмы видения процессов развития, которая бы включала в себя такие их стороны, которые не объясняет классическая концепция развития. Наиболее важными среди них являются нелинейность и многовариантность (альтернативность), стохастичность и непредсказуемость процесса развития, роль хаоса и случайности в возникновении нового.

Современная наука свидетельствует о том, что эволюционное изменение сложных открытых систем, как правило, описывается нелинейными уравнениями (уравнениями, которые содержат искомые величины в степенях больше единицы или коэффициенты, зависящие от свойств среды и могущие иметь несколько качественно различных решений). Физический смысл нелинейности заключается в том, что множеству решений нелинейного уравнения соответствует множество путей эволюции системы, описываемой этими уравнениями. Причем на данной нелинейной среде возможен отнюдь не любой путь эволюции, а лишь определенный их спектр.¹

В мировоззренческом плане идея нелинейности может быть эксплицирована посредством осознания отсутствия жесткой предопределенности развития, утверждения идеи многовариантности, альтернативности путей эволюции.

Нелинейная система не жестко следует "предписанным" ей путям, а как бы совершает "блуждания по полю возможного", актуализирует, выводит на поверхность лишь один из возможных путей, причем каждый раз случайно и "выбор" системой возможных структур, пути, по которому пойдет ее дальнейшее развитие или даже произойдет распад, заранее предсказать нельзя. Согласно современной неравновесной термодинамике, аналогами принципа возрастания энтропии (определяющего направление эволюции для замкнутых систем) применительно к открытым и нелинейным системам являются аттракторы. Они-то и определяют собственные тенденции развития системы.

В открытых нелинейных средах (а таковые типичны в мире, в котором мы живем) малое воздействие, флуктуация, случайность могут послужить началом эволюции в совершенно новом направлении, которое резко изменяет все поведение макроскопической системы². Малые флуктуации вместо того, чтобы затухать, могут усилиться, и система будет эволюционировать в направлении "спонтанной организации". Однако для того, чтобы случайность могла прорваться на макроуровень, необходимо особое неустойчивое состояние нелинейной системы (среды). Только системы в состояниях неустойчивости или вблизи бифуркаций (точек ветвления) способны спонтанно организовывать себя и развиваться. Устойчивость и равновесность — это, так сказать, тупики эволюции. Для устойчивых стационарных структур малое возмущение "сваливается" на то же самое решение, на ту же самую структуру. Таким образом, в процессах самоорганизации открытых нелинейных систем из флуктуаций, "шумов" рождается новый порядок. Синергетика обосновывает мысль, что хаос, беспорядок, случайности необходимы для рождения нового: хаос есть конструктивное начало, основа для процесса развития.

Нелинейность процессов делает принципиально ненадежными и недостаточными весьма распространенные до сих пор прогнозы-экстраполяции от наличного. Ибо развитие совершается через случайность выбора пути в момент бифуркации (точки ветвления), а сама случайность (такова она уж по природе) обычно не повторяется вновь. Нелинейность означает возможность неожиданных изменений направления движения процессов.

Наличие поля путей развития у самоорганизованных систем и случайный выбор одного из них в состоянии неустойчивости иллюстрирует особого рода детерминизм. И если в момент неустойчивости преобладает стохастическое

поведение системы, и выбор пути развития предсказать невозможно, то новый порядок с соответствующей устойчивой структурой, который приходит на смену старой неустойчивости, характеризуется вполне детерминистическим поведением. При этом важно подчеркнуть, что неустойчивость не заменяет и не отменяет детерминизм, а определенным образом видоизменяет его.

Таким образом, в современной науке утверждается представление о том, что развитие открытых систем происходит через неустойчивость, через бифуркации, через случайность, а их поведение непредсказуемо вовсе не потому, что человек не имеет средств проследить и просчитать их траектории, а потому, что мир так устроен. В описании новой картины мира оказываются неразрывно связаны три понятия: случайность, необратимость, уникальность.

Это требует осознания того, что предвидение отдаленного будущего в принципе не возможно. Мы можем, конечно, экстраполировать имеющиеся знания за границы нашего видения и строить догадки по поводу того, каким мог бы быть механизм, управляющий динамикой универсума.

В случае социальных систем нельзя построить то, что хочется, а только то, что можно. Но будущее однозначно не запрограммировано. Оно является поливариантным. Иными словами, открытая нелинейная среда представляет собой некоторое единое начало, выступающее в качестве носителя различных форм будущей организации. Если система (среда) попадает в поле притяжения определенного аттрактора, то она неизбежно эволюционирует к этому относительно устойчивому состоянию (структуре). Будущее преддетерминировано лишь отчасти — наличием структур-аттракторов. Но оно и открыто: какая именно структура из спектра возможных возникнет в момент неустойчивости, определяется случайностью, флуктуациями, хаосом на микроуровне. Кроме того, в ходе эволюции изменяются сами открытые нелинейные среды, а значит, модифицируется и спектр возможных структур.

Признание подобных тенденций ведет, с одной стороны, к формированию новой методологии их познания, с другой — к переосмыслению нашего отношения к миру.

Универсум — это целостный объект, допускающий бесконечное множество различных членений, соответствующих тому или иному способу изучения системы ("ипостаси", "лики" объекта познания). Поэтому логично предположить, что мир как объект нашего познания не редуцируем бесконечно, а бесконечно интерпретируем. При этом осознается неизбежность многосмысленности и бесконечность процесса интерпретации мира, но не по причине беспомощности познающего ума, и не в результате устрашающей способности познания регенерировать текст (Деррида), а в силу особых свойств мира, его конечной неразложимой и неделимой целостности, которая не может быть полностью и однозначно описана в терминах нашего языка.

При этом в методологии познания уникальных, самоорганизующихся систем используются особые способы описания и предсказания многовариантности их поведения. С идеалом строения теории как аксиоматически дедуктивной системы всё больше конкурируют теоретические описания, основанные на применении метода аппроксимации, теоретические схемы, использующие компьютерные программы построения "сценариев" возможных линий эволюции системы в точках бифуркации. Исследование осуществляется чаще всего методом вычислительного эксперимента на ЭВМ. Он позволяет выявить разнообразие возможных структур, которые способны породить та или иная система.

С другой стороны, взаимодействие человека с саморазвивающимися системами, характеризующимися синергетическими эффектами, принципиальной открытостью и необратимостью процессов, протекает таким образом, что само человеческое действие не является чем-то внешним, а как бы включается в систему, видоизменяя каждый раз поле её возможных состояний. Перед ним в процессе деятельности каждый раз возникает проблема выбора некоторой линии развития из

множества путей эволюции системы. Познав нечто, человек начинает действовать уже по-другому, с учетом полученных знаний. Значит и история начинает идти по-иному.³ Причём в деятельности с саморазвивающимися системами особенно в их практическом, технико-технологическом освоении особую роль начинают играть знания запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия.

На человека надвигается ответственность за выбор того или иного пути развития. Мы должны осознать, что сложноорганизованным системам нельзя навязать пути их развития.

Необходимо лишь понять, как способствовать их собственным тенденциям развития, как выводить системы на эти пути. Исследуя границы предсказуемости как для коротких, так и для продолжительных пространственно-временных промежутков, зная механизмы самоорганизации данной системы, возможные тенденции ее развития, можно ввести в среду соответствующую флуктуацию, если можно так выразится, уколоть среду в нужных местах и тем самым направить ее движение, но направить, опять же, не куда угодно, а в соответствие с потенциальными возможностями самой среды. Свобода выбора есть, но сам выбор ограничен возможностями объекта, поскольку объект является не пассивным, инертным материалом, а обладает, если угодно собственной свободой. Понимание этого кладет конец претензиям на абсолютный контроль над какой-либо сферой реальности, кладет конец любым возможным мечтаниям об абсолютно контролируемом обществе. Человек во все меньшей степени имеет право рассматриваться в качестве постороннего наблюдателя, и понятие "общественных законов" приобретает новый смысл и новую объективность.

Социальная система, подобно нашей Вселенной, держится "на острие", ее состояния отличаются особой хрупкостью. Если раньше реформаторство основывалось на отделении магистральной линии общественной эволюции от Посмалозначащих случайностей, то в современной постклассической науке у случайности совсем другой статус: она переносится в сердцевину любого процесса, делая его нелинейным, неоднозначным и потому в существенных моментах непредсказуемым. Современное общество, лишенное традиционных подпорок — сословных перегородок и традиций, представляет собой мир неравновесных состояний; поэтому, иницируя те или иные изменения, человек должен знать о подстерегающем *всюду хаосе*.

Ссылки:

¹ По всей вероятности, известные нам астрофизические объекты — звезды, галактики, скопления галактик можно представить также в виде спектра эволюционных форм наблюдаемой Вселенной. Возможно, существует и определенный спектр биологических форм, экономических, политических структур и т.п.. Последние описывают идеальные формы реально возможных образований и являются *аттракторами* (под аттрактором в синергетике понимают относительно устойчивое состояние системы, которое как бы притягивает к себе все множество ее "траекторий"), к которым только и может эволюционировать рассматриваемый объект: если система попадает в конус аттрактора, то она неизбежно эволюционирует к этому относительно устойчивому состоянию.

² Классическим примером являются метеорологические ситуации. Недаром тут говорят об "эффекте бабочки", взмах крыла которой может привести к непредсказуемым и весьма значительным последствиям. Или, например, в условиях ситуации социальной напряженности в обществе — гнилое мясо в борще может вызвать революцию...

³ Мы являемся свидетелями все ускоряющегося роста могущества цивилизации и ее способности влиять на процессы, протекающие в остальной природе. Деятельность людей опасно перестраивает само содержание истории, да и эволюционного процесса биосферы.

Леонтьева В.Н.

ЛИЧНОСТНОЕ БЫТИЕ КАК КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКАЯ СВОБОДА

Ренессансный идеал свободной творческой индивидуальности, несмотря на многочисленные доказательства его иллюзорности и утопичности (вплоть до онтологического отрицания в феноменах человека-массы и концентрационных лагерей) продолжает оставаться одним из привлекательных аксиологических смыслов и играть роль своеобразного вектора в теоретическом определении "атрибутов" личности. Реальней же нашего времени, среди названий которого — "постантропологическая эпоха", являются смыслоутрата, кризис ценностной и личностной самоидентификации.

М.М.Бахтиным было аргументировано показано, что "чистое" смысловое содержание мысли, оторванное от акта-поступка мышления, в котором человек ответственен за свое поступание-мышление, т.е. порождение смысла, его уточнение, интерпретацию, — это то, из чего складывается объективированный "отвлеченно-теоретический самозаконный мир, чуждый единственной историчности"¹, т.е. реально осуществляющемуся индивидуальному бытию. Человеческие поступки (и акты мышления) в таком случае оказываются бессмысленными, а мир смыслов, "заживший своей жизнью" — безответственным. Но мы получили предупреждение об этой опасности еще от Сократа, чье учение и личностное бытие — образец убежденности в естественности, безальтернативности и императивности единства Истины и Добра, мысли и действия, смысла и поступка. Европейская культура Нового времени избрала путь преимущественного развития знаниевой, смысловой как "внутренне-содержательной", познавательной-истинностной сферы взаимодействия человека с Миром, сделав знание "пользой" и "властью", но оставив в тени практическое знание мудрости, единственно открывающее свободу, как смысл, за введение которого в бытие человек несет ответственность. "Конец Нового времени" — это наступление индивидуальной несвободы и безвременья, неуступания за временем, эпоха "восстания масс", безликих, для которых отделение знаниевой компоненты культуры от нравственной — норма. Вседозволенность и безответственность — синонимы, поэтому М. М. Бахтин определил кризис культуры (и цивилизации) как "кризис поступка".

Для преодоления кризиса нужно попытаться обеспечить неотчуждаемость смысла от человека, от его практических действий, нравственно оцениваемых поступков. Социальные институты, как бы сильны и организационно безупречны они ни были, не в состоянии сделать больше, чем "предоставление условий" для этого; в конечном счете, в действительном возвращении эпохе человеческого лица все замыкается на индивидуальном — как личностном — бытии. А "онтологическое условие" воспроизводства — поддержания в себе личности связано с умением быть в напряжении, создавая себя как участника культурного события даже в отсутствии реального (физического, или его заместителя-произведения) "другого" (чему и учил еще Сократ): ведь смысл актуализируется только в интерсубъективном поле диалога, т.е. встречаясь с иным смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи самого понимающего. Лишь в этом напряжении, в этом усилии самоутверждения смысл "гарантированно" создается и обретает характеристику *культурности*, а процесс порождения/аффирмации культурных смыслов может быть понят как *культуротворчество*.

Культуротворчество реализуется и как создание нового, ранее не существовавшего в ценностно-смысловом универсуме "вообще", в онтологическом аспекте, — и как введение индивидом в свой культурный мир по новому для "здесь и сейчас" понятых и оцененных им культурных смыслов, созданных ранее (и благодаря этому поддержание бытия этих смыслов в ценностно-смысловом универсуме). Утверждая в культурных актах бытие культуры, делая тем самым налично-бытующим свой культурный мир, человек в тех же культурных актах утверждает самого себя как участника диалога, как Я-культурное. Совпадение, тождественность аффирмации и

творчества в пространстве диалога означает их тождественность и для *личностного бытия*: утверждение себя как Я-культурного означает создание и поддержание своей личностной структуры, свое самоутверждение.

Проблема самоутверждения личности — одна из традиционных для европейской философии и психологии, чему посвящены специальные исследования². После И. Канта стало общим местом признавать свободную волю в качестве предпосылки самоутверждения. В контексте рассмотрения культуротворчества как "сущностно человеческой" способности создавать и, утверждая, поддерживать свое бытие-в-культуре, "свободная воля" теряет понятийно-субстанциальное единство "свободы" и "воли". *Воля* предстает усилием, концентрацией напряжения, активным *актным* состоянием человеческой духовности, способным обусловить-катализировать рождение/утверждение культурного смысла, в том числе, и смысла человеческого бытия. Свобода — это не только условие-катализатор воли как *акта*, т. е. некий антропологический дифференциал состояний воли; свобода как "атрибут" культуротворчества — это, скорее, осуществляющаяся в самом акте воления (а может, и предшествующая ему) фильтрация направленности аффирмации, позволяющая сконцентрироваться именно на *этом* конкретном диалоге, конкретном смысле, его оттенке, его культурной форме, предпочесть их всегда конкретное сочетание всем другим возможным сочетаниям. В первом приближении можно сказать, что осуществление человеком себя в качестве бытующего-в-культуре, т.е. личности, это его *свободное* распоряжение (*воление*) свободой во второй ипостаси, задающей горизонты направленности и оформления воли аффирмации.

Свобода, как онтологически предъявляемое человеческое состояние, состояние его экзистенции, коренится в самом "устройстве" человека как духовно-телесной целостности, — собственно, это является ведущим мотивом всей — уже ставшей классической — философской антропологии. Поэтому, опуская рассмотрение в качестве особой проблемы проблему "свободы как экзистенциала", лишь отмечу ее, свободы, фундаментально-экзистенциальный характер; *вместе и наряду* со свободой нужно рассмотреть принципиально не устранимые из самых сокровенных глубин человеческого существования *страх, лень* и такое особое сочетание эмоциональной приподнятости, восторженности, радостного мироощущения, которое связано с фокусированием всех ожиданий, заботы и внимания индивида в одной-единственной бытийной точке — другом индивиде, в которого он *влюблен*, образ которого он, как правило, идеализирует, но в диалог с которым он мог оказаться вовлеченным, как свободной волей, так и "стрелой Амура".

Страх, лень и влюбленность — непосредственные "источники"-катализаторы смыслопорождения и его аффирмации-оформления, поскольку, будучи экзистенциальными характеристиками человеческой *целостности*, они "заставляют" человека мыслить и действовать (или наоборот, не совершать ни мышления, ни поступания) в ценностно-смысловом универсуме. Каждый указанный экзистенциал делает это специфическим, только ему присущим образом, но, учитывая различную "встроенность" страха, лени и влюбленности в фундамент культуротворческих процессов, можно увидеть их общность, "одинаковость" именно как антропологических оснований культуротворчества. Во-первых, их объединяет то, что и страх, и лень, и влюбленность в своем происхождении находятся как бы "по ту сторону" свободы; во-вторых, если человеческие страсти, производные от свободы, служат стимуляторами самой свободы, влияя на конкретную степень ее реализации в культурных актах, то экзистенциалы — страх, лень, влюбленность — обуславливают культуротворчество "параллельно" со свободой, так же как и свобода, участвуя в фильтрации направленности и способов аффирмации смыслов, изменяя производство/понимание смыслов и утверждение их в культуре "в дополнение" к свободным, сознательным и ответственным выборам; они таковы, что, скорее, не их "реализация" обеспечивает совершение культурного акта, а их *диалог со свободой*.

Поэтому третья черта, объединяющая страх и лень в "одноуровневые" антропологические основания культуротворчества, — то, что усилие свободного воления, культуротворческое напряжение как начальная "фаза" культурного акта — это своего рода "ответ" на "вызов" страха и/или лени (а иногда и влюбленности), это усилие, в котором "свободная воля" и "содержательная свобода" направлены на устранение или хотя бы уменьшение "бесконтрольности" вовлеченности человеческой целостности в соответствующие экзистенциальные состояния.

Усилие выхода за "границы" страха и лени как экзистенциалов и есть культуротворческое усилие "аффирмо" в плане самоутверждения. Самоутверждение-самосозидание становится тождественным самопреодолению, т.е. самоотрицанию. — Аффирмация основана на усилии самосозидания человека себя как личности, как участника диалога, но в то же самое время и в том же самом отношении аффирмация основана на усилии самоотрицания участника диалога себя, "антропологически обусловленного" — ленищегося и боящегося. Эта антиномия культуротворчества дополняется тем, что *все* рассматриваемые антропологические его основания: и свобода, стоящая в ряду оснований культуротворчества "особняком", и влюбленность, с которой сравнивают "творческое вдохновение" вообще, и страх и лень, — все они амбивалентны в том, что конкретно получается в результате культурного акта, как они обуславливают направленность аффирмации — "во зло" или "во благо".

Собственно, распоряжение культуротворческой свободой, интегрирующей все рассмотренные экзистенциалы, и составляет основу *личностного бытия*, традиционно соотносимого с категорией ответственности. Содержательная свобода аффирмации "измеряется" мерой ответственного оформления смысла, но то, какая именно культурная форма вместит в себя аффирмируемый в данном культурном акте смысл, — это представляет собой такой же "момент" культуротворческой свободы, "мерой" для которого является ответственное смыслопорождение. В усилии "аффирмо" и в культурном акте в целом свобода и ответственность неразличимы, тождественны и могут быть поняты/определены друг через друга: то что выглядит, осознается и переживается как культуротворческая свобода, будучи сложным взаимопереплетением влияния различных — и в разной степени — экзистенциалов, есть в то же самое время не что иное как культурная ответственность совершающего аффирмацию и за смысл, и за оформленность, и за "интенсивность" введения смысла в ценностно-смысловой универсум, и за собственную "работу над собой" — за самоутверждение; ответственное же поступание — это и есть свободное рождение-интерпретация смысла, благодаря определенной оформленности которого и усилию "аффирмо", в любом случае невозможного без напряжения "свободы воли", смысл утверждается в мире культуры, а человеческое бытие приобретает личностное измерение: свобода — это творческая мера ответственности, ответственность — это культурная мера свободы.

Ссылки:

¹ Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. - М., 1986, - с. 86-87.

² См., например: Никитин Е. П. Харламенкова Н. Е. Проблема самоутверждения личности в философии и психологии (к истории проблемы) // Вопросы философии, - 1995. - №8 - С.73-91.

Коваленко Е.А.

САМОВДОСКОНАЛЕННЯ ЯК ОДНА ІЗ ФОРМ ДУХОВНО-МОРАЛЬНОГО РОЗВИТКУ ОСОБИСТОСТІ

На сучасному етапі наукова діяльність у різних галузях сприяє позитивному духовному розвитку людини, використовуючи при цьому як культурну спадщину минулих часів, так і створені в наш час цінності та механізми розвитку особистості. Однією з форм такого розвитку є процес самовдосконалення.

Самовдосконалення у жодному разі не може бути чимось попередньо встановленим, спрямованим іззовні, а являє собою найвищою мірою самостійний, вольовий порух, що охоплює всю людину, усю її життєву цілісність. Воно є найбільш активною, діяльною стороною самовідношення людини.

Якщо індивіда не задовольняють результати самопізнання, самоаналізу, то він прагне за допомогою самовдосконалення усунути свої власні недоліки; проблеми попереднього виховання, освіти; негативні риси характеру.

У свою чергу можливість самовдосконалення витікає з родової здібності людини до самовдосконалення, здібності формувати себе, впливати на те, як складеться майбутнє. Вивчення людини сучасною наукою й практичний досвід доводять, що в ній закладені багатющі можливості, творчі здібності, які використовуються нею самою лише незначною мірою. Факт залишається фактом – людина має величезні можливості саморозвитку. Це робить її відкритою істотою, незалежною, стійкою. На відміну від тварин, які залишаються завжди відданими своїй природі, людина за допомогою самовдосконалення здатна вийти за свої межі, піднятися над собою.

Таким чином, самовдосконалення здійснює зворотний вплив на розвиток внутрішнього світу особистості, на формування її свідомості й самосвідомості. Воно спричиняється до суттєвого перевороту в усій духовній подобі особистості, відбивається на всіх її якостях і найбільш яскраво виявляється в загальному внутрішньому настрої, прагненні до інтелектуального, морального, естетичного й фізичного розвитку.

Роль самовдосконалення в процесі формування особистості не можна замінити або "заповнити" будь-якими іншими факторами. Воно відбувається неминуче, закономірно, внаслідок залучення людини до громадських зв'язків, набуття нею знань, культури, й здійснюється тільки через певні різновиди діяльності: вправ для волі, прийомів психотренування тощо. Важливе соціальне значення самовдосконалення полягає в тому, що воно сприяє виправленню негараздів або недоліків виховання, є засобом подолання обмежень, що з'явилися в людині.

У всіх індивідів поява феномену самовдосконалення пов'язана з формуванням самосвідомості, світогляду, системи переконань, особистих ідеалів, життєвих планів, морально-психологічних підвалів. Усе це створює внутрішні умови, духовно-інтимну атмосферу, в якій відбувається процес перетворення зовнішнього впливу на людину на факт особистого самовдосконалення.

З появою феномену самовдосконалення, особистість набуває властивостей яскравої індивідуальності, здатної активно, вибірково сприймати вплив соціального середовища, зовнішньої дії, поставлені вимоги, а також будувати "програму" свого подальшого розвитку й відповідно спрямовувати процес роботи над собою.

Однак самовдосконалення не можна тлумачити формально, тобто лише з боку покращення, розвитку якоїсь якості особистості, незалежно від загально-людських цінностей та конкретно-історичного підходу до проблеми.

З початком самовдосконалення змінюється світовідношення особистості, відбувається докорінний переворот в її морально-психологічному настрої. Особисте самовдосконалення в цьому сенсі вже не є просто момент або сторона розвитку індивіда. Воно – феномен усього духовного світу особистості, її своєрідний морально-психологічний стан. Як постійне прагнення особистості стати краще, морально чистіше; інтелектуально багатше, фізично досконаліше, самовдосконалення особливим

способом організує внутрішній світ особистості, неминуче виявляється в думках, вчинках, в образі її внутрішнього життя. Воно духовно перетворює особистість, робить її "іншою" насамперед у власному уявленні. Моральна чистота, цілеспрямованість, самоконтроль, самоаналіз, самокритика, самодисципліна, послідовність та цілісність при найрізномісній діяльності – ось ті найтиповіші властивості характеру, в яких найчастіше зосереджується й виражається самовдосконалення як феномен духовного образу прогресивної особистості.

Суковатая В.А.

ОБРАЗ "ДРУГОГО" В ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ КРОС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современная социология, впитавшая идеи постструктурализма, психоанализа, теории власти и экзистенциализма, широко использует в научном дискурсе понятия "я-концепции" авто- и гетеро-знания ("то, что я думаю о себе" и "что другие думают обо мне"), "образ Другого". Актуальность осмысления нынешнего этапа развития в современном украинском обществе ставит перед необходимостью осмысления концептов "Я" и образа "Другого", являющихся основанием для создания паттернов межэтнической коммуникации.

В постсоветской Украине обострение проблем крос-культурного взаимодействия обусловлено еще и тем, что если еще пять-десять лет назад межэтнические контакты рядового украинца были определены кругом контактов с представителями "ближнего зарубежья", т.е. жителями бывших республик Союза, то в настоящее время Украина является полинациональным государством. Ее "этническая карта" крайне пестра, на ней сосуществуют землячества многих африканских и азиатских народов, представители которых укоренились, обзавелись семьями, хозяйством, друзьями из славянской среды. И если в Западной Европе и США, традиционно имевших тесные связи с бывшими колониями, существует целенаправленная политика моделирования позитивного крос-культурного взаимодействия, то в Украине, впервые столкнувшейся со спецификой отдаленных экзотических культур (вьетнамской, африканской, арабской, т.д.), многие проблемы даже не вполне осознаются.

Между тем отсутствие информации в ситуациях повышенной эмоциональности, постоянного социального стресса создает благоприятную почву для рождения массовых стереотипов негативизма или агрессии по отношению к этническому "Другому". И проблема даже не в том, что это обедняет духовное содержание самих контактов и перспективы их развития. Это выливается во внутреннюю конфликтность самой украинской нации, невозможность о-пределывания собственной целостности как на уровне социума (государственной идентификации), так и на уровне этноса. Психоаналитические исследования показывают, что целостность "образа-Я" формируется через синтез "Я" в глазах "Других" и в моем собственном представлении о себе. Отказ от контактов с "Другими", отражающими "мой" поведенческий или культурный стереотип с разных культурных позиций, отсутствие "обратной связи" на те или иные "мои" проявления ограничивает развитие самосознания и индивидуальности, формируя тоталитарно-сакрализованную идентичность, подобно древнеегипетской или инков.

Несмотря на то, что в украинском обществе все большее распространение получают ситуации смешанных браков, организации совместных предприятий, бытового межэтнического общения, обучения, заграничных турне и деловых поездок, эти факты не становятся предметом культурно-психологического анализа, а их субъекты оказываются как бы "вынесены" из поля "видимого". Опыт такого рода – личностный и социальный, – не артикулирован в украинском массовом сознании,

его носители лишены собственного "культурного" пространства, превращены в маргиналов. Слагаемые крос-культурного общения, их эволюция, социальная потенцированность даже становясь предметом научного анализа, не приобретают статус культурологической политики. Узнавание не "о Другом", но – "Другого", – посредством углубления в себя, осознания собственных реакций и познание "себя" через отражение в "Другом" осуществляется на бессознательном уровне, прорываясь в культурный дискурс в виде отчуждающих мифологем. Классическим жанром, воспроизводящим архетипы межэтнической коммуникации, являются анекдоты, а направленность анекдотической иронии показательна как идеализация собственного "Я" "от противного". В традициях украинской эпистемологии нереализованная потребность в культурно-этнической и государственной автономии привела к экстраполяции образа "чужого" на ближайших соседей – русских и поляков, обладающих исторически более целостной и ранее сложившейся идентичностью. При этом "свой" нередко был коннотирован стилистикой "жертвы" и "подвластности", а "чужой" – "агрессора" и "властителя".

Второй уровень, на котором происходит формирование "этнической эпистемологии" и, соответственно, принципов крос-культурного коммуницирования, это – "вторичные моделирующие системы" (термин Ю.М.Лотмана), иначе говоря, институты и ритуалы социализации, находящиеся на границе сознательного и бессознательного: кино, литература, искусство, научные парадигмы, религиозные нормы, интенциональность философского дискурса, "формы языка" (термин Р.Барта), язык.

Религия также является значимым фактором в моделировании этнического взаимодействия, неся в себе "следы" сознания ушедших эпох. Например, освящение бойны Кораном подпитывает и оправдывает – на обыденном уровне – агрессивные интенции на Востоке. Славянская Украина, воспринявшая христианство в византийской, ортодоксальной ("orthodox") традиции, в течение тысячелетия пребывала под влиянием церкви, внедрявшей в массы уверенность в потенциальной правоте *только одной* позиции, *одной* веры, *одного* мировоззрения. Отсюда следовало, что понятие "чужого" как "враждебного" распространялось не только на отличные этнические буддизм или ислам, но и другие конфессии христианства – протестантизм, католицизм. Католическая картина мира в этом смысле была менее бинаризирована и тоталитарна, обладая задатками "тернарного" мышления в образе чистилища – некоей промежуточной инстанции между адом и раем. Православие не принимало никаких "третьих", переходных зон, тем самым укрепляя модель неприятия компромисса с Другим на уровне подсознания.

Существует еще один уровень моделирования крос-культурных общения, который формулируется через выбор государственной политики, символики, эмблематики герба, общественной идеологии, героев рекламы, программных заявлений и агитаций. Его наиболее древними и индивидуализированными средствами являются системы образования и воспитания, которые обычно осуществляются в соответствии с некоей социальной концепцией (например, "прагматическая" модель образования по Уайтхеду в англоязычных странах, "сократическое воспитание" по Ясперсу, "трудовая школа" Макаренко, др.). С середины XX в. развитие телевидения, рекламы, индустрии развлечений, кино, компьютерной техники, эстрадных шоу, соединяющих высокий визуальный эффект с ритмическим (музыкальным) сопровождением, способны трансформировать поведение, взгляды и мотивации не отдельных людей, а целых этнических и социальных групп за достаточно короткий период. Это наиболее действенные стратегии, целенаправленно создающие паттерны крос-культурного общения, способные "замещать" архаические формы "о-чуждения".

Великолепный пример использование этого канала в целях моделирования позитивного межэтнического взаимодействия представляет социальный опыт США. Это государство, основанное выходцами из самых разных культурных регионов, созданное трудом иммигрантов, исторически было поставлено в условия, когда

собственно идентификация как перспектива выживания зависела от способности его граждан сотрудничать между собой, преодолевая этнические барьеры. Заслугой политики этого государства является официальная пропаганда идеалов открытого общества и гражданских прав, впервые зафиксированная в Декларации независимости, а затем – в соглашениях между Севером и Югом.

Подобные примеры из области позитивного культурологического моделирования можно продолжить на историческом материале Франции, Канады, Испании, Китая, Японии. У истоков классической русской культуры – ближайшего территориального и этнического соседа Украины, – стояли представители самых разных этнических групп и потомки многих народов – шведского (И.Ф. Крузенштерн), немецкого (А.И. Герцен, П.К. Клодт, В.К. Кюхельбекер), шотландского (М. Барклай-де Толли), итальянского (Дж. Кваренги, Дж. Трезини, В. Растрелли), французского (К.П. Брюллов, Тома де Томмон), турецкого (В.А. Жуковский), которые составили мировую славу российской культуры и немало сил положили ради ее развития и возвышения. Сам Александр Сергеевич Пушкин – "солнце русской поэзии", – гордился африканскими корнями и посвятил повесть своему знаменитому темно-кожему предку, ставшим крестником и верным помощником русского царя.

К сожалению, в современном украинском социуме отсутствует политика целенаправленного моделирования позитивной коммуникации, равно – уважительного привлечения к сотрудничеству представителей не-украинских этносов. Две основные стратегии используются властными структурами: первая – отказ от любого рода моделирования, объявление – через "умолчание" – этих феноменов "несуществующими". Вторая – активное неприятие иноплеменных (иноязычных) культур, отождествляемых с функцией "Другого" как "чужого".

Возможно, именно "местечковая замкнутость" в моделировании этнических эпистем мешает формированию целостности украинской идентичности. В противовес этому, активный интерес к восприятию инокультурных влияний, взаимодействие со многими – "Другими" – этносами заставляет углублять национальную самобытность, как это уже происходило в американской, российской, французской культурах. Поэтому представляется, что именно активное и последовательное включение представителей других этносов в официальные стратегии коммуникативного моделирования в качестве "положительных героев" рекламы, кино, телевизионных шоу, возобновление национальных школ – армянских, татарских, еврейских, т.д. – существовавших в Харькове в первое десятилетие после установления советской власти, – будет способствовать не только гармонизации ситуаций межэтнического общения, но и скорейшему освобождению от национальных "комплексов неполноценности", повышению культурного потенциала общества и снижению национальной напряженности. И, возможно, именно активная и целенаправленная ассимиляция, принятие в свой Дом – Культуру – представителей многих других этносов, приведет к необычайному расцвету украинского общества, как это бывало в истории других народов.

Литература:

1. Вежбицкая А. Семантика грамматики. – М., 1992.

Козыменко Л.

О ВЗАИМОДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ НАУКИ И МИФА В КОНЦЕПЦИИ Ю.ЛОТМАНА

Проблема соотношения мифа и науки стала неотъемлемым топом постмодернистской рефлексии, получая при этом самые различные экспликации. Последние условно можно разделить на две группы. В первой миф рассматривается как архаический элемент, который "не мешает" функционированию научного сознания. Во второй миф предстаёт не просто как неустранимая "помеха", но как условие успешного развития науки, её противоположный и тем не менее неотъемлемый аспект.

В отечественной семиотике культуры последняя точка зрения представлена, в частности, в концепции Ю.Лотмана, который изначально исходит из определения культуры как семиосферы – семиотического континуума, заполненного разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями – языками и текстами, – составляющими единый организм. На начальном этапе генезиса культуры в её центре образуется мифопорождающее текстовое устройство, главной функцией которого является установление связи между различными частями семиосферы, а следовательно, и превращение хаоса в космос. Порождённые этим устройством тексты играют классификационную, стратифицирующую и упорядочивающую роль, сводя мир эксцессов и аномалий, который окружает человека, к норме и трактуя не об однократных и внезакономерных, а о вневременных, бесконечно репродуцируемых, циклических и, в этом смысле, "неподвижных" событиях. Противоположным механизмом – контрагентом семиозиса становится линейное устройство, организованное в соответствии с линейным временем и фиксирующее не закономерности, а аномалии, не принципы, а случайности. Если исторически из первого механизма, полагает учёный, развились законополагающие и нормирующие тексты как сакрального, так и научного характера, то из второго – хроники, летописи и т.п., то есть историография.

Лотман отмечает принципиально различную природу этих исконно противоположных типов текстов. "В мире мифологических текстов, в силу пространственно-типологических законов его построения, прежде всего выделяются структурные законы гомеоморфизма: между расположениями небесных тел и частями тела человека, структурой года и структурой возраста и т.д. устанавливаются отношения эквивалентности. Это приводит к созданию элементарно-семиотической ситуации: всякое сообщение должно интерпретироваться, получать перевод при трансформации его в знаки другого уровня" [1]. И поскольку микрокосм и макрокосм отождествляется, любое повествование о внешних событиях может восприниматься как имеющее интимно-личное отношение к человеку. "Новость" о случае, эксцессе же добавляет интересные подробности к картине внеположенного мира.

С момента, когда миф как тип архаической ментальности перестаёт играть доминирующую роль, на выполнение функций центрального текстопорождающего устройства, организующего картину мира и транслирующего принципы воспроизводства ядра культуры может, в принципе, претендовать любая сфера общественного сознания. В частности, для новоевропейского менталитета характерна самоориентация на науку.

Однако "чистая наука", полагает Лотман, понимаемая как изолированное и самодостаточное текстопорождающее устройство, не способна выполнять связанные с данным статусом функции. Более того, чем совершеннее с собственно научной точки зрения становятся ее методы и языки, тем менее результативной и рациональной оказывается эта сфера общественного сознания. Причина же заключается в том, что условием существования интеллекта и, следовательно, осуществления процессов культуротворчества является структурная неоднородность языков культуры как системы. Инвариантом всех этих языков-подсистем можно

считать биполярную структуру, "на одном полюсе которой помещен генератор недискретных текстов, а на другом полюсе — дискретных", которые различаются по способности увеличивать объем текста: "генератор дискретных текстов увеличивает текст по принципу линейного присоединения сегментов, генератор недискретных — по принципу аналогового расширения" [2]. Различие это имеет фундаментальное значение: при явной взаимной непереводимости этих двух типов текстов очевидно, что именно на их пересечении, границе рождается творческое (то есть создающее новые тексты) сознание. "То, что на любом уровне смыслообразования наличествуют как минимум две различные системы кодирования, между которыми существуют отношения непереводимости, придает трансформации текста, перемещаемого из одной системы в другую, не до конца предсказуемый характер..." [3]. Следовательно, в таком случае разумность субъектов поведения и рефлексии определяется не автоматическими алгоритмами, не выбором "целесообразных", "хороших" или "нравственных" вариантов, а самим фактом выбора. К тому же необходимость осуществления перманентного перевода с дискретного языка на недискретный и обратно, атрибутом которого (перевода) становится принципиальная частичная непереводимость, приводит к возникновению иррациональности, которая оказывается следствием самой ситуации дву- или полиязычности: "каждый из видов текстов имманентно рационален "для себя" и иррационален с позиции другого типа текстов" [4] (хотя находящимися внутри системы иррациональность приписывается только одному типу текстов).

Таким образом, с точки зрения Лотмана, наука как сфера текстов, самоориентирующихся на дискретность, может выполнять как собственно системные, так и функции центрального текстопорождающего устройства только тогда, когда её тексты сохраняют свойство гетерогенности, то есть являются плодами креолизации дискретных или недискретных языков/метаязыков, разумеется с определённой доминанцией в сторону первых. Причина этого заключается, во первых, в невозможности осуществления творческих процессов в условиях системы, состоящей из гомогенных языков, и, во-вторых, в том, что единая гомеоморфная картина мира может существовать только как результат применения принципов мифомышления, которые "в силу своей исключительной способности подвергаться топологическим трансформациям, с поразительной смелостью объявляет одним и тем же сущности" [5], сближение которых было бы для "чистой науки" невозможным. Миф, таким образом, представлен в концепции Лотмана как активный функциональный элемент ментальности, даже в том случае, если она, ориентируется на науку, "своим-другим" научного сознания, обеспечивающим возможность успешного выполнения функций последнего.

Литература:

1. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении. // Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. — Вып. 2. — Тарту, 1973. — С. 13.
2. Лотман Ю.М. Мозг — текст — культура — искусственный интеллект. // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х т. — Т. 1. — Статьи по семиотике и типологии культуры. — Таллинн: Александра, 1992. — С. 29.
3. Там же. — С. 30.
4. Там же. — С. 31.
5. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета... — С. 11.

Гетало Т.Е.

ОНТОЛОГИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ

Нынешняя популярность истории ментальностей и исторической антропологии сравнима лишь с бумом психоанализа в первой половине двадцатого века, который объяснялся тем, что это научное направление принесло ответ на индивидуальные тревоги людей, вызванные социально-политическими катаклизмами в обществе. Место индивидуального бессознательного по Фрейду, в данном случае занимает коллективное бессознательное, иными словами коллективное неосознанное.

Современный интерес к истории ментальностей, возможно указывает на желание общества вывести на поверхность сознания чувства и представления, которые скрыты в глубинах коллективной памяти.

Для анализа силы и слабости истории ментальностей воспользуемся работой П. Берка. С точки зрения Берка, истории ментальностей как научному направлению свойственны следующие характерные черты:

- 1) преимущественный интерес к коллективным психологическим установкам;
- 2) внимание к невысказанному и неосознанному, к практическому разуму и повседневному мышлению;
- 3) интерес к устойчивым формам мышления с метафорам, категориям, символам.

Хотя существование феномена как ментальность часто подвергается сомнению, особенно английскими историками, Берк решительно высказывается в его пользу. По его убеждению, с чем-то подобным сталкиваются многие исследователи, даже занимающиеся далекими от культуры сюжетами, так, Витоль Кула, в своей работе о феодальной системе в Польше XVII-XVIII в.в. пришел к выводу, что необходимым элементом этой системы являются поведенческие установки и ценности польских магнатов. Эдвард Томпсон обнаружил, что голодные бунты народных масс в Англии XVIII в. — не просто реакция на недостаток пищи, а выражение коллективных моральных установок.

Берк признается, что и сам он, для объяснения некоторых явлений, был вынужден допустить существование типа сознания, совершенно отличного от нашего. Например, нашему современнику не дано вполне понять схоластическую идею "корреспонденции" между семью планетами, семью днями недели, семью металлами и так далее. Ведь "корреспонденция" с не тождество и не подобие. Более уместен здесь, по мнению Берка, термин "мистическое сопричастие", с помощью которого Л.Леви-Брюль описывал отношение человека к его тотему.

Берк приводит и другие примеры столь же "несообразных", с нашей точки зрения, представлений. Например, неприятно поражающая современного человека средневековая идея о том, что детство — это самое презренное, если не считая смерти, состояние человеческой природы.

Встречаясь в средневековых источниках с этими и целым рядом других персонификаций с чумы, смерти и т.п. с мы склонны воспринимать это как метафору. Но контексты, по мнению Берка, подсказывают, что это не метафора и не буквальный смысл, а нечто третье, нам не известное. Очевидно, что умы средневековых людей были устроены иначе, и что без понятия ментальности здесь не обойтись.

Часто говорят, что историкам ментальностей свойственно преувеличивать уровень духовного консенсуса людей определенной эпохи. Допустимо ли, например, говорить о "менталитете средневекового француза"? Вопрос, с точки зрения Берка, достаточно резонный и трудный. Ведь если уменьшить масштаб обобщения и вести речь не о нации, а о классе или группе, проблема воспроизводится и на этом уровне. Существовал ли, например, менталитет английских юристов XII в.? Выход, по мнению Берка, заключается в том, чтобы следуя предложению Ле Гоффа, включать в менталитет только "общие места", но не весь духовный мир.

Следующий справедливый упрек состоит в том, что историки пока не могут объяснить изменение ментальности во времени. Если ментальная система внутренне

увязана таким образом, что одна психологическая установка "держит" другую, а все они вместе с друг друга, то такую систему следует считать закрытой и объяснить ее трансформацию теоретически не возможно. Однако на практике изменение ментальностей все же происходили и происходят. Для Италии с XIII до XVII в., как и для всей Западной Европы совершенно очевидно нарастание "арифметической ментальности", склонности людей все считать и учитывать.

Наконец, многие считают, что в основе истории ментальности лежат устаревшие эволюционистские представления о развитии мышления, прежде всего, предложенное Л.Леви-Брюлем различие логического и пралогического мышления. Берк пишет, что эволюционистские представления о стадийном характере развития мышления были свойственны и Леви-Брюлю, Февру, Мандру и многим современным историкам. Однако это беда не только истории ментальностей, но всей гуманитарной мысли и даже обыденного сознания. Ярким образчиком эволюционизма Берк считает, например, расхожее противопоставление "традиционной" и современной культуры.

В целом перечисленные претензии далеко не бесосновательны, и следовательно предстоит ответить на них новыми исследованиями.

Байтальский М.Ю.

ЭКЛЕКТИЗМ НАУКИ И УНИТАРНОСТЬ МИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Можно утверждать, что бинарная пара "научное" — "мистическое" (условно эквивалентная паре "рациональное" — "иррациональное"), объективированная историей европейской культуры как центральная, не утратила своей напряженности, хотя и была перенесена в иной культурный контекст. Говоря о разворачивании западной гносеологии Б.Рассел отмечал:

"Метафизика, или стремление постичь мыслью мир в целом, всегда развивалась в единстве и конфликте двух противоположных человеческих импульсов: один из них побуждал к мистицизму, другой — к науке", причем, "до последнего времени наука неизменно оказывалась в положении победителя" [1]. Очевидно, что представление о науке как о победившей, диктовалось культурным контекстом ее рецепции. Этот же контекст задавал эпитетологическую заряженность полюсов: наука — объективное, универсальное, всеобщее; мистика — субъективное, эклектичное, неупорядоченное.

Продлевая ретроспекцию, уточним, что являясь, социокультурной практикой, включенной в культурную целостность, наука мыслилась как унитарная лишь в ситуации модерна, тяготеющего к унитаризму. В некоторой степени такая позиция могла бы быть поддержана на основе выдвинутой Т.Куном [2] теории парадигмального развития науки, в которой фаза "нормальной науки" обладает максимальным унификационным и кумулятивным импульсом, в то время как ситуация смены парадигмы характеризуется, напротив, эклектичностью, способствующей возникновению и рецепции разнородных и оппозиционных друг другу теорий.

Критикуя представления о научном процессе как о кумулятивном и унитарном, П.Фейрабенд утверждал, что: "Пролиферация теорий благотворна для науки, в то время как их единообразие ослабляет их критическую силу" [3]. Этот взгляд весьма созвучен представлениям Эйнштейна, согласно которым: "Внешние условия, которые установлены фактами опыта, не позволяют ему (ученому — прим. М.Б.) при построении концептуального мира чрезмерно строго придерживаться какой-то одной эпистемологической системы. Поэтому последовательному эпистемологу ученый должен казаться чем-то вроде недобросовестного оппортуниста".

Обратимся ко второму полюсу рассматриваемой оппозиции. Согласно У.Джеймсу [4], под мистикой следует подразумевать такой тип религии, который подчеркивает непосредственное переживание абсолюта, интимное сознание божественного присутствия, что достигается посредством невербальной практики вхождения в континуальные потоки. В своем классическом труде "Многообразие религиозного опыта" Джеймс претендует на всестороннее описание феномена религии в ее наиболее напряженной – мистической – форме, со всей очевидностью стремясь донести мысль о том, что рациональный модус сознания есть не более чем один из ряда комплиментарных ему. Следовательно, гносеологический праксис внутри этого модуса весьма ограничен, в то время как мистический опыт чрезвычайно многолик и разнообразен, поскольку оперирует с большим числом модусов сознания. С другой стороны, именно мистицизму имманентны представления о единстве, универсальности и цельности мира. Проводя аналогии между восточной (дзэн-буддизм) и западной (теософия Мейстера Экхарта) мистическими традициями Д.Т.Судзуки отмечает: "Духовный опыт христиан в сущности не отличается от духовного опыта буддистов. Терминология – единственное, что нас разобщает и толкает на бесполезные дискуссии." [5]

Эксплицирование контекста, в котором рецепция мистического опыта проделывает путь от многообразия к унитарности, оказывается возможным в терминах спектральной философии Кена Уилбера, явившейся результатом интеграции опыта мистических традиций, а так же гуманистической и трансперсональной психологии. Структуру Спектра составляют уровни, преодолеваемые сознанием индивида в процессе его движения к абсолюту, при этом достижение Трансперсональных "частот" ("здесь мы находим коллективное бессознательное Юнга, экстрасенсорное восприятие, опыт трансперсональности, астральную проекцию..." [6]), в силу своего архетипического содержимого связывается с представлением о многообразии, тогда как дальнейшее движение к Единому Сознанию (Mind) приводит к непосредственному переживанию контакта с абсолютом, реферирующим к унитарности мистического опыта.

Таким образом очевидно, что эклектизм науки, ассоциированный с плюральностью культурного пространства, и унитарность мистического опыта, центрирующая культурную целостность и являющаяся предпосылкой для универсализма в культурологии, представляют собой две дополняющие друг друга формы манифестации культуры, причем для западной культуры XX века характерна тенденция к гармонизации их взаимодействия.

Литература:

1. Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987.
2. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
3. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
4. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1983.
5. Судзуки Д.Т. Мистицизм христианский и буддистский. Киев 1996.
6. Wilber K. The Spectrum of Consciousness, Wheaton, 1993.

Гордецкий Д.В.

ТЕОЛОГИЯ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ КАК ПРООБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

В XX в. на правах общего места во всем спектре гуманитарных дискурсов от школьно-дидактического и публицистического до фундаментального философского выступают настойчивые попытки отмежевать науку от ее религиозного прошлого. Безусловно, эта тенденция нашла свое наиболее яркое выражение в тех обществах,

где церковь была официально отделена от государства, или, иными словами, в обществах, находящихся под властью авторитарных режимов. Причины этого раскрыты Юнгом в работе "Нераскрытая самость" [1].

Аргументация Юнга можно просуммировать так. Чтобы удержаться у власти, лидер авторитарного государства стремится к сакрализации как собственной персоны, так и репрессивного аппарата. Таким образом, авторитарное государство *de facto* присваивает себе функции религии, хотя и не манифестирует этого явно. Чтобы это стало возможным, религия в тех или иных словах объявляется инструментом классового насилия. Но поскольку в глазах общества в целом подобное оправдание видится недостаточным, идеологи авторитарных режимов выводят на сцену науку. Устами науки, имеющей в XX в. весомый авторитет благодаря успехам технологии, возвещаются онтологические и гносеологические истины, полностью сокрушающие основания любой религии.

В либеральных обществах противопоставление науки и религии выражено не в столь ярких формах, но, пожалуй, едва ли менее глубоко по существу. Убедительным примером может служить цикл работ Бертрانا Рассела, где приведен достаточно богатый набор демаркаций религии и науки. Разумеется, эти демаркации используются Расселом в целях апологии науки. Но следует помнить, что даже в либеральном обществе *"...наука господствует не в силу ее сравнительных достоинств, а благодаря организованному для нее пропагандистским и рекламным акциям"* [3, 513].

Итак, мы зафиксировали два важных факта. Первый: утверждение вида "Наука и религия не только лишены генетического родства, но и представляют собой непримиримых противниц". Второй: это утверждение существует и имеет вес постольку, поскольку оно выгодно носителям власти и авторитарного, и либерального общества.

Теперь пришло время вспомнить, что современная наука не снизошла в одночасье из платоновского мира идей, а явилась результатом длительной эволюции европейской мысли под воздействием неуклонно растущих материальных запросов общества. Причем нулевой точкой отсчета этой эволюции можно принять XIII в., когда теология начала проникаться рассудочным аристотелизмом, стремящимся вытеснить тяготеющее к фидеизму и мистицизму августицианство.

Этот переход — от августицианства (и неоплатонизма) к аристотелизму и от реализма к номинализму свидетельствует в пользу того, что в XIII–XIV вв. теология произвела кардинальный поворот от мистической к спекулятивной стратегии познания Абсолюта.

Оставалось лишь соединить тягу к схоластическому классификаторству с эмпирическим методом и подменить понятие Абсолюта атеистическим понятием Природы, чтобы получить науку Нового Времени. При этом было бы ошибочным полагать, что основания эмпирического метода были заложены в XVII в. и могут быть полностью выведены за рамки средневековой теологии. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитого богослова Роджера Бэкона, который был одним из прямых предшественников эмпирической науки [4, 204–205].

Таким образом, наука может быть рассмотрена как продукт эволюционного развития теологии. При этом вместо оппозиции "наука — религия" на первый план выступает более корректная и существенная в культурологическом смысле оппозиция "спекулятивное — мистическое".

Как уже было показано выше, в ходе секуляризации место религии заняла наука. Налицо по меньшей мере один шаг индукции. Если теперь представить себе манифестированное Фейерабендом отделение науки от государства, по аналогии с предыдущим актом возникает очень серьезный вопрос: какой институт займет место науки?

Согласно программе Фейерабенда — никакой, потому что в свободном обществе *всем традициям "...предоставлены равные права и одинаковые возможно-*

сти влиять на образование и другие прерогативы власти" [3, 496]. Это, со всей очевидностью, утопия. С другой стороны, сама ситуация отделенности науки от государства отнюдь не утопична. Ее легко наблюдать на примере арабского и китайского средневековых обществ. Однако, ни арабское, ни китайское общества того периода нельзя назвать "свободными". Поэтому мы рискуем предположить, что реализация десятого тезиса Фейерабенда либо невозможна в принципе, либо приведет к власти очередной институт спекулятивного знания, либо возведет на трон пока еще неназванный институт знания мистического.

Литература:

1. Юнг К.Г. Нераскрытая самость / Синхронистичность. – М., 1997. – 320 с.
2. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М., 1986. – 542с.
3. Коплстон Ч.Ф. История средневековой философии. – М., 1997. – 512 с.

Боцман Я.В.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ВОСТОК – ЗАПАД И ПРОБЛЕМА ДУХОВНОСТИ

В результате обширного российско-финского социологического исследования религиозности в России, осуществленного в рамках Всемирной программы изучения ценностей (World Values Survey), был получен парадоксальный социологический материал, описывающий российскую ментальность на срезе основных мировоззренческих проблем. В частности, было выявлено, что несмотря на то, что в пост-атеистическом российском обществе 1996 года установился прочный "про-религиозный" и "проправославный" консенсус (88% опрошенных заявили о своем "положительном" и "очень положительном" отношении к православию), а на уровне самоидентификации 34% опрошенных причислили себя к верующим (6% к атеистам), в категории "традиционных" или "серьезных" верующих при весьма либеральных критериях традиционности исследователи нашли возможным включить лишь 4% опрошенных. Приняв во внимание тот факт, что лишь 47% отвечали "да" на вопрос о вере в Бога, но 20% признались, что верят в реинкарнацию (представляющую собой догмат индуизма и отчасти буддизма), авторы исследования пришли к выводу, что "Не религия побеждает в России атеизм, но религия и атеизм отступают перед ростом мировоззренческой неопределенности и эклектизмом" [1, 35–52].

На наш взгляд, однако, "мировоззренческая неопределенность" и "эклектизм" не являются ни комплиментарными, ни синонимичными понятиями, а использование их для описания ментальности, являющейся проекцией культуры, ошибочно. Если "мировоззренческая неопределенность" – экзокультурный дескриптор, относящийся к ситуации "личность, включенная в культуру как партикулярность", то "эклектизм" определенно эндокультурен, поскольку констатирует наличие как минимум двух партикулярностей, которые коммуницируют в ментальном пространстве личности. Рассмотрим проблему взаимодействия смысловых полей этих понятий в контексте концепции диалога культур Восток–Запад с позиций универсализма, естественно исключающего европоцентризм.

Классик "четвертой психологии" А.Мэслоу, подвергая критике западную постиндустриальную ментальность, с сожалением отмечал: "У каждого века, за исключением нашего, был свой идеал. Наша цивилизация отказалась от идеала – святого, героя, аристократа, рыцаря, мистика. У нас остался только хорошо умеющий приспосабливаться "человек без проблем", бледный и сомнительный суррогат идеала" [2, 28]. Очевидно, что здесь идет речь о мировоззренческой неопределенности субъекта культуры, осознающего себя в ситуации "завершенности" культуры, нашедшей отображение в работах Ф.Ницше, О.Шпенглера, Х.Ортеги-и-Гассета. Опыт ее преодоления через децентрирование и размытие самого понятия "определенность"

лег в основу анархических тенденций в культуре, объединенных термином "пост-модерн". Мировоззренческая неопределенность подразумевает неспособность субъекта разрешить проблему выбора в условиях избыточной плюральности (что типично для пограничных культурных ситуаций, например, при переходе от оппозиционной культуры к мозаичной). В то время как термин "эклектизм" отсылает нас к иной фазе развития культуры, а именно к фазе интеркультурного синтеза. Оговоримся, что эклектизм также подразумевает неопределенность, но это неопределенность, присущая "становлению", а отнюдь не "завершенности". Таким образом, можно говорить о культурной фертильности эклектизма. (Примером продуктивного эклектизма в философской антропологии может служить междисциплинарная концепция "спектра сознания" (spectrum of consciousness) К.Уилбера, представляющая собой попытку интегрировать восточные и западные представления о природе сознания в границах единой эклектической структурной модели и самим фактом своего существования объективирующая интенцию кросс-культурного диалога).

В то же время, вся концепция диалога культур Восток – Запад ориентирована на преодоление односторонности развития западной культуры (акцентирующей индивидуализм, анализ, соревновательность, рациональность и дискриминирующей корпоративность, синтез, сотрудничество и интуицию) и может быть понята как апологетика эклектизма, поскольку "Одинаково абсурдно и опасно то, что в нашем мире существует множество вероисповеданий, которые отлучают друг друга от церкви. Это особенно справедливо для великих культур Запада и Востока, где богаче возможности для общения и где больше опасность неудачи такого общения" [3, 18]. Причем, именно возникновение эклектичного мировоззрения есть гарант того, что диалог происходит. Если же рассмотреть динамическое взаимодействие означенных терминов с точки зрения стадийности развертывания культурной целостности, легко видеть, что стадия идеологической *дезинтеграции* ("завершенности", "мировоззренческой неопределенности") всегда предшествует стадии *неоморфоза* ("становления", "эклектизма"), которая является ее естественным продолжением.

Следует отметить, что анализ рассмотренных социологических данных с точки зрения приведенных рассуждений является перспективным для углубления понимания проблематики религиозного-духовного как наиболее актуальной в контексте современной философской антропологии.

Литература:

1. Караайнен К., Фурман Д.Е. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности). // Вопросы философии. – 1997., №6.
2. Мэслоу А. Психология бытия. – М., 1997.
3. Уотс А. Путь Дзен. – Киев, 1993.

Щеблыкина Т.В.

ИСТОКИ ЭВОЛЮЦИИ КУЛЬТУРЫ ТАНЦА КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ФЕНОМЕНА ФОЛЬКЛОРА

Вопросы происхождения и ранних форм танца неизменно привлекали внимание историков изобразительного искусства, археологов, этнографов. Особо повышен интерес к хореографии в связи с актуализацией проблемы происхождения искусства в конце XIX в., после открытия в Западной Европе большого количества наскальных изображений эпохи палеолита и накопления огромного этнографического материала по культурам племен, отставших в своем развитии. Многие ученые,

пытаясь раскрыть тайну рождения художественного творчества, приводили различные описания танцев первобытных племен.

Древнейшим формам танца посвящены отдельные разделы и во многих вышедших в последнее время исследованиях искусствоведов и эстетиков, а также археологов, этнографов. В этих трудах генезис и ранние формы танца проанализированы с эстетической, историко-культурной, социологической, психологической точек зрения.

Цель данной работы — изучение происхождения танца и ранних его форм в первобытности. Итак, о чем же говорят теории происхождения танца? Каковы его место и роль в первобытности? Какие функции он выполнял в жизни первобытного общества?

В вопросе определения танца и его происхождения не существует единого мнения. Разные учёные отстаивают различные теории. Но, прежде чем начать непосредственно рассмотрение танца, необходимо выяснить на какой основе изучается явление, отделенное от нас таким огромным промежутком времени.

Безусловно, сегодня невозможно во всей полноте восстановить танцы давно ушедших веков. Но, опираясь на огромный фактический материал, накопленный археологией, этнографией, искусствоведением, социологией, психологией, можно выявить некоторые характерные черты древнейших форм танца.

Все свидетельствует о том, что танец первобытного человека принадлежит к явлениям сложным и многогранным. Поэтому особенно важно в вопросах его изучения опираться на точный фактический материал, в первую очередь, на данные археологии. Они многочисленны и разнообразны и содержат достаточно большое количество человеческих изображений в различных позах и движениях. Но возникает вопрос — танцы ли это?

Если даже предположить, что на скалах изображены какие-то сцены из повседневной жизни первобытного человека, то и в этом случае они представляют определенный интерес для изучения танцев. (Из многочисленных этнографических материалов известно, что первобытные охотники в своих танцах копировали сцены охоты и военных сражений.) Но все же мы склонны предполагать, что на фресках с человеческими фигурами чаще всего изображались именно танцы. На охоте нет никакой надобности совершать сильные вращательные движения бедрами так, чтобы колчан со стрелами отлетал далеко в сторону, и вращать лук над головой или вокруг бедер, как это показано на фресках Испании и Северной Африки. Вероятно, подобные движения наблюдал Г. Стоу в танце бушменов охотников, называвшемся, Кохоуне. Мужчины исполняли его в линию, вращая луки над головой с такой силой, что они на глазах превращались в сплошную тонкую нить.

Кроме спорных, существует огромное количество изображений, танцевальный характер которых не вызывает никаких сомнений. Поэтому и рисунки на скалах, и скульптурные изображения древнейших веков являются ценнейшим материалом для изучения первобытного танца.

Однако значение и смысл даже самых выразительных наскальных изображений останутся непонятными с точки зрения хореографии, если не найти им объяснений в этнографическом материале. Поэтому при сопоставлении археологических, этнографических, искусствоведческих источников следует пользоваться данными, выработанными современной наукой по сравнительной археологии и этнографии.

Мы начнем изучение танца с того периода, когда уже появились первые, достаточно достоверные, свидетельства человеческой деятельности, его духовной жизни — наскальные рисунки, скульптурные изображения, т.е. когда уже практически сложился тип современного человека — кроманьонца, у которого вполне оформилась членораздельная речь и развитие психики достигло довольно высокого уровня. Именно с этого времени историки искусства, как правило, начинают изучение художественного творчества, хотя оно носило еще весьма специфический характер.

Чепелюк Ю.В.

ЕДИНОЕ И МНОЖЕСТВЕННОЕ В ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВЕ И АРХИТЕКТУРЕ

Понятие "единое", введенное Платоном, предполагает некую универсальную обобщенность, необходимую для понимания чувственно-материального космоса как целого и частей этого целого. Как известно, идея эманации от "единого" и приобщение таким путем к нему частей послужило основой философских концепций в русле неоплатонизма.

Значимость проблемы объединения множества единичностей в единое во все века представляла интерес как для философов, так и для деятелей искусства. Характерен, в этом отношении, фрагмент из "Космогонии" Плотина: "Принцип разума является излучением единого божественного ума и единой жизни. Он создает конфликты между разными его частями, обладает единством или гармонией пьесы, повествующей об отчаянной борьбе. В финале *противоборствующие элементы объединяются в "единое произведение"* [1, с.190–191]. А.Ф.Лосев, расшифровывает античное понятие такого "единого произведения": "...все античное учение о едином в конце концов есть учение о жизни и действительности как о скульптуре, то есть учение о таком целом, которое является носителем всех своих частей, но ни в каком случае несводимо на свои части" [2, кн.1, с.501].

Познание человеком среды носит дискретный характер, который в конечном результате каким-то образом складывается в сознании и создает целостное впечатление. Вопрос, каким образом происходит этот процесс – является основным вопросом данной темы. Проблема конкретизируется вопросом не только о факте объединения множества в единое, но и о средствах объединения. Для этого рассмотрены примеры из различных видов искусств.

Например, гигантская живописная композиция Гентского алтаря Яна ван Эйка. Множество икон открытой части Гентского алтаря сгруппировано в два горизонтальных яруса. Основой композиции служит соединяющая их вертикальная ось, выражающая идею божественной Троицы. Ее составляют ипостаси Троицы: изображения Бога-Отца, Сына и Святого Духа. Фигура Бога-Отца (Саваофа), главная в этом ряду, дана наиболее крупно. Она завершает вертикальную ось и фиксирует центр верхнего яруса. Связующим звеном между верхним и нижним ярусами служит изображение Святого Духа. Он изображен на вертикальной оси в виде голубя между Отцом и Сыном. Богу-Сыну посвящена центральная икона нижнего яруса алтаря. Христос представлен в виде агнца на жертвенном алтаре. К этому центру устремлены изображения на боковых иконах нижнего яруса, так же, как к изображению Саваофа направлено смысловое содержание икон верхнего яруса. Таким образом, на метонимическом уровне композиции Гентского алтаря объединяющим началом являются фигуры Троицы, данные в своей многозначной символике. Формируется образ четко структурированного христианского мироустройства. Его сложная система иерархических уровней объединяет в целое земной и божественный миры, наглядно представленные во множестве алтарных икон.

Более сложным представляется формирование единого в композиции архитектурного ансамбля. Интересным примером такого ансамбля служит ансамбль Киево-Печерской лавры. Его композиция состоит из трёх групп: на верхней площадке горы находится Верхняя лавра с доминировавшим в ней Успенским собором, в ложбине между холмами – Ближние пещеры, на следующей возвышенности – ансамбль Дальних пещер. Все эти фрагменты расположены вдоль Днепра, и на него раскрыты площадки всех комплексов. Смысл единства архитектурного ансамбля лавры – вид в одну сторону – на воду Днепра, отражающую небо, и в другую сторону – на уходящий в небо собор. Собор, как то же единство земли и неба, виден при движении по лавре с различных позиций и в различных ракурсах. Как архитектурная доминанта он выступает на метонимическом уровне.

Но здание храма представляется и сложным образом космоса. Византийский поэт Х в. Иоанн Геометр в своих стихотворных описаниях храмов сплетает воедино образное и символическое понимание архитектуры. Он видит в храме "подражание Вселенной во всей ее многообразной красоте. Здесь и небо со звездами, и эфир, и бескрайние просторы моря, и водные потоки, низвергающиеся с гор" [3]. Эти яркие образы показывают ему весь мысленный космос во главе с Христом. Именно в храме, по мнению Иоанна, осуществляется единство (и единение) двух миров — земного и небесного, возникает ощущение целостности, образ вселенной.

Таким образом, множественное и единое взаимодействуют и являются обязательными признаками любого явления — от мироздания в целом до его фрагментов, в том числе в искусстве и архитектуре. Их взаимодействие реализуется в двухуровневом процессе: на первом уровне отдельные элементы объединяются по смыслу при их стыковке на каком-то предмете, который присущ всем этим элементам, физически сопределен с ними. Это метонимический уровень объединения. Но для образного объединения впечатлений человека необходимо чтобы стыкующийся предмет обладал большой значимостью. Таким образом формируется второй — ассоциативный, метафорический уровень объединения.

Литература:

1. Плотин. Космогония. — М.: REFL-book, К.: Ваклер, 1995г. — 304 с.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итого тысячелетнего развития. — М.: Искусство, 1992 г. — Кн.1. — 656 с.
3. Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. — К.: Путь к истине, 1991. — 407 с.

Соловьева О.С.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ВЗГЛЯДА НА ПРИРОДУ КАК ФАКТОРА ИССЛЕДОВАНИЙ ИСКУССТВА АРХИТЕКТУРЫ

Природа в буквальном переводе с греческого обозначает "возникнуть, быть рожденным". Это "то, что существенно для каждого сущего от самого его возникновения" [1, с.364]. Даже в Новом времени, например, у Гете, "она есть все... Кто рассуждает о духе, должен рассуждать и о природе".

В древнеегипетских мифах, по М.Матье, сотворение мира символизировало солнечное дитя, осветившее землю, пребывающую во мраке, и это рождение происходило из лотоса. Сотворение мира было сотворением солнца.

Одухотворение природы, принятое в Египте, перешло в Элладу. Греки рассматривали природу как одно целое со всеобщей взаимосвязью явлений.

Интересно отметить точку зрения А.Лосева на эстетическую трактовку природы греками. Сущность прекрасного — "живое и здоровое человеческое тело". Но оно "состоит из огня, воздуха, воды и земли. Следовательно, прекрасное для античности выступает тогда, когда физические стихии гармонизируют одна с другой в живом и совершенном человеческом теле" [2, с.13].

В период перехода от Средневековья к Возрождению обострился интерес к природному началу. Еще в начале этого перехода Николай Кузанский в XV в. отождествлял Бога с природой. Пико делла Мирандола воскрешал поднятые у греков вопросы, связанные с единством Вселенной.

Барокко в XVI-XVIII вв. выдвинуло другое отношение к природе. Неслучайно слово "барокко" употреблялось Л.Феррари и Сен-Симоном как равнозначное понятиям "лживый", "фальшивый". Законодатели барокко — Л.Пассер, А.Декан, И.Зандрарт, — формализовали барокко в ряде признаков: красоте, грации,

декоруме (благопристойности). Природа, с их точки зрения, давала лишь материал для красоты и декораума и сама по себе требовала облагораживания.

Из современных концепций можно выделить точку зрения Р.Штайнера, который вернул в экзальтированной форме одухотворение природы греками. Несмотря на мистические издержки, целесообразно подчеркнуть возврат к естественности, к одухотворенному началу живой природы, частично потерянным в рациональное Новое время.

Д.Лихачев в "Поэзия садов" отмечает, что сад — это не просто геометрия заимствованных из природы форм, а "...попытка создания идеального мира взаимоотношений человека с природой" [4, с.8]. Д.Лихачев акцентирует эстетическое начало в этом "идеальном мире". Он критикует "узкоархитектурный подход современных специалистов", который "...изгнал из (садов и парков)... историю изменений эстетических представлений... (и) сады утратили своё органическое родство с поэзией, с которой они были всегда тесно связаны" [4, с. 13].

В этих суждениях можно выделить главное для садово-паркового искусства: воздействие природы не ограничивается формальными эстетическими рамками. Оно пробуждает в человеке, во-первых, глубинные архетипы, во-вторых, стимулирует то или иное философское отношение к миру в целом и отражает культуру определённой эпохи.

Естественно, архитектура, как феномен искусства, не является исключением в апелляции к природе, к ее пространственно-световому воздействию и масштабной иерархии.

Так, известный архитектор И.Жолтовский сформулировал роль природы, как конечного целого, в которое вливается архитектура, придавая этому целому общекультурный смысл: "...роль каждого элемента в ансамбле определяется... его местом и ... функцией в художественном организме целого". "...Архитектор... создавая... ансамбль, должен иметь в виду природу как то конечное целое... которому он... должен подчиниться..." [6, с.46].

Ф.Райт подтвердил естественную основу эстетики в целом, в том числе — архитектурной эстетики: "...каждая истинная эстетика причастна к природе" [7, с.198]. Он также подчеркнул многозначность воздействия природного начала: "...Природа — это не только то, что находится "снаружи" — облака, деревья, непогода, растения и животные, но это понятие относится к их сущности так же, как к "природе" плана или ощущения. Внутренне присущий Принцип".

Существующие исследования природного начала дают надежную базу для новых исследований в этой области. Но представляется, что в меньшей степени изучены два аспекта: метафорическая основа природного начала и влияние ее на масштабную иерархию в архитектурно-пространственных построениях. Соединение и взаимообусловленность образно-метафорических и структурно-масштабных качеств естественной природы и окружающей человека архитектурно-пространственной среды.

Литература:

1. Краткая философская энциклопедия. — М.: Прогресс, 1994. — 576 с.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. — М.: Высшая школа, 1963.
3. Лихачев Д.С. Поэзия садов. — С.-Пб: Наука, 1991. — 370 с.
4. Мастера советской архитектуры об архитектуре. В 2-х т. — М.: Искусство, 1975. — Т.1 — 544 с. Т.2. — 548 с.
5. Мастера архитектуры об архитектуре. — М.: Искусство, 1972. — 590 с.

Антонов В.Л.

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА)

Эстетическое объединение одновременных впечатлений требует сложного многоступенчатого обобщения, памятного отбора из массы воздействий наиболее ярких и характерных. Происходит то, что в теории информации названо укрупнением эстетической информации, переходом от символов к сверх-символам. При этом исчезают предметные частности и появляется "художественная доминанта" (Христиансен) или "ведущая художественная тема" (Жолтовский). Эта тема "очеловечивается", сопрягаясь с личностью наблюдателя, с масштабным ему индивидуальным пространством или "личным коконом" в понятиях проксемики. Геродот пишет о борте корабля, вычленяющим личное пространство от Нила; Линч о пиниях, сквозь гущи которых воспринимает равнину Тосканы; Бунин — о выемке со скульптурной рукой у Гималайского хребта.

Взаимодействие внешнего и внутреннего — основа эстетического выражения. "Выражение есть ни что иное как диалектический синтез внутреннего и внешнего, как единство и борьба противоположностей, когда всё внешнее мы начинаем ощущать своими физическими органами чувств" [1]. Линч возводит эту формулу в принцип пространственного восприятия, "которое переходит от контактного ощущения к дальнему, от дальних — символическим передачам" [2]. А "содержание символа — по Бахтину — через опосредованные смысловые сцепления соотносено с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума" [3]. Но внешние и внутренние категории среды обретают единство в восприятии человека лишь в результате многократных сопоставлений.

Столь сложная система восприятия может функционировать лишь, при наличии посредника, упрощающего её. Упрощающего путём принятия на себя дипольных признаков. Отмечаются генетические корни посредника как необходимой инстанции в отношениях человека с миром. Леви-Стросс дал процесс объединения "двух антиподов, переход между которыми кажется возможным", благодаря введению элементов-посредников, названных "медиаторами" [4]. Нейрофизиология фиксирует ещё одну функцию посредников: они позволяют человеку сформировать в сознании картину цело по отдельным акцентам. Теория искусств распространяет медиативный принцип на художественное восприятие. Посредник-медиатор концентрирует в себе наиболее яркие характеристики художественного контекста. Он создаёт ассоциативное поле, в котором является своеобразным раздражителем — центром притяжения и возбуждением ассоциативно-образной цепи.

Рассмотрим его на простом примере, в котором действует архитектурная среда, но эстетика предстаёт в чистом виде, не затенённая утилитарной функцией. В стихотворении Пастернака архитектурная среда расчленена на структурные уровни: от необъятных внешних пространств до интерьера комнаты. Вначале сталкиваются максимальные контрасты — и пространственные, и эмоциональные — беспредельность и "личный кокон", тревожность и спокойствие, динамика и статика:

Мело, мело по всей земле,

Свеча горела на столе,

За все пределы...

Свеча горела.

Это пока — противоположности, не объединённые ни чем, кроме эффектного столкновения в одном четверостишье. Но затем начинается сближение: внешнее и внутреннее стыкуются на общем экране:

Как летом роем мошкар

Слетались хлопья со двора

Летит на пламя,

К оконной раме.

Пастернак ловит метель в проем, общий для интерьера и экстерьера, так же, как ловит Иктин лучи в проем Парфенона, В котором открывалась Афина-Паренос при взгляде извне. Еще не указаны ни интерьер, ни свеча, но хлопья метели на оконном стекле видны из освещенной комнаты, а слово "пламя" "отсылает"

к свече в следующем четверостишье. В нем дается "взгляд изнутри"; уже не метель, а ее отражение стыкуется со свечей, приближая "внешнее к зрителю":

Метель чертила на стекле

Свеча горела на столе,

Кресты и стрелы...

Свеча горела.

Затем окно исчезает. Оно выполнило свои функции. Теперь свеча ассоциируется с глобальной тревожной метелью и ее отражением в окне комнаты. И она начинает работать на микромир, все время напоминая о тревожном внешнем. Сохраняется и прием "остранения": все воспринимается как отражение огня свечи:

На озаренный потолок

И падали два башмачка

Ложились тени,

Со стуком на пол,

Сплетенье рук, сплетенье ног,

И воск, как капли с потолка,

Судьбы сплетенье.

На платье капал.

И здесь, архитектурным приемом, как взглядом в окно, Пастернак возвращается к внешнему миру, к его эдической суровости: "И все тонуло в снежной мгле, седой и белой"; и вновь возвращается в интерьер: "Свеча горела на столе, свеча горела". Затем суровый "макрокосм" предметно вторгается в интерьер, и, проходя через пламя свечи, рождает метафору — настроение:

На свечку дуло из угла

Вздыхал как ангел два крыла

И жар соблазна

Крестообразно.

Свидание в комнате больше не упоминается, но возникает как неременная часть образа при упоминании о свече и тревожной метели:

Мело весь месяц в феврале,

Свеча горела на столе,

И то и дело

Свеча горела...

Во всех этих случаях проявляется устойчивый принцип. Сталкиваются внутренние и внешние пространства: "микро-" и "макрокосм" — метафоры личного и глобального, внутреннего духовного мира человека и Вселенной.

Архитектурные посредники имеют материальную основу. Они закрепляют реальный стык — социально важный, функционально насыщенный, доминирующий в ландшафте, визуальнo активный. Так, псковский Троицкий собор был размещен на господствующем холме, на пересечении рек и дорог, в наилучшем месте для торговли и обороны, и завершал внешние и внутренние панорамы, отражающие значимость Пскова. Всколмленные берега рек Великой и Псковки образовали подиум, стены Детинца усилили его, ритм храмов подвигал к нему, и расступалась застройка, открывая собор. При входе в ворота открывалась "внутренняя полость" Детинца, и фрагмент собора как скульптура кадрировал внешнюю панораму и вычленил внутреннее пространство. Он как бы пронизывал пять структурных уровней — от региона, окружавшего город, до внутреннего — "человеческого" пространства. Он визуальнo совмещался с каждым в процессе движения: с иным первым планом и фрагментом природы, с различной средой городской деятельности и стыковал их на себе. Эти визуальные совмещения рождали памятные сопоставления, и формировался ассоциативный образ города, символом которого стал собор. На такой же основе создан ансамбль площади Независимости в г. Харькове.

Литература:

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики. — Т.1. — 1963 г.
2. Linch K. Site planning. 1960.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Худ. литература, 1965.
4. Леви-Стросс К. Структура мифов. // Вопросы философии — 1970. — №7. — С.152-165.

Шубович С.А.

МИФОПОЭТИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Современная культура столкнулась с парадоксальным явлением: город – традиционное средоточие культурной мысли, потенциальный ее источник, стал в сознании горожанина символом бездуховности. Новые городские районы – результат культурной мысли интеллектуалов – поражают даже своих создателей вопиющей бесчеловечностью, а знаменитый район Дефанс в Париже стал сценической площадкой для съемок "фильмов ужасов". И это тем более удивительно, что город, традиционно отражавший мифопоэтическую концепцию "небесного града", с древнейших времен нес положительную семантику неба, небесного порядка и гармонии.

Мифологические системы трактуют город и как небесный круг, через который шествует герой-солнце, и как священное, вычлененное из хаоса, пространство – модель небесной страны, и как женщину. В.Н.Топоров отмечает устойчивый в искусстве "морской комплекс" города, соотносящий город с первозданным мифологическим мировым океаном-хаосом, порождающим и поглощающим человеческую жизнь. Согласно мифам, среди таких мировых вод высится мировая гора (мировое дерево), данная как сакральный связующий стержень космоса, его статичная середина. Ряд концепций уподобляют такой горе зиккурат либо храм, возведенный на возвышенности в середине города. Так возвышался над Киевом Софийский собор на Старокиевской горе, а над Харьковом – Покровский собор – на оконечности центрального плато. Фольклор сохранил эту идею вычлененного центра с фиксирующей его вертикалью: "Стояла яблуня посеред двора, / на тій яблуні – золота кора" [1].

Что же потеряла современная "рациональная" культура, отвергнув этот традиционный компонент? И возможен ли его возврат в наш компьютерный век?

Технический прогресс необратим. Город связан с постоянным усложнением и интегрированием промышленного производства. Задача города не только собрать различные виды деятельности, но и обеспечить эту деятельность. И градостроитель, как демиург, обязан как бы одухотворить утилитарные земные аспекты этой деятельности.

Подобная трансформация, зафиксированная в структуре города, связана с промышленным развитием, когда резко усложнившиеся утилитарно-инженерные вопросы поглотили все внимание и градостроителя и потребителя. Промышленная революция XIX – начала XX вв. потрясла патриархальную жизнь городов и внесла в жизнь людей иную динамику деятельности. В то же время она перемолола устоявшуюся психологию людей. Казалось, эта технизация должна была исключить мифопоэтику.

Искусство не приняло новый техницизированный мир. Механический мир, завладевающий душой человека – трагический образ П.И.Чайковского, Э.Т.А.Гофмана, А.Белого.

Естественно, искусство архитектуры не могло остаться вне этой мифологизации. Железные дороги, проложенные согласно техническим условиям, в долинах, усилили мифопоэтические оппозиции – внешнее-внутреннее, "здесь-там", низ-верх, свет-тьма.

В период первой промышленной революции искусство фиксировало моменты, связанные с идеей Хаоса. И в архитектурно-градостроительной деятельности производства и склады хаотически размещались "внизу" вдоль железной дороги и закрывали для обозрения расположенные "вверху" на холмах соборы – исторические архитектурные доминанты.

Однако архитектура, в отличие от большинства искусств, изначально направлена на "космизирующую", упорядочивающую пространственную деятель-

ность. И не случайно на повестку дня встали светлые стороны мифопоэтической амбивалентности и внимание снова было обращено на доминирующую роль вершин холмов, на которых не случайно размещались соборы и которые вновь стали использовать для размещения новых доминант. Заострилось внимание и на обратных связях — на медиативной роли этих ансамблей в объединении города и мира, отражавших оппозицию "здесь" и "там". "Там" оказалось не просто внешним — сырьевым придатком города, но — духовной вечностью, сакрализующей город, подобно мифологическому Космосу в древние времена.

Характерно, что в этот период в сверхсовременных городах — Бразилиа, Чандигархе и др. возрождается идея Капитолийского мундуса — медиатора между хтонической тьмой и светом божественного неба. Такая идея была воплощена и при создании нового центра Харькова.

Первый шаг в его формировании — возведение здания Госпрома архитекторами С.С.Серафимовым, М.Д.Фельгером и С.М.Кравцом в 1925—1928 гг. Оно вписалось в круглую площадь, запроектированную архитектором В.Троценко в 1925 г. Комплекс был вынесен на периферию города (мир "там") как и правительственные центры Чандигарха и Бразилиа. О нем можно сказать словами украинского поэта Антонича: "Так родяться далекі міфи / із туги за далекім вищим...".

Комплекс воздвигнут на возвышенности центрального плато, близ излучины Московской, Киевской и Донецкой железных дорог. На рубеже веков, образ города, открывавшегося из окон вагонов, формировала живописная группа соборов исторического центра с его доминантой — Успенской колокольней. Однако этот вид был уже значительно ослаблен большими расстояниями и хаотической застройкой, поглотившей прежнюю сакральную "середину". Создание нового комплекса, соотношенного с руслами железных дорог, в новых условиях воссоздавало архетипический образ "управляющего" земной жизнью неба.

Комплекс площади Дзержинского (ныне пл. Независимости) располагается таким образом, по отношению к ландшафту и железным дорогам, что как бы венчает центральный холм и композиционно завершает внешние панорамы при взгляде со всех сторон. Железные дороги служат визуально-временными каналами, обеспечивающими визуальные контакты с комплексом в процессе движения. Важно отметить, что их трассировка в долинах дает возможность обозрений комплекса снизу вверх, благодаря чему он проецируется на небо. Этот взгляд — снизу вверх — соответствует и мифопоэтической значимости "венца" как символа неба. Эта композиция явно воспроизводит архетипический образ Мировой горы, выросшей среди Мировых вод океана-города.

И вполне закономерным будет сравнение этой круглой площади с расчищенными в джунглях ритуальными площадками первобытных поселений, которые исследовал К.Леви-Строс. Таким же архетипически значимым местом ритуальных отправлений стала и площадь Дзержинского.

Можно считать мифологической традицией и пространственную структуру площади в ее первоначальных границах, имевшую форму круга. Его, как модель космоса, воспроизводила и круглая ритуальная площадка в центре архаичного поселения, и Пританей с огнем Гестии на афинской агоре, и "омфалий" Десятинной церкви в Киеве.

Но круглая "небесная" площадь-середина предстает одновременно и мифопоэтическим препятствием-порогом (тема, близкая описанному Э.Золя вокзалу). Весь комплекс явился для человека грандиозным препятствием — переходом в не менее грандиозный мир. Идея перехода через нечто пограничное подчеркнута огромными порталами Госпрома, отсылающими к римским триумфальным аркам, с их мифоритуальной семантикой.

Представляет интерес в мифопоэтическом срезе и дальнейшее развитие идеи небесного круга; ее распространение от комплекса площади до города в целом. Такая идея была заложена в одном из вариантов генерального плана Харькова и

его общегородского центра [2].

Грандиозная подкова общественных зданий и в настоящее время сохраняет доминирующее значение в силу своей статичности и социальной значимости. Для усиления этого комплекса предполагается возведение вокруг него нескольких вертикальных структур на холмах. Они размещаются таким образом, что статичный ансамбль будет восприниматься со всех подъездов в центре "ожерелья" высотных зданий. При обозрении с любой стороны одно из них явится "кадрирующим" фрагментом, а другие создадут за статичным центром своеобразные силуэтные кулисы. Каждый такой фрагмент — это фиксация порога перед выходом к той же сакральной ценности.

Мифопоэтическая семантика этой концепции распространяет на город в целом те небесные функции, которые первоначально были заложены в центре старого Харькова и в круглой площади его нового центра. Здесь реализуется принцип лейтмотивов, блестяще использованный Р.Вагнером, как средство перевода произведения искусства на язык мифа. С точки зрения архитектуры, это те же "концентрированные образы реальной жизни" Р.Вагнера, реализованные как соотносимые между собой архитектурные доминанты.

Таким образом, устойчивость архетипа сохраняет мифопоэтическую преемственность — расположение по кругу периферийных доминант, охватывающих центральную доминанту. При этом комплекс площади Дзержинского оказывается пронизанным мифопоэтической символикой, не взирая на возможное сомнение — задумывалось это авторами или пришло к ним интуитивно, в силу заложенных архетипов.

Рассмотренный здесь пример доказывает возможность создания одухотворенной среды города и в современных условиях. Но для этого необходимо одно условие: необходимо вернуть градостроителю ту гуманитарную культуру, которая способна превратить рационального инженера в поэта-мифотворца.

Это насущная задача современного высшего образования.

Литература:

1. Золотослов. Поэтический космос Давньої Русі. — К.: Дніпро, 1988. — 295 с.
2. Алферов И.А., Антонов В.Л., Любарский Р.Э. Формирование городской среды. — М.: Стройиздат, 1977. — 104 с.

Свиричевская А.В.

СИЛУЭТНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ В ИСКУССТВЕ И АРХИТЕКТУРЕ

Современные исследования тесно связывают науку с мифопоэтическим мировоззрением. Как известно из философии и мифологии человек всегда ассоциируется с землей, а Бог с небом, между ними находится гора или холм. Это и есть та вертикаль, то звено, которое объединяет два уровня "верха и низа". Она как бы прорыв из земного мира в божественный. А как известно силуэт "строится" на такого рода природных доминантах. Поэтому силуэт — это иерархичная система.

Иерархичность мироздания закрепились ещё в мифологии в чётком разделении мира на небесное и земное — Космос и Хаос. Как известно Платон дал свою концепцию, в которой выделил два мира: мир идей и мир материи. Эта теория Платона, с её прошедшим тысячелетия "Единым" была развита Плотинином и Проклом в стройную идею эманации из божественного единства к низшим ступеням, существующим в мире, в мир материи. Они указали и обратный путь — восхождение низших ступеней многообразия к исходному высшему единству. Неоплатонизм затем проник в средневековую Западную Европу и обрел экзальтацию и мистицизм, свойственный духу этих стран. Идея приобщения к божественному началу

воплотилась в световом низвержении Готики при материальном приобщении греховного человека к богу-свету по Проклу.

У Гегеля тоже существует иерархичная система, в которой вертикаль или силуэтом является синтез между двумя противоположными началами: тезисом и антитезисом, которые в совокупности с синтезом составляют единое развитие.

Как говорилось, силуэт это вертикаль, объединяющая два противоположных мира. Это исходит из того, что, как известно, силуэт это темная масса предмета на светлом фоне или наоборот, но так или иначе, это стык двух противоположных начал света и тьмы, земли и неба, а связующим звеном является силуэт. Интересно проследить как эта иерархия отразилась в архитектурных ансамблях и произведениях искусства и поэзии.

В стихотворении Пушкина А.С. "Пророк" четко прослеживается вертикаль, объединяющая три мира:

...И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье... [1, с.385]

Здесь человек-пророк — это вертикаль которая нанизывает на себя три мира.

Такая иерархичная система существует и в архитектурных ансамблях. Основная тема египетской архитектуры это борьба света с мраком, преодоление припятствий и выход к свету, как к источнику жизни. Этот ход прослеживается и в египетской мифологии на примере мифа о борьбе бога Ра с Апопом. Элементом стыка или синтеза двух противоположностей в египетской архитектуре являются заупокойные храмы. Обелиски и пилоны храмов при подъезде по Нилу создают выразительный силуэт, контрастирующий с гладью воды. Гряда ливийских гор, то уходящая в глубину, то приближающаяся к реке, всегда присутствует и завершает панораму, сопровождая плывущего по Нилу. Иерархичность мироздания в Египте представлена в качестве природы, фараона и человека, где посредником между Богом — природой и человеком является фараон, в отличие от древнегреческих взглядов, где человек свободен, между Богом и человеком появился объединяющий их посредник — герой.

В Древнерусской архитектуре таким элементом является объем церкви или кремля. Низкая застройка и высокий объем церкви связаны с мифическим образом древа мира, которое связало противоположные качества верха и низа, пронизав все три царства: подземное — корни, земное — ствол и божественное — крона. В Древнерусской архитектуре "происходит разговор" человека с Богом. Обычно это встреча происходит в интерьере собора, поэтому можно считать, что посредником между человеком и Богом является собор. Силуэт архитектурных ансамблей очень сложный. При близких дистанциях вся целостность архитектурного комплекса рассыпается на отдельные звенья, которые обращаются к отдельному человеку, но при этом каждая отдельная деталь имеет свою иерархичную систему.

Таким образом, исследуя примеры архитектуры и искусства можно сделать следующие выводы: в эстетическом восприятии человеком мира генетически заложены его космогонические представления. Космос разделяется на три мира: небестный, земной и подземный. Человек выделяет в земном окружении форму, являющуюся посредником между этими мирами. Вертикальная ось обыгрывается в искусстве, как объединяющее начало, причем в изображении совмещаются разные по вертикали миры.

Литература:

1. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах. Том 1. — М.: Художественная литература, 1985. — 735 с.

Трегуб Н.Е.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЦВЕТОВАЯ КУЛЬТУРА В ФОРМИРОВАНИИ АРХИТЕКТУРНОГО КОНТЕКСТА

Язык цвета родился до появления вербального языка. История искусств и языков говорит, что первыми цветами первобытных людей были белый, чёрный и красный. Язык цвета является для людей одновременно художественно-эстетической и функционально-утилитарной знаковыми системами. Первая основывается на символике цвета и цветовой культуре, вторая — на психофизиологических особенностях и реакции на цвет.

Цвет характеризуется системой устоявшихся и ассоциативно возникающих смысловых значений. Этот цветовой феномен, несущий смысловую, эмоциональную и эстетическую информацию, мы рассматриваем как цветовую культуру. Она выражает духовное состояние и уровень материально-пространственной среды общества, различных групп людей и отдельных индивидов.

В рамках различных культур развивались ассоциации цветов с предметами, явлениями и понятиями, что приводило к кристаллизации систем цветовых символов. Первый тип символизма подразумевает прямое соотношение (огонь передавался красным), второй тип — ассоциация с событием (чёрный — отчаяние, смерть), третий тип устанавливался за счёт случайного события (белый цвет для обозначения траура в Китае). Цветовая символика — это коллективный опыт предшествующих поколений. Жизнь постоянно корректировала цветовую символику. Подтверждением этому являются постоянно меняющиеся цветовые предпочтения. Идеальные цветовые предпочтения опираются на цветовую символику и эстетику, и существуют лишь в сознании. Цветовые предпочтения существенно трансформируются, когда появляется материальный объект-цветоноситель. Говоря о цветопредпочтениях следует указывать тип объектов, несущих цвет. Когда цвет органически связан с объектом, люди чутко реагируют на его непривычное использование ("голубое яблоко").

В постмодернистской архитектуре цвету предназначена гуманистическая роль. Цвет, как социокультурное явление, является основной категорией визуального комфорта, компонентом видеоэкологии, средством коммуникации, важной составляющей любой национальной культуры.

Сегодня состояние колористики украинских городов можно считать неудовлетворительным. С одной стороны, преобладающая однообразная нейтральная (бело-серая) гамма застройки жилых микрорайонов, с другой стороны, центральные части городов перенасыщены разноцветными включениями элементов рекламного дизайна, что в одинаковой мере создаёт визуальный дискомфорт и дисгармонию. Утрата традиций цвета в архитектуре очевидна. "Интерьеры" улиц и интерьеры общественных зданий (магазинов, кафе, офисов, гостиниц и т.п.) характеризуются активизацией интеркультурных влияний западноевропейских стандартов. Представления о красивом помещении связываются с термином "евроремонт", который предполагает создание среды благодаря "джентльменскому набору" унифицированных отделочных материалов для стен, потолков, полов, осветительных приборов, металлопластиковой "столярки" окон и дверей. Такое засилье тиражированных элементов способствует, с одной стороны, целостности контекста, а с другой стороны, делает все объекты однообразными, рафинированными и безликими.

Стремление специалистов различных сфер искусства, литературы, музыки к глубокому познанию этнического наследия, своих "корней" стало главным признаком культурной жизни независимого государства. Поэтому обращение к изучению колористики исторической застройки городов и воскрешение цветовых образцов ранней украинской архитектуры с целью их переосмысления и внедрения в современные градостроительные проекты является актуальной проблемой формообразования. Тщательный анализ традиционной архитектурной колористики в условиях разно-

образа украинских регионов имеет большое практическое значение. По данному направлению уже проведены исследования и выявлены закономерности традиционных цветовых решений городов Киевской Руси (А.В. Ярошенко), украинских сёл и народной предметной среды (С.К. Лемешев). В каждом районе Украины (как в прошлом, так и теперь) можно найти определённый ведущий композиционный мотив и излюбленные цветовые сочетания.

Большое значение для процесса формирования колористики современных градоструктур имеют выделенные В.Ж.Елизаровым (Москва) перспективные тенденции развития региональных цветовых начал: органичное взаимодействие с природным цветопейзажем и учёт климатических условий, возрождение строительства из естественных традиционных материалов, развитие местных традиций полихромии в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве, использование языка национальной цветовой символики, соответствие современным цветовым предпочтениям местных жителей.

Выявление и систематизация знаков, составляющих архитектурные тексты украинской традиционной культуры, позволит расширить арсенал композиционных средств цветоформообразования и создать этнодизайн среды, который будет соответствовать неповторимой украинской ментальности.

Фондорко Е.Е.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО РАЗНОКООРДИНАТНЫХ СИСТЕМ

Как известно, архитектура — это искусство формирования пространств для человеческой деятельности, как материальной так и духовной. Эта область деятельности — мощный фактор, синтезирующий науку и эстетику. Для архитектуры материальный аспект является главным и, конечно, эстетический не должен противоречить ему. Но и эстетика не является лишь средством оформления функционально комфортных пространств. Она должна серьезно влиять на них, естественно, не противореча их требованиям. Ведь эстетика среды влияет на культурный уровень индивидуума и общества в целом, на наше развитие, настроение, самочувствие. Наблюдается и обратная связь: произведения-шедевры архитектуры носят на себе отпечаток эпохи, являясь прямым отражением философско-эстетического мировоззрения общества.

Задача современной архитектуры — быть достойным выразителем идей времени, формировать среду проживания современного человека в соответствии с новыми требованиями, диктуемыми стремительным ростом населения, развитием науки и техники.

В связи с этим возникают новые градостроительные проблемы. Одной из них является проблема ориентационных взаимосвязей во все более разрастающейся урбанизированной ткани окружающей среды. Увеличение масштабов городских территорий вызвало то обстоятельство, что города давно уже утратили свою первоначальную моноцентрическую структуру. Сейчас любой город — это система взаимосвязанных и взаимоподчиненных общественных центров. Обеспечить эту взаимосвязь на уровне визуальном — одна из задач современного градостроительства.

Цель статьи — изложить взгляд, согласно которому читаемость имеет ключевое значение в сложении города, и выразить мысль, как эта идея может быть применена на практике (использована при перестройке городов).

В опознании и упорядочении восприятия окружения участвует множество ощущений: визуальные ощущения цвета, формы, движения обоняние, слух, осязание, чувство тяжести и, возможно, электрических и магнитных полей. Виды ориентирования, начиная с полетов ласточек через океан и кончая движением моллюска на камне, описаны в соответствующей литературе. Психологи изучают эту способность

и у человека, при чем существование какого-то мистического "инстинкта" ориентации мало вероятно. Скорее речь идет о постоянном использовании определенных ощущений внешней среды. Характер организации этих ощущений имеет важное значение для эффективности свободно движущейся жизни.

В современном городе чувство полной потери ориентации, пожалуй, редкость. Нас на сознательном уровне поддерживает присутствие других людей, нам помогают специальные устройства для отыскания пути и т. п. Но стоит хоть раз потерять ориентацию, и ощущение беспокойства и даже страха немедленно показывает нам как тесно связано чувство ориентации с чувством душевного равновесия и благополучия. Само слово "потерялся" значит на нашем языке гораздо больше, чем географическая неопределенность, оно несет в себе оттенок полной катастрофы.

В процессе отыскания пути образ окружения, обобщенная мысленная картина окружающего материального мира в сознании человека имеют ключевое значение. Этот образ одновременно и результат непосредственного ощущения, и память о прошлом опыте. Он играет принципиальную роль как в осмыслении информации, так и в руководстве действием. Необходимость распознать и определится в окружающей нас обстановке настолько существенна и так глубоко укоренилась в сознании, что это стало для индивида практически и эмоционально важно.

Эта потребность уходит своими глубинными корнями в сознание человека чрезвычайно далеко, в доисторический период формирования архетипических представлений. Среди широко известных ориентационных архетипов — крест (перекрестье) как символ четырехмерности мироздания; мировое дерево — как вертикаль-ориентир в направлении "верх-низ", "небесное — земное" и т. п.

Очевидно, что ясность образа окружения позволяет легко и быстро перемещаться с целью отыскания нужного объекта. Но упорядоченное окружение содержит в себе и нечто большее: оно может служить широчайшей системой соотнесения, организующей деятельность, представления или знания.

На основе понимания структуры города, к примеру, можно упорядочить значительное количество фактов и представлений о природе мира, в котором мы живем. Как и любой добротный каркас, такая структура предоставляет каждому возможность выбора и служит опорой для накопления дальнейшей информации. Ясный образ окружения является, таким образом, солидным основанием для саморазвития индивида, о чем уже говорилось выше.

В противовес беспокойству, вызываемому утерей ориентации, добротный образ окружения дает важное чувство эмоционального комфорта и помогает установить гармоничные отношения между личностью и внешним миром.

Какой же должна быть структура города?

Есть одна особенность функционирования архитектурной среды любого масштаба. В общей теории систем она обозначена как триада: материальное — энергетическое — информационное.

Каждое отдельное пространство, каждая отдельная функциональная зона и градоформирующий объект может функционировать лишь при наличии связей между ними: движения людей, грузов, энергии. Как результат взаимодействия таких внешних и внутренних факторов, формируется композиционная структура города как система, подчиняющаяся определенным закономерностям.

Разнокоординатная система образуется в результате пересечения путей движения (внешних и внутренних), которые, в свою очередь, обусловлены внешними связями города и особенностями ландшафта местности. В структуре города формируется ряд узлов, которые "держат" композицию города в целом, а также город в пределах региона.

Узлы формируются путем усиления нескольких хорошо обозримых, пластически активных естественных форм силуэтными архитектурными сооружениями. Каждый из них, в свою очередь, формирует первый план при глубинном обозрении главной региональной природной доминанты. К примеру, такой регио-

нальної домінантою Кримського півострова являється височайша вершина Криму – Чатырдаг. На території Придніпров'я – це акваторія Дніпра.

Вищеуказанні вузли складають систему акцентів, переводящих погляд з одного напрямку в другий. Дослідження показали, що такі акценти, володіючи властивостями шарніра, сприяють переводу різно координатних систем не під прямим кутом.

Таким чином формуються в градостроительних ансамблях різнокоординатні просторові системи. Однією з таких систем є просторова система трикутника, думка про існування якої виникла при аналізі градостроительних ситуацій ряду міст.

Тема трикутника, трійчності широко розповсюджена в мистецтві і міфопоетическому творчості, філософії. Трійчність представляється найбільш цілісним, статичним властивістю.

Місто може бути усвідомлено як ціле при наявності трьох домінант, які при русленні спостерігача зміщуються відносно один одного і, таким чином, дозволяють визначити просторово-часову позицію спостерігача по відношенню до міста. При пам'ятних сопоставленнях таких поєднань стає зрозумілим і внутрішній структура міста.

В якості аналогів по даній темі в області архітектури можна розглядати градостроительні ситуації Петербурга, Венеції, Флоренції, Вільнюса, давнього Пекіна. В цих містах домінанти складають яскраво виражений просторовий трикутник.

Так флорентійський собор Санта Марія дель Фьоре (Дуомо) в поєднанні з вежею Палаццо Веккіо – першокласний приклад трійної системи віддалених орієнтирів: видимі вблизи і вдалі, вдень і вночі, ці висотні споруди впізнаються безпомилково; вони нерозривно пов'язані з історією міста; їх розташування збігається з транспортним вузлом; вони формують загальноміський центр; купол собору просторово взаємопов'язаний з дзвіницею таким чином, що спостерігач легко встановлює напрямок навіть з великої відстані.

Просторову композицію центру Венеції визначає головний акцент – вежа Кампанелла в поєднанні з куполом двох церков. В Венеції, завдяки своєобразності лагун, основні вертикалі міста – вежа Сан-Марко, купольні споруди церков Сан-Джорджо Маджоре і Санта Марія делла Салуте – знаходяться в просторово-візуальній взаємозв'язці між собою, утворюючи просторовий трикутник.

Для чіткого усвідомлення кожного структурного рівня в градостроительстві, від регіонального до мікро-рівня, необхідно наявність в кожному з них як мінімум трьох домінант. Ці трійчності системи повинні знаходитися в ієрархічній взаємозалежності, щоб організувати чітку послідовність, спрощуючу орієнтацію в міській середовищі.

Алексєєнко А.П.

ЖІНОЧЕ НАЧАЛО У ДУХОВНОСТІ УКРАЇНСЬКОГО ЕТНОСУ

Сучасна духовність українського етносу може бути зрозумілою до кінця тільки при умові з'ясування тих першоджерел її характерних рис, які сформувались і закріпились в ній на протязі певного історичного часу, і перш за все у дохристиянський період. Після прийняття християнства вони набули нової якості. Але на протязі століть ці риси виступають основою душі народної культури, не дають їй загинути навіть у найскладніших умовах сьогодення часу.

Однією з таких рис є жіноче начало, під впливом якого розвивалась духовність українського етносу. В цьому можна побачити глибокий символічний зміст.

Культурофілософ Т.Маланюк, аналізуючи культурно-антропологічні чинники українського буття, звертав увагу на те, що для українського менталітету були притаманні м'якість, лагідність, "розспіваність", навіть "жіночість" українців. На його думку, вони стали руйнівними для українства, оскільки не врівноважувалися іншими раціональними, вольовими, так би мовити, "чоловічими". Автор завжди жалкував, що варязький мужній первінь не набув у культурі України-Русі домінуючого значення. Але це та риса, що нерідко породжує агресивність, може привести до зникнення цілої нації. Завдячуючи так званому "жіночому началу" Україна зберегла не тільки свою особисту духовну традицію, але і уявлення про духовність жінки.

Для того, щоб рости народ, перш за все розтлівають жінку, яка охороняє життєві сили сім'ї і родової пам'яті, домашнього спокою. Масове ростління жінок приводить до розмивання життєвої сили сім'ї, до падіння моралі та її виродження. Якщо деградує етнічна свідомість і згасає воля до життя, народу вже не вистачає сил підвестися до рівня духовного життя. Чи не це нас чекає на шляху занадтої раціоналізації?

Аналіз змісту київського язичницького пантеїзму дозволяє прийти до висновку не тільки про значний рівень української духовності, але і пояснити значення жіночого начала, як в утворенні світу, так і в розвитку національної духовності.

Історія свідчить, що жіноче начало не тільки займало гідне місце в українській культурі, а часто обожнювалося. Жіночість майже завжди була на першому плані у вітчизняній традиції.

Перш за все вона виявляється у назві "Україна" та її здрібнених формах: "Українська", "Україночка", що свідчить про глибоку прив'язаність до України як до матері, матері усіх людей. В цьому випадку Україна виступає як всеохоплюючий архетип матері-жінки.

В історичній пам'яті українського народу навічно залишився символ Березині. Він безпосередньо пов'язаний з праобразом жінки як оберігачки родини, племені, народу. З давніх часів і для усіх народів жінка втілювала затишок родинного вогнища: народження і виховання дітей, збереження родовідних традицій та обрядів, привітність і лад в оселі, тобто жінка була і залишається носійкою родинного тепла, своєрідним оберегом духовних цінностей.

Василь Скуратівський у "Мандрівках до Русалій" дає всебічний аналіз образів великих богинь – Березині, Рожаниці, Дані, кожна з яких втілювала певні риси не тільки українського жіноцтва, а і багатьох сімейно-побутових і національно-господарчих традицій. Так, наприклад, Рожаниця була супутницею, подружньою парою Бога-творця, і опікувалася людською долею, передовсім жіночою. В її обов'язки входило сприяти жіночим пологам, тобто давати життя дітям, в широкому розумінні – продовжувати родовід.

Не менш цікавим і загадковим є образ Дани, що вважалася богинею річок, тобто води. Оскільки вода вважалася жіночим началом, то природно мала бути й богиня відповідної статі. В уявленнях праслов'ян Дана – не просто вода, це пасивна жіноча субстанція, жіноче начало Всесвіту. І інші світлі боги українського народу часто втілювалися у жіночих образах. Це і богиня Сонце, що змальовується в образах княгині, матері, вдови, а, пізніше Сонце з'являється в образі княгині-хазяйки. Богиня Заря, що має відношення до небесної води, роси, яка падає на світанку на землю. Від неї набираються соком яблука у садах, а у полі – пшениця. Богиня Туча називається білою дівчиною, вона є німфою небесної води, яка відіграє велику роль в житті всього живого на землі.

На основі цих прикладів можна дійти висновку, що жіноче начало прирівнювалось до субстанційного начала, тобто до загальної первинної основи.

Важливою рисою української народної архайчної культури, де знайшов своє яскраве відображення національний характер, було те, що вона стверджувала домінування жінки над чоловіком. Ще до початку XX століття життя українського села значною мірою регулювалося традиціями і звичаями, головна роль в яких

відводилася жінці. Не дивлячись на те, що чоловік також виконував деякі обряди господарського циклу, режисура і виконання більшості обрядів, що мали важливе значення для життєдіяльності та існування колективу, громади, виконували жінки. Цим самим вони творили світ, в якому жили: громадські макрокосм і особистий мікрокосм. Цікаво і те, що якщо до участі в обрядах залучалися жінки будь-якого віку: від дівчаток і підлітків до жінок літнього віку, то серед чоловіків перевага надавалася старійшині роду. В обрядах життєвого циклу, що регулювали побут кожної родини, жінка була головною жрицею. Етнографічна література має відомості про суто жіночі зібрання, які були спрямовані на посилення сексуальної енергії жіноцтва. Отримана енергія та активність жінок повинні були вплинути на майбутній урожай, плодючість худоби. Не дивлячись на те, що подібні обряди відносяться до доби матриархату, побутування їх мало місце навіть на початку ХХ століття.

Українська жінка була відносно вільною. Незалежність жінки має відповідні пояснення. В період існування козацтва чоловіки, щоб обороняти рідну землю йшли на роки із дому. В цих умовах жінка брала на себе всі функції по забезпеченню життєдіяльності сім'ї, оселі або маєтку. Як ніде в Європі, козачки мали рівні зі своїми чоловіками права, підписували документи, а найздатніші мали право на підписання державних угод. Але на козацках лежали не тільки подружні, сімейні обов'язки. У традиціях Київської Русі було опікування жінками освіти, сиріт, страждених. Жінки брали активну участь у діяльності шкіл, шпиталів, друкарень, які існували при храмах і монастирях. Українські жінці належить, якщо не провідне місце, то поряд з чоловіками у найвирішальніші часи історії. У той час, коли чоловіки захищали рубежі, жінки, які мали відповідну високу освіту, заміняли їх у суспільному житті, брали на себе відповідальність за все що відбувалося в житті середньовічного міста.

Пріоритет жіночого начала знайшов своє відповідне місце в символіці життєвих сил і проявів. Ці символи несли в собі високий духовний зміст, бо пов'язували все оточення українців з вищими силами космотворення, виступаючи як символи-посередники містичного і магічного світів. Найпоширенішим символом українського етносу є калина. У багатьох піснях — це символ ясної, палаючої краси, чистоти, дівочості, незайманості, моральності, дівочого кохання, материнства. За популярністю символ калини не має рівних. Вона оспівана у сотнях пісень. В народній символіці калина виражає красу і силу Життя, людську долю, єдність нації, Батьківщину — тобто всі основні компоненти історичної свідомості і пам'яті українця. Р.О.Климкевич, який проаналізував понад 500 українських пісень, де згадано цей символ, розкриває багатогранні нюанси його значень. Він показує, як у піснях калина репрезентує молодість і її втрату, сиротинство, пристрасть і любовну тугу, животворчі і смертоносні сили та інше.

Чи не є це одним з джерел того, що в поетичній творчості Шевченка жіноче начало висувається на перший план перед чоловічими. Поет виводить постать жінки і дає їй особливе, своєрідне освітлення, в якому представляється йому жіноча душа і жіноча доля. У жінці поет оспівував не тільки її красу: вона була для нього разом храмом святості, тобто Шевченко мав для жінки крім естетичного, також і релігійний культ, який концентрувався передусім довкола двох точок: дівочої незайманості і материнства. В певному значенні ці риси можна розглядати як своєрідне продовження тих, що знайшли своє відповідне втілення в образі калини. Такі цінності, як краса і святість в'язалися в почутті Шевченка легше з єством жіночим, ніж з чоловічим. В поезії Шевченка зустрічаються два способи відчуження жіночого начала. З одного боку, жінка є чимось світлим, ясним, що має в собі міць втихомирювати біль, осушувати сльози і уповатися щастям. В той же час жінка стає олицетворінням неволі, образом болю і муки. Ідеальна жіноча постать об'єктивує у поета нутро власної душі, і одночасно є образом його матері.

Зазально відомо, що рівень культури кожного народу визначається його ставленням до жінки. Виходячи з цього, можна твердити, що українці належать до

висококультурних народів світу. З давніх давен, зазначав І. Франко, всі вчені люди, які пильно придивлялись до життя українського народу, визнавали, що українці поводитись із своїми жінками набагато лагідніше і гуманніше, ніж їхні сусіди. Істини, проголошені в духовності українського етносу відносно жінки вічні і ніколи не старіють. Інша річ, що для втілення цих істин у життя кожна історична доба може вносити певні зміни, але їх основа постійно залишається незмінною.

Ідеальна українська жінка, чий образ на протязі століть змальовувала література і народнописенна творчість, мала певний, освячений традицією набір моральних якостей і фізичних даних. З часом цей ідеал не дуже змінився, хоча умови життя жінки і суспільні вимоги до неї набули суттєвих змін і часто-густо заставляли її діяти всупереч цьому ідеалу. Це відноситься і до сучасного періоду розвитку нашої держави. Уявлення про жіночий ідеал має реальну основу у соціокультурній дійсності. Саме соціокультурні традиції, норми, цінності українського суспільства ставали основою формування новоукраїнської політичної і соціальної спільноти жінок.

Прийнявши сьогодні за основу західну модель ринкового господарювання, яку ми проектуємо на вирішення різноманітних проблем людської життєдіяльності, не обходячи при цьому і проблеми жінки-ідеалу. При цьому забуваємо, що в історичній пам'яті українського народу, на глибині його національної ментальності, в духовних основах національного характеру цей ідеал був присутній завжди. Пріоритетність жіночого начала в українській духовності почасти обумовлена тим, що жінка втілює в собі глибинну рису духовності – здатність на самопожертву.

Українська жінка шляхом самопожертви вистраждала такий ідеал відносин і шлях вирішення проблем, коли турбота про себе поступається місцем піклуванню про інших, здатністю пожертвувати власним "Я" в ім'я іншого. Терпимість, поважне відношення до оточуючих, прислуховування до думок і почуттів інших людей – саме ці риси знайшли відбиття в характеристиках "жіночого" на протязі всього історичного часу. Про це свідчать історичні хроніки, художні твори, наукові дослідження (Маланюк, Шлемкевич, Мірчук, Цинбалистий).

З давніх давен українська жінка була особою активною й соціально заангажованою. Культурна традиція приписує жінці природність, тоді як чоловік вважається істотою соціальною. Хочеться сподіватися, що ця природність жіночого начала, що була притаманна ще прапрапрабабцям, дасть можливість у складних сучасних умовах зберегти не тільки державність і незалежність України, а й перш за все її духовність і жіночість.

Тарасенко І.В.

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ДУХОВНОСТЬ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Одной из особенностей происходящих ныне научных, культурных и социальных преобразований становится формирование синтетического, целостного подхода в познании и отношении к окружающему миру. Такие изменения обусловлены многими причинами, среди которых немалое значение имеет пробуждение самосознания и самопознания женского начала, способствующее переосмыслению целей, функций и взаимосвязи естественных, технических и гуманитарных наук, а также восприятию того, что считать наиболее адекватным выражением женского начала во всех сферах культуротворчества, в науке, в искусстве, в политике, а также хозяйственной деятельности.

В женских исследованиях все, создаваемое человеком, – наука, экономика, социальные и мировоззренческие системы, – считается зависящим от его пола. Установка на приоритет разума (ассоциирующегося с "мужским"), рационального

познания и логики долгое время оказывала значительное влияние на смысл и содержание всех областей знания. Рассмотрение науки как преимущественно "мужской" сферы деятельности отразилось на понимании "природы" научного знания, на выборе наиболее адекватных методов ведения научных исследований. Массовый приток женщин в течение XX столетия в сферы, традиционно считавшиеся мужскими, усиление внимания к особенностям женского сознания, логики оказали влияние на переосмысление научных методов: редукционизм, идеи линейных зависимостей дополняются концепциями целостности, холизма, идеями нелинейных зависимостей и самоорганизующихся систем.

Психологами выявлены различия между женщинами и мужчинами в мотивациях при выборе научной деятельности: женщины проявляют интерес к практическим улучшениям социальных потребностей от научных результатов, мужчины, в основном, не обращают на это внимания [1]. Так, К.Гиллиген установлены половые различия в восприятии отношений с другими людьми, окружающим миром [2]. Например, при возникновении нравственных затруднений женщины ориентируются на целостное восприятие социальной ситуации и личную ответственность во взаимоотношениях с людьми, мужчины – на абстрактные нормы, ценностные установки и права личности.

Односторонность мужского начала повлияла на сосредоточенность мужчин в научной (и шире – профессиональной) деятельности и рассмотрении домашней работы, семейных забот как "естественно" предназначенных для женщин. При таком подходе, называемом эссенциалистским, проявления и восприятие женского начала ограничивается биологическим, природно-телесным уровнем. Марксистский подход в рамках "социалистического феминизма", казалось бы, предоставил женщинам возможность активно осваивать производственные и научные "области занятости". Однако положение мужчины в семье, его отношение к домашнему труду и воспитание детей это практически не изменило. Женщины в стремлении к развитию духовно-творческих способностей, профессиональных качеств оказались под гнетом "двойной нагрузки".

В современной культуре поднимается "вопрос о способах включения мужчин в производство самой жизни" [3]. Тенденция к рассредоточенности мужчин и женщин в профессиональной и семейной деятельности, может способствовать снятию дихотомии "работа-быт" и устранению многих социальных проблем современного общества.

В процессе развития женского движения формируется понятие "гендер". В настоящее время существуют различные его трактовки [4]. Мы подразумеваем под гендером совокупность (в пределе – целостность) биопсихосоциокультурных характеристик пола, на основе чего индивид относится (собой и другими) к мужчинам или женщинам. Введение понятия "гендер" в таком понимании свидетельствует о трансформации смысловой направленности понятия "пол": из сферы биологической, природно-телесной акцент перемещается в сферу духовно-экзистенциальную, следовательно, культуротворческую. Гендерные исследования подразумевают изучение особенностей и женского, и мужского начала, их отношений и моделей поведения. Таким образом, понятие "гендер" не игнорирует мужское, а рассматривает женское и мужское во взаимосвязи, снимая противостояние между ними даже в тех случаях, когда речь идет о гендерном неравенстве (феминные – маскулинные представления подчеркивают такую оппозицию).

Развитие особенностей женского начала (таких как многомерность, синтетичность), на наш взгляд, повлияет не только на бытие-в-культуре женского начала, но и на бытие самой культурной целостности: оно будет способствовать созданию многомерной, синтетичной культуры, черты которой уже угадываются в культурных реалиях эпохи. На протяжении нескольких столетий европейская наука играла роль основного источника мировоззренческих представлений и культурных ценностей, в основном она определяла европейское мировосприятие и мироотно-

шение. В XX веке положение науки как "творящей точки синтеза" изменилось [5]. Успешная перераста качество "техногенной", европейская цивилизация вновь стала обращаться к забытым областям знания, к иным формам постижения мира. Можно предположить, что для намечающейся культурной целостности будет характерно органичное объединение научных, религиозных и философских представлений.

В современных культурологических представлениях наметилась тенденция к интеграции как "наук о культуре", так и "наук о природе". Среди многочисленных определений культуры в данном случае определенный интерес представляет трактовка культуры Н. и Е.Рерихами как целостности, синтетически объединяющей науку, религию и искусство. В древности такой синтез находил яркое выражение в мистериях, что подтверждается современными реконструкциями древних культов. Интересно, что женщинам отводилась в них важнейшие роли, т.к. в древности связь женского с духовностью имела своеобразные проявления. Например, изображения на древних печатях свидетельствуют о том, что на Крите культовые жертвоприношения и молитвы совершались и мужчинами, и женщинами, но в *женских одеждах*. Миртовые "венки невест" украшали будущих участников Элевсинских мистерий: "Мист должен быть восприимчив, способен к зачатию, чтобы потом перераста себя; на созерцательной ступени это означает: как мать сына, он должен произвести на свет новую, духовную личность. При этом естественный пол роли не играет" [6].

В различных культурах поддержание нравственности на протяжении истории более связывалось с женским началом. В современном обществе обсуждаются вопросы о гуманизации науки, о моральной ответственности ученых перед социумом. Современным ученым при проведении научных исследований, при практическом использовании научных достижений все больше приходится учитывать общечеловеческие этические ценности.

Развитие женских исследований способствует и переосмыслению красоты, любви, творчества и труда. Качество "красоты", более связываемое с женским началом, в маскулинной культуре принимает форму императива, требования к женщинам: быть воплощением телесной красоты. Ограничение понимания любви телесностью накладывало свой отпечаток на трактовку творчества человека как сублимации сексуальных влечений. Понимание космичности, божественности любви (на чем настаивали, например, Рерихи) будет способствовать выявлению высших творческих сил людей. Характерное для ситуации постмодерна в культуре многомерное восприятие реальности, введение культурных достижений прошлого в создание новых смыслов и значений вполне соотносимо с женскими качествами. Мать, наблюдающая за духовным становлением ребенка, женщина, критически относящаяся к мужскому поведению, стремятся в общении к согласованию сознаний и действий, поэтому не случайно в женской логике видимое отсутствие "абсолютной шкалы ценностей". Женская логика отличается от мужской, так как в ней "действуют другие законы, другие измерения времени и пространства, добра и зла, красоты и истины, справедливости и долга" [7].

Изучение (тем самым – самопознание) женского начала в культурантропологическом ракурсе, учитывающем взаимовлияние формирования и проявления женского начала и развитие культуры, обращение к особенностям женского поведения и логики способствует развитию норм и методов научного познания, которые дополняют уже существующие, способствует переосмыслению самой "природы" науки, а также изменению мироотношения и связей человека с действительностью, по крайней мере, среди прочих причин, ведущих к "концу истории", распадающейся на прошлое, настоящее и будущее, т.е. имеющей начало и предполагающей конец, не последнее место занимает становление – как самосознание – женского начала, обнаруживающего и формирующего себя в женских исследованиях. Слиянием прошлого, настоящего и будущего в переживании истории как "со-бытийности",

соотнесенности с жизнью космоса, что соотносимо с "многомерным" и синтетическим женским началом, история приобретает иное качество, "духовного измерения".

Литература:

1. Виноградова Т.В. Интеллектуальные и творческие способности женщин: значение биологических и социальных факторов. // Женщины в науке (реферативный сборник). – М.: 1989. – С.133.
2. Порус В.Н. Наука с точки зрения феминизма. // Женщина в науке (реферативный сборник). – М.: 1989. – С.161, 162.
3. Федосеева Н. Проблема гендерного неравенства. // Преображение. – 1996. – № 4. – С.18.
4. Темкина А. Феминизм: Запад и Россия. // Преображение. – 1995. – № 3. – С. 15,16.
5. Шапошникова Л.В. Синтез действенного блага ... // Человек. – 1994. – №1. – С. 90-102.
6. Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. – М.: Энигма, 1996. –С. 89.
7. Курбатов В.И. Женская логика. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост.ун-та, 1993. – С.9.

Калужный В.Н.

ФИЛОСОФИЯ НА ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОМ ПУСТЫРЕ

В сценарии человеческой комедии философии принадлежит особая роль.

В пантеоне культуры философия как будто не находит себе места. Чем только она не рядилась! И царицей наук, и служанкой богословия, и учительницей жизни. Она то рабски следует за физикой, то поучает естествознание. То демонстрирует образцы логичности, то выходит за грань абсурда. То создает литературные шедевры, то нарушает языковые нормы. Она ищет абсолют и учит относительности; восстает против очевидности и соглашается с явными измышлениями; идя на свет, забредает в дебри. Ее имперские амбиции (вечные истины, всеобщий логос, необходимые законы) сочетаются с уничижением ("Я знаю, что ничего не знаю"). Образ философа варьирует от педанта в мантии до трясущегося шамана с огнем в глазах и нечленораздельной речью

Философия и элитарна и демократична. Народная мудрость напрямую сообщается с эзотерической. Иной афоризм стоит целой теории.

Вход в философию свободен. Ей служат и гении и дилетанты. В одной упряжке оказываются бож Жюген и легионер Декарт, филолог Ницше и библиотекарь Федоров, психотерапевт Фрейд и физик Бор. Размышления влекли римского императора и председателя совнаркома, но чаще правителей тянет в мистику или языкознание.

Интерпретация философского дискурса – штука тонкая.

Отношения с наукой у философии также не просты. Если первая степенна, объективна, то вторая пристрастна, вдохновенна. В то время как наука стремится к истине, философия хочет понять и что такое наука, и что есть истина. Всякий раз, когда ученый устанавливает твердое положение, философ старается показать его ограниченность. Наука скорее упрощает (отождествляет), философия – усложняет (различает). Для одной все кошки серы, для другой каждый кот гуляет сам по себе.

Со времен семи греческих мудрецов много воды утекло, но еще больше было выпущено многочисленными эпигонами. Следствием безвизового режима стало засорение философии разного рода подделками и симулякрами.

Утратив власть над умами, боссы от философии в посттоталитарном обществе пытаются сохранить ее над подчиненными. Призванные быть научными

семинары проводятся в режиме партийных собраний – с заранее подготовленными решениями и полным единодушием. Тезис "своя рука – владыка" остается непоколебимым. Зато принцип партийности заменил куда более доходчивый принцип групповщины и кумовства. Доселе стройные ряды распались на множество сект и альянсов. Разброд и шатание набирают обороты.

Не успели на постперестроечном пространстве проклюнуться всходы разумного, доброго, вечного, как их стала забывать невеста откуда взявшаяся поросль postmodernism'a. Заморский злак освоился в отечественной почве не хуже картофеля. Верные (еще вчера) мичуринцы беззаботно вкушали вершки и корешки, позабыв, что корень жизни отличается от корня зла.

Постмодернизму все возрасты покорны. Постмодернизм светит каждому. Светит, но не греет. Свет его – отраженный, причем многократно. Природу его понять не просто. Дешифровка названия этому не помогает.

Постмодернизм определяется не с идейной стороны (как материализм, идеализм...), а с чисто практической. К нему примыкают не по принципиальным соображениям, а по конъюнктурным. "Постмодернизм" – это скорее пароль, клич, сигнал сбора. Под его знамена стекается разношерстная толпа. В ней нет ни эллина, ни иудея, но много бывших марксистов и грядущих хамов, нищих духом и богатых воображением, юных дарований и классных дам.

Что объединяет эту пеструю компанию, так это ненависть к существующему строю мысли, отказ от сложившейся системы ценностей, неприятие идеи порядка. Громя создания интеллекта, постмодернизм не оставляет камня на краеугольном камне. Наследники луддитов крушат логический аппарат, механизмы мышления. Причем, если для превращения космоса в хаос пролетариат использовал булыжник, то постмодернизм – "деконструкцию".

Постмодернисты питают болезненный интерес к аномальному. Творческая слабость компенсируется подглядыванием за производительными силами и соответствующими отношениями других. Запретный плод им сладок и приятен.

Постмодернисты любят не только сражаться, но и играть.

Среди любимых – игра словами. Искусство требует жертв, а игра – соответствующего инвентаря – языка.

Лексический запас постмодернистов карман не тянет. Ряд слов депортирован из классической философии. Правда, в процессе транспортировки полновесные символы превратились в художественные знаки. В чести термины авторитетных дисциплин: геометрии, физики... Другое дело, что их значения изменились до неузнаваемости; тела и фигуры деформировались, материя вышла из подчинения общепринятым законам.

В словаре богато представлены междометия. Популярны экспрессивы. Повышенная экзальтированность носителей языка заставляет их обращаться к сильным выражениям. Показательно, что у каждого уважающего себя постмодерниста имеется фирменный (товарный) знак, обеспечивающий его (само)идентификацию. Это – "деконструкция" – Деррида, "сверхсгибание" – Делеза, "интенсивности" – Лиотара, "машины желания" – Гваттари, "сингулярности" – Вирилио.

В речи постмодернистов доминирует механизм номинации. Именование позволяет лишь прикоснуться к предмету, но не проникнуть вглубь. Скольжение по поверхности вещей не раскрывает их сущности. Разворачивание постмодернистского дискурса напоминает ритуальную пляску. Речевые акты постмодернистов ярко театрализованы. Манипуляция словами трансформируется в манипулирование слушателем. Высказывание является не более, чем замаскированным предположением. Обоснование подменяется постулированием. Не связанные узами дедукции, все предположения равноправны, где вывод, где гипотеза, – различить затруднительно. Не создавая ничего нового, постмодернизм как бы ведет паразитический образ жизни.

Постмодернизм — смесь культур элитарной и массовой. Он спекулирует на тяге человека к высокому, но разворачивание постмодернистского дискурса напоминает ритуальную пляску.

Манипуляции словами трансформируются в манипулирование слушателем. Высказывание является не более, чем замаскированным предположением. Обоснование подменяется постулированием. Не связанные узлами дедукции, все предложения равноправны. Где вывод, где гипотеза, — различить затруднительно.

Не создавая ничего нового, постмодернизм как бы он ведет паразитический образ жизни.

Постмодернизм — смесь культур массовой и элитарной.

Постмодернизм спекулирует на тяге человека к высокому, но предлагает сниженный, адаптированный вариант. Примитивизуя сложное, он запутывает простое; вульгаризуя возвышенное, он вдохновляется скабрёзным. Не в силах одолеть трудный путь к вершине, он с комфортом располагается у ее подножья.

Бульварная литература любит пощекотать нервы обывателю. Постмодернизм запугивает интеллектуальным триллером. Не видящие дальше собственного носа пророчествуют о конце света, остановке времени. В эсхатологии постмодернизма нет подлинной трагичности; Вместо катарсиса — истерика, переполох вместо самоуглубления. Страсти по постмодернизму обарачиваются фарсом. "Он пугает, а мне не страшно", — ставит в этом деле точку Лев Толстой.

Красиков М. М.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ФИЛОСОФИИ Л.Н.ТОЛСТОГО

Обычно говорят: "Толстой прежде всего художник". Под словами Г.В.Плеханова: "Я считаю его гениальным художником и крайне слабым мыслителем" [1] охотно подписались бы многие из современников великого писателя равно как и людей конца XX века. Носравным правом можно сказать: "Толстой — прежде всего философ".

Думая о конкретном воплощении толстовского мирозерцания, можно, воспользовавшись выражением Г.С.Померанца, сказать, что Толстой в художественных произведениях "мыслит характерами мыслителей" (Пьера, князя Андрея, Левина), а в педагогических, философских, публицистических произведениях волея-неволей создает художественно убедительный характер мыслителя, имя которому — Лев Толстой, но который все-таки не вполне равен биографическому Л.Н.Толстому.

Когда речь идет о философском аспекте художественного произведения, надо помнить, что философские взгляды писателя могут быть выяснены только через раскрытие *художественного* смысла *всего* произведения, вытекают из этого смысла, и только в большем или меньшем приближении могут быть выражены на логико-понятийном уровне самим автором или исследователями. Философская мысль в художественном произведении должна быть доказана художественно, т.е. изображена, внушена читателю, подана "заразительно", если воспользоваться толстовской терминологией. Однако она в то же время не должна быть однозначной, не должна потерять ничего из сплава своих компонентов, из невидимой, но обязательной своей ауры. Философские взгляды автора не только стоят за всем тем, о чем он повествует; они рождаются и раскрываются *в процессе* повествования, т.е. их нельзя выжать из текста, как сок из лимона (чем довольно часто занимаются исследователи), а нужно увидеть, понять, раскрыть их в самодвижении художественной реальности.

"Война и мир" — необычное произведение: здесь то тут, то там разбросаны более-менее пространные философские рассуждения, а в конце они составляют даже целый трактат. Далеко не все ученые устояли перед искушением проанали-

зирать их именно как "взгляды", а "все остальное" рассмотреть сквозь их призму, т.е. как иллюстрацию к воплощению данных воззрений автора.

Когда происходит выхолащивание художественного ингредиента из философии Толстого и подтягивание этой философии к некоей "доктрине", возникают воистину нелепые трактовки: "Героям, воплощающим идеалы его моральной доктрины (самопожертвование и самоотречение), Толстой противопоставляет в своих произведениях героев-эгоистов, для которых личное благо и наслаждение – закон действия. Диалектика борьбы этих принципов завершается в "Воине и мире" (1863-1869) апофеозом семьи и крушением эгоизма" [2]. По видимости все верно, но только по видимости. А как же быть с судьбой Сони, с ее, Сониным, самопожертвованием, почему она "пустоцвет, как на картошке"? И почему попытка самопожертвования не принесла счастья княжне Марье? И разве князь Андрей и Пьер воплощают собой образцы самоотречения? И разве Толстой осуждает эгоизм за то, что это стремление к личному благу и наслаждению?

Философам-метафизикам, моралистам и схоластам, выдвигавшим на-первый план "личное благо", но не учитывавшим диалектики личного и общего, Толстой противопоставляет свое понимание этой проблемы. В центре его философии стоит отдельная человеческая личность со своими потребностями, желаниями, интересами. Лев Толстой не верит людям, якобы полностью посвятившим себя обществу и во имя этого служения отречьшимся от личных благ.

Толстому-философу, мягко выражаясь, не очень повезло с интерпретаторами в лице представителей советской философской науки. Можно констатировать две негативные тенденции в подходе к изучению философского мировоззрения писателя – сведение его философии к так называемому "учению" и экстраполяция взглядов позднего Толстого на все его творчество. Так, в "Философском энциклопедическом словаре" (последнем обобщающем труде такого рода), изданном под внушительной редакцией двух академиков и двух докторов наук, статья "Толстой" ... вообще отсутствует, как в первом (1983) издании, так и во втором (1989). Вместо нее мы найдем только словарную статью "Толстовство". Аналогично обстоит дело и в "Философскому словнику" (1986). Выходит, что Л.Н.Толстой как самостоятельный и оригинальный мыслитель вообще не представляет интереса для почтенных авторов словарей, он важен для них лишь как родоначальник известного религиозно-этического учения. В "Философском словаре" под редакцией И.Т.Фролова (1986) есть статья "Толстой", но характеристика философских взглядов мыслителя дана исключительно на основании таких сочинений, как "Исследование догматического богословия" (1880), "Исповедь" (1880-1882), "В чем моя вера?" (1883), "Царство божие внутри нас" (1891), "Путь жизни" (1910), "Что такое искусство" (1897-1898). Получается, что до 1880 г. Толстой вообще не касался философских проблем. Ни слова не сказано об эволюции взглядов писателя, об отражении их в его художественных произведениях.

И все-таки сегодня философия Толстого в ее целостности остается неосвоенной. А между тем Толстому было свойственно этическое видение мира, и каждое его высказывание (философское и художественное) тяготело к завершенности, к тому, чтобы, возможно, стать последним и вобрать в себя весь мир, "захватить все". Поэтому целостность – требование номер один, если мы хотим приблизиться к действительному толстовскому миропониманию. А пока исследователи по старинке искусственно делят Толстого на "раннего" и "позднего" (соответственно – "художника" и "философа"), чему невольно способствовали два недавних переиздания "Пути жизни" (откомментированные и снабженные добротными предисловиями), и в новейших философских монографиях, посвященных Толстому, даже при внимании к художественным произведениям 1860-70-х годов, все еще проявляется старая тенденция редуцировать, сузить толстовскую философию, скажем, до морали: "...свое философское отношение к действительности писатель выражает, главным образом, через мораль (?!). Моральная философия – основное содержание (?!) литературных произведений, их идейный лейтмотив, их интригующая фабула" [17, с.4].

Сила "прямого слова" Толстого была не в словах только (в каких он мог представлять как "скучный, заурядный, хотя и здравомыслящий философ", по характеристике В.Набокова), а в той колоссальной личности, которая просвечивала сквозь самые обыкновенные слова, придавая им авторитет Истины. Потому-то "отделить Толстого-проповедника от Толстого-художника невозможно: все тот же низкий, медлительный голос, то же крепкое плечо, что легко выдерживало и ношу заоблачных видений, и тяжкий груз идей" [12, с.223]. Единство личности автора "Войны и мира" и "Исповеди" — предпосылка внутреннего единства, целостности толстовской философии.

Литература:

1. Никольский А.Н. Завещание мудреца // Толстой Л.Н. Путь жизни. — М., 1993.
2. Словарь по этике / Под ред. А.А.Гусейнова и И.С.Кона. 6-е изд. — М., 1989.
3. Рачин Е.И. Философские искания Льва Толстого. — М., 1995.
4. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. — М., 1996.

Савицкая Л.Л.

ПЕРИОДИКА СЛОБОЖАНЩИНЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА. ЖУРНАЛЫ ПО ИСКУССТВУ

В отличие от Киева и Одессы, Харькову очень долго не удавалось создать печатный орган, способный быть вестником художественной жизни и аккумулировать вокруг себя силы искусства.¹ Издания Б.Одера "Труд и искусство" (1911), и И.Бойко "Друг искусства" (1913) при своем появлении обещали много. Совместив в эстетической ориентации идеи неоромантизма и социализма, журналы вели просветительскую работу, направленную на поддержку нового, яркого в искусстве. Статьи о кубизме, остро критические рецензии на спектакли и выставки предвещали сложение серьезных изданий. Но их намерениям не суждено было сбыться. Коротким оказался и творческий путь журнала поэзии, критики и искусства "Сириус", вышедшего в марте 1916 г. (издатель Е.Р.Шик). Его единственный номер примечателен противоречивым соединением надежды и недоверия, пессимизма повседневного существования и веры в грядущую "новую радость и нового человека"². Свои творческие задачи "Сириус" заявил не столько как программу конкретной деятельности, сколько как мировоззренческую платформу. Для нас в ней интересны акценты, характеризующие общую социокультурную ситуацию России начала XX века. Акценты эти таковы: "...мы живем, верим и чувствуем иначе, чем прежде, мы любим иную красоту, но она еще не узнана... художественный модернизм не зажигает ныне сердце своими размалеванными манекенами... Мы отвергаем фанатизм, односторонность и ослепленность узкой правды... Мы не знаем одного "Да" и одинаковых вкусов.... Мы верим в национальную самобытность русской культурной жизни. Хотим ее освобождения от привычных обезьяньих жестов. В огонь жалкие образцы литературного вкуса с каторжным клеймом на них: "made in west."³

В русской действительности 1910-х годов символизм приобретает статус художественной идеологии и как таковой получает распространение в провинциальных центрах культуры. Харьковские издания начала века, типичный образец этого процесса. Однако его проявления не ознаменовались созданием печатного органа художественной интеллигенции. Намерения харьковчан сделать свой журнал не осуществились. Лишь в 1919 году появился журнал "Творчество", чья деятельность оставила в жизни Харькова незабываемый след. Но прежде чем перейти к нему, остановимся на практически забытом издании "Аргонавты", связанном с Харьковом, но выходившем в Екатеринославле в 1918 году. В нем ярко выразилось

стремление творческой интеллигенции к сохранению духовных и нравственных ориентиров, сформировавшихся в порубежное время и создавших неповторимый климат русской культуры "серебряного века".

Известны два номера "Аргонавтов" и, вполне возможно, что они единственные. В них опубликованы статьи харьковчан Леоноры Блох и Александра Белецкого, киевлянина Бориса Яновского, екатеринославца Михаила Сапожникова, произведения петербуржца Алексея Толстого, одессита Александра Федорова и других деятелей российской культуры. По своей структуре журнал продолжил сложившиеся до революции традиции литературно-художественных изданий, разместив разделы поэзии, прозы и статьи об искусстве. Существенную роль играл отдел хроники, информировавший, по мере возможности, о новостях искусства в России и за рубежом. Главное направление деятельности "Аргонавтов" — эстетическое просвещение. Его необходимость осознавалась как долг и связывала журнал с просветительской традицией никогда не исчезающей из отечественной культуры. Смысл ее в начале века состоял в раскрытии художественной ценности современного искусства. Новые критерии красоты, введенные в практику культуры модерном, а затем авангардом звали к пересмотру традиционных эстетических понятий и взглядов на предназначение искусства и литературы. Споры с Белинским, Добролюбовым и Чернышевским — заметная страница литературно-художественной критики порубежного времени. Симптоматично поэтому появление в "Аргонавтах" статьи будущего украинского академика А.Белецкого "Литература, как искусство". Литература не только зеркало жизни, считал ученый, литература — искусство, которым можно и нужно наслаждаться. Российский же читатель, приученный "уродством политической жизни"⁴ видеть в литературе лишь кафедру проповедника, наслаждаться художественным словом не умел. Именно в этом Белецкий усматривал причину разлада между современной литературой и читателем. Не отрицая ценности идейного наследия Белинского — Добролюбова, Белецкий, однако, соединял понятие "художественность" прежде всего с формой. Именно форма была для него носителем эстетического начала. В этом, как и в рассуждении о важности чувства формы для гармонизации общественных, семейных и других отношений, ошутимо наследие жизнестроительной утопии модерна.

С его духовным нервом-символизмом связано выступление в "Аргонавтах" — живописца и графика М.И.Сапожникова, частого экспонента харьковских выставок. Статья "О символическом творчестве в искусстве" последовательно утверждала преимущества символизма в сравнении с реализмом. Повторяя утверждения русских адептов символизма об апелляции течения к воображению зрителя, Сапожников писал о том, что в произведениях "реального направления, — творит, делает все автор, зритель же пассивно созерцает готовый результат творчества"⁵ Способность символизма превращать восприятие в акт творчества, квалифицирована Сапожниковым как черта демократизма. Более интересным все же представляется творчество Сапожникова, широко представленное в "Аргонавтах". Офорты художника, репродуцированные в журнале, изображают персонажи греческих мифов и символы природных стихий. Выполненные скупой, волнообразной линией, они иллюстрируют символистскую идею о ритме, как связующем с Космосом начале. Статьи А.Белецкого и М.Сапожникова, воспоминания Э.Блох о Родене, содержательные выступления Бориса Яновского, композитора и музыкального критика, определяют серьезный уровень журнала. Помимо издательской деятельности, так же как и известные столичные журналы, "Аргонавты" стремились стать организационным центром культурных событий города.⁶ Эта сфера его деятельности, как и дальнейшая судьба, еще не изучены, можно лишь сказать, что опыт "Аргонавтов" был унаследован журналом "Творчество", выходившем в Харькове в 1919 году⁷ (редактор И.Рабинович). Идеальные основания его программы можно описать как диалог юного российского либерализма, отстаивающего ценности плюрализма с

моноустановкой большевистских культуртрегеров. Тема "революция и искусство", "культура и пролетариат" составили главный нерв этого диалога.

Автономность и самоценность творческого развития как идеологема культуры порубежного времени вступила в конфликт с комплексом политизированных тезисов. Важнейший из них утверждал социальную обусловленность художественного процесса и как его следствие, классовый подход к оценке искусства. Именно его и попытался осмыслить А.Белецкий в цикле статей "Из истории и теории пролетарской литературы". Ученый ставил и решал вопросы, может ли считаться пролетарским искусство, изображающее жизнь рабочих, должно ли пролетарское искусство быть созданным самим пролетариатом, имеет ли черты пролетарской культуры народное творчество, может ли иметь пролетарское искусство свои приемы выражения, технику, стиль. Как историка, А.Белецкого интересовала возможность очертить родословную феномена, и он ее прослеживал от истоков, — раннего христианства. Аналогии между коллективистским духом христианских общин, грезивших о грядущем царстве небесном и большевизмом, прозрачно проступают в текстах Белецкого, но дальнейшего развития не получают. Родословная пролетарской культуры выстраивается с целью показать, что вне культуры прошлого, вне ее традиций искусство пролетариата появиться не могло. При своем рождении "Творчество" свято верило в "облагораживающую и примеряющую роль искусства", в его "ведущее значение в строительстве новой жизни"⁸. Цель деятельности журнал определил как "посылное служение искусству вечному, бережное отношение к его прошлому, отметание всего случайного и временного, борьба со всем заштывшим...искание новых путей и форм..."⁹. И надо отметить, что свою программу журнал выполнил. Традиции классики были представлены в нем снимками с фресок Дуччо, Симоне Мартини, Фра Анжелико и репрезентовали верность издания ценностям нетленным.

Литературно-художественная часть журнала преимущественно посвящена русской поэзии, — произведениям В.Бальмонта, Н.Гумилева, М.Кузьмина, А.Ахматовой, Ф.Сологуба, И.Мандельштама. Из зарубежной литературы заметное место заняла публикация пьесы Р.Роллана "Дантон", созвучная переживаемой эпохе. В содержательных разделах библиографии и новостей искусства встречаем имена известных деятелей русской культуры: А.Горького, Н.Эфроса, С.Радлова. Ориентация издания на художественную жизнь Москвы и Петербурга явно свидетельствовала о тяге метрополии к своим культурным центрам, и шире, к традициям европейской культуры порубежного времени, к ее эстетической насыщенности и историческим рефлексиям, артистизму и напряженному прозреванию будущего. На Слобожанщине "Творчество" оказалось одним из первых изданий, аккумулировавшим эти умонастроения уходящего времени и, одновременно, последним его выразителем.

Ссылки:

¹ Первые заявки художников Харькова на издание своего журнала относятся к 1880-м годам.

² Творческие задачи "Сириуса" // Сириус. - 1 марта. - 1916. - С.3.

³ Там же

⁴ Аргонавты. - №1. - С.16.

⁵ Там же. - С.23.

⁶ Журнал планировал организацию художественных выставок и чтение лекций по истории искусства. Из осуществленного следует назвать организацию музыкального кружка, объединившего профессиональных музыкантов и любителей музыки.

⁷ Весной 1919 года в Харькове выходил еще и "Театральный вестник", организованный театральным комитетом харьковского губернского отдела народного образования. Идеино-эстетическая платформа издания отражала новую большевистскую идеологию, выраженную, в частности, в выступлениях в журнале А.В.Луначарского. Пафос его статьи "Революция и кризис театра", был направлен

против буржуазии и стиля модерн как проводника ее вкусов. Более нейтральным по отношению к идеологии оказался музыкальный дневник, который вел, переехавший в Харьков, Борис Карлович Яновский. Как и другие харьковские издания "Театральный вестник" просуществовал лишь несколько месяцев.

⁸ Творчество - 1919. - № 1. - с.3.

⁹ Там же.

Білик О.М., Білик Я.М.

ІСТОРІЯ ФІЛОСОФІЇ ЯК СЦЕНІЧНА ГРА

Історію філософії можна вивчати не тільки як більш-менш випадковий перелік окремих імен та вчень, але також і як послідовний ряд вистав у своєрідному історичному театрі інтелектуального універсуму, де окремі концепції та особистості філософів подібні до ролей акторів в сценічній драмі.

Це особливо добре помітно в творах, прообразом яких були діалоги Платона, що їх вже Арістотель порівнював з творами мімічних поетів¹, тобто з театром. Софісти Хіппіас, Горгіас, Протагор та й сам Сократ, котрі беруть участь в діалогах, говорять в них не тільки і не стільки те, що вони сказали в дійсності, скільки те, що вони могли і повинні були сказати відповідно до ролі, яку їм долею було визначено грати і в даному діалозі, і в філософії взагалі.

Ще показовішими є діалоги, в яких автори, наприклад Вольтер² або Гердер³, зображають в якості персонажів таких філософів минулого, котрі, не будучи сучасниками, не могли спілкуватись між собою. Але навіть твори, написані в формі трактатів, що давно стало традицією, є видозміненою формою діалога. І не тільки тому, що кожний з них розрахований на певну аудиторію, але насамперед тому, що їх автори, як і автори діалогів, змушені надавати слово іншим персонажам філософської сцени, або цитуючи їх, або полемізуючи з ними. І в цьому автори подібні до кукловода в театрі маріонеток, який говорить голосом то одного, то іншого з персонажів, виконуючи всі ролі по черзі. Тому люди, котрі вивчають якусь проблему, порівнюються з суддями, оскільки повинні вислухати кожного з філософів і тільки тоді зробити висновок⁴.

Тому кожний новий філософський твір є ще однією "постановою" майже одвіку триваючої філософської комедії. Адже хоч Платон і стверджував, що філософи є творцями "трагедії, найпрекраснішої, наскільки це можливо, і найкращої"⁵, але ми більш згодні з Беконом, на думку якого, "скільки є ... філософських систем, стільки поставлено і зіграно комедій, в яких зображались вигадані і штучні світи"⁶.

Таке ставлення до філософії не є чимось винятковим. Можна згадати Сквороду, який не тільки повторював слова Епіктетоса: "Кожна людина є актором у п'єсі, де доля розподілила всі ролі: наш обов'язок — зіграти свою роль гідно, хоч би яка вона не була", але і намагався втілити це в своєму житті. Не випадково ж спосіб життя Сквороди порівнювався з традиційним українським вертепним театром. Стверджують навіть, що ніби незрозуміння цього філософа виникає в наслідок того, що він грав не одну роль, а багато⁷.

Деякі з філософських вчень можна збагнути тільки, коли вони, взаємодіючи з іншими концепціями різного походження і часу, утворюють щось нове. Осягнути всю істину можна, лише зігравши всі можливі варіанти, подібно до Гамлета, котрий усвідомив перебіг подій (вбивство короля⁸) тільки в процесі сценічної гри, на що першим звернув увагу, здається Ніцше⁹. Адже навіть відтворення якогось вчення в інший час може дати щось нове. Так, коли була "відновлена" у Флоренції "платонівська" Академія, це була вже, звісно, не Академія Платона, що існувала в Афінах з 388 року до Р.Х. по 529 рік, як і все Кватроченто не могло бути справжнім відродженням

античності. Це тільки своєрідна гра в античність. Але також не слід ставитись до такої гри занадто негативно, оскільки завдяки їй виник ренесансний неоплатонізм.

Свою ігрову природою філософія споріднена з поезією, яка, на думку Арістотеля, філософічніше історії, оскільки поезія говорить про те, що могло бути, будучи можливим за вірогідністю або необхідністю, тоді як історія — тільки те, що було¹⁰. З цієї причини філософія, будучи реалізацією можливостей, що потенційно є в ній зпочатку, може бути практично безмежно в своєму розвитку, але, разом з тим, не здатна відмовитись від свого минулого.

Посилання:

¹ Арістотель. Поетика, 1447 b 8 - 12.

² Вольтер. Діалоги Еммемероса.

³ Гердер. Декілька діалогів.

⁴ Лукіанус. Хермотім, 47; Феодорос Метохитос. Суміш, розд. Про Плутархоса.

⁵ Платон. Закони, VII, 817 в.

⁶ Бекон. Новий Органон. Афоризми про пояснення природи, XLIV.

⁷ Кримський С. Дух гри і національний дух // Кур'єр Юнеско, 1991, липень. Додаток від української редакції, с. 45.

⁸ Шекспір. Гамлет, II, 2.

⁹ Ніцше. Вагнер в Байройті.

¹⁰ Арістотель. Поетика, 1451 а 38 — 1451 в 7.

Билецкий И.П.

ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

Под онтологией принято понимать учение о бытии, т.е. о некоторой абсолютной реальности, существующей самой по себе независимо от наших представлений о ней. Для того чтобы рассмотреть проблемы и саму возможность универсальной онтологии необходимо понять прежде всего, что может представлять собой такая абсолютная реальность или хотя бы что может претендовать на роль подобной реальности.

К проблеме абсолютного бытия можно подойти со стороны поиска каких-то безусловных начал, представляющих собой абсолютное тождество бытия и знания о нём. Этим занимается такое течение, как феноменология. Поиск истины сводится к поиску таких тождеств. Саму истину основоположник феноменологии, Э.Гуссерль определял как очевидность, т.е. как то, дальше чего невозможно и бессмысленно идти, поскольку оно и есть то, из чего строится всё. Что же можно считать в нашем мире наиболее очевидным? Гуссерль по этому поводу приводит декартово *ego cogito*; т.е. наиболее очевидным в его представлении является Я или трансцендентальное *ego*, определяющее собой внешнюю форму, в которой содержится мир. Трансцендентальное *ego* отлично от эмпирического я, которое является для него таким же внутренним объектом, как и другие объекты внутреннего и внешнего мира.

Онтология (по крайней мере, если брать естественнонаучные и подобные им онтологии) не может также ограничиваться самими эйдическими формами; она всегда требует внутреннего эмпирического и теоретического наполнения. Для того чтобы проанализировать возможность универсальной онтологии необходимо выяснить, что лежит в основе этого наполнения, и проследить генеалогию его понятий и представлений. Как известно, в его основе кроме упомянутых внешних форм (некоторые из которых, такие как причина и следствие в их классическом физическом смысле, вообще не являются универсальными даже для самой физики) лежат кинематические и динамические понятия. Первые связаны с пространственно-временными представлениями; вторые же основаны на понятиях силы, энергии, массы.

Последние три понятия тесно связаны между собой и семантически определяются друг через друга. Однако при этом одно из них можно положить в основу, отдав ему приоритет перед остальными, и в соответствии с чем будет три вида мировоззрения: динамизм, энергетизм и гилокинетизм. Западная физика постоянно колебалась между всеми тремя из них и лишь в XX веке начала всё больше и больше склоняться к энергетизму. Что касается предыдущих этапов её развития, то представляется, что в древности она склонялась более всего к гилокинетизму, а начиная примерно с позднего средневековья постепенно переходила к динамизму, господством которого характеризуется классическая физика. С чем были связаны подобные тенденции?

Ж. Деррида считает, что в основе европейского мировоззрения лежит бинарная оппозиция "логос-письмо". "Логос" является голосом, словом Бога или самого Бытия, т.е. он и есть очевидная и абсолютная истина. "Письмо" — след, отображение логоса. Именно благодаря данной оппозиции, следует полагать, стали возможными древнегреческие спекуляции о бытии со всеми вытекающими из них следствиями. Так, если бытие постоянно (что позднее у Декарта нашло своё отображение в мысли о том, что Бог создал какое-то постоянное количество силы во Вселенной), то отсюда можно вывести следствие о наличии законов сохранения, будь то "Causa aequet effectum" схоластов или принципы сохранения энергии и импульса. Представлений о неизменности не существовало в мировоззрении древних китайцев, напротив, в основе их мировоззрения лежало представление о постоянстве и неизменности самих перемен. Это находит своё отображение в таком произведении древнекитайской мысли как "И-Цзин". Отсюда различие между европейскими и китайскими представлениями о природе: у европейцев — всюду проникающий гилокинетизм, у китайцев — энергетизм. Соответственно, различные результаты познания действительности. Европейская наука приходит к энергетизму только в результате развития квантовой физики. Однако гилокинетизм продолжает господствовать в западном мышлении, что и находит своё отображение в наличии взаимоисключающих интерпретаций квантовой физики, многие из которых теряют свой смысл при отказе от гилокинетизма.

Для понимания возможностей универсальной онтологии много интересного может дать квантовая физика и её интерпретации. Прежде всего следует отметить, что квантовая физика привела к пересмотру роли многих классических представлений, в частности представлений о природе причинности, распределении ролей между субъектом и объектом познания, представлений о природе материи и др. Среди интерпретаций, приведших к такому пересмотру можно назвать принцип дополнительности Н. Бора, концепцию целостности Д. Бома, концепцию бутстрапа, концепцию множественной Вселенной.

Принцип дополнительности, возникший первоначально в качестве интерпретации корпускулярно-волнового дуализма квантового объекта, позднее самим Бором был возведён в ранг универсального онтологического принципа универсума. Данный принцип можно согласовать с общим инструменталистским характером познания. Если понятия и теории — инструменты, то принцип дополнительности просто утверждает, что для разных ситуаций необходимы разные инструменты и, что их несовместимость ни в коем случае не означает противоречия, отрицающего сами инструменты. Абсолютное бытие (знание о котором было бы тождественно ему самому, и в котором относительная истина как частичное соответствие перешла бы в абсолютную очевидность) недостижимо нашему ограниченному познанию, но возможны его отдельные модельные репрезентации.

Холистическая концепция Бома интересна тем, что является непосредственным представлением в понятиях квантовой механики исходного тезиса когерентной концепции истины и древнегреческого тезиса о единстве абсолютного бытия. Данная концепция исходит из представления о постоянной Планка, как пределе для множественного представления универсума и его аналитических интерпретаций.

Это связано с тем, что анализируемость есть действие и предполагает множественность, (и к действию в конечном счёте сводится наличие материи), а постоянная Планка, являясь неразложимым квантом действия, естественным образом кладёт предел множественности. В соответствии с этим вероятностный характер процессов микроуровня обусловлен условностью выделения частей (отдельных квантовых объектов) из целого. Концепция целостности истолковывает т.н. парадокс Эйнштейна, Подольского и Розена, состоящему в корреляции параметров частей распавшейся квантовой системы. Согласно ей целостность квантовой системы сохраняется и после распада квантовой системы. Это будет достаточно абстрактная целостность. С концепцией целостности сходна концепция бутстрапа, согласно которой квантовые объекты состоят друг из друга и переплетены подобно шнуркам (бутстрапу). Аналогом бутстрапу будет китайская парадигма перемен.

В концепции множественной Вселенной просматривается аналогия с постмодернистскими попытками выхода за пределы бинарных оппозиций. Данная концепция основывается на возможности представления волновой функции в виде суперпозиции состояний и редукции к одному из состояний. Если мы возьмём волновую функцию всей Вселенной (собственно говоря только такая волновая функция и является наиболее реальной), то получается, что в принципе может реализоваться любое из состояний, соответствующих тем или иным представлениям о ней, тем или иным онтологиям. Любое из тех, которые не противоречат исходным посылкам. Это показывает, что может быть возможным за пределами бинарных оппозиций.

Будко В.В.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ НАУКИ И БЕЗДУХОВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Одной из важнейших предпосылок европейской науки и рациональности в целом служит философия Платона, провозгласившая разделение мира на внешний изменчивый несовершенный чувственно постигаемый, с одной стороны, и внутренний устойчивый совершенный умопостигаемый, — с другой. Восприятие внешнего изменчивого мира естественно, доступно каждому нормальному человеку и потому обыденно.

Духовность кажется гораздо более постижимой интуитивно, чем выразимой описательно, дискурсивно. Тем не менее, ввязываясь в ее обсуждение, необходимо предъявить интуицию духовности в общезначимой форме, — в описании, определении. Духовностью можно назвать знание творческих способностей человека в преобразовании окружающего мира и себя самого. Это знание касается сущности человека и внешнего мира, т.е. является знанием внутреннего мира. В научном и религиозном вариантах оно удостоверяется чувственно воспринимаемым в преобразовании, что связано с затруднением (подобным одному из парадоксов Нельсона). Если преобразование мира основывается на знании его сущности, а знание сущности мира основывается на его преобразовании, то как возможно знание до преобразования, а преобразование без знания. Наиболее привычный ответ состоит в приписывании знанию гипотетического характера до подтверждения его преобразованием. Тем самым предполагается источник знания, отличный от чувственного восприятия преобразования мира. Гипотетическое знание, предшествующее первым шагам преобразования мира первобытным человеком, приходится считать опирающимся на инстинкт. Гипотетическое знание современного человека приходится обосновывать аналогиями, интуицией и т.д.

Логически не состоятельна надежда на конечный чувственно воспринимаемый источник знания не воспринимаемого внутреннего мира сущностей. Интуиции, аналогии и метафоры мышления в виде комбинаций чувственно воспринимаемого

дают лишь чувственно воспринимаемые миры. И если они отличны от воспринимаемого в опыте, то удостоверимость их вида лишена опытного характера и носит лишь умозрительный, выводной характер.

Претензия науки на достоверное знание мира, отличного от мира обыденного сознания и религии и в то же время удостоверяемого в конечном счете чувственным восприятием, придает ей двойственность. С одной стороны, отрешиваясь от мистики и оккультизма, наука апеллирует к чувственно воспринимаемому и склонна к прагматическому оправданию. С другой стороны, стремясь превзойти наивный реализм обыденного сознания и упрощенные миры религии, она склонна руководствоваться внечувственными средствами удостоверения существования своих умозрительных миров. Когда прагматическое оправдание выглядит лишь в степени, а не качественно отличным от оправдания оккультизма, наука обращается к логико-гносеологическим доводам. Когда такие доводы делают науку неотличимой от произвольных умозрительных спекуляций, она обращается к прагматическим оправданиям. Скрывая свою двойственность, в учебниках наука предстает достоверным знанием подлинного мира, воспринимаемого электронными микроскопами, радиотелескопами и т. п.

Наряду со знанием окружающего мира духовность включает знание собственного мира человека, которое олицетворено психологией, логикой, лингвистикой, антропологией и т. д. Использование в этих областях знания ненаблюдаемых сущностей типа бессознательных комплексов влечений, смысловых связей, эпистем, социумов и т. д. обязывает к удостоверению их существования, без которого они остаются гипотетичными, а человек не убежденным. Убежденность в существовании мира науки, знание которого служит средством раскрытия творческих способностей человека, создает психологическую уверенность, устойчивость духовности.

Если все логико-гносеологические достоинства науки не производят впечатления на вненаучное окружение, остается прагматический аргумент — научно-технический прогресс. Как не поверить в существование электромагнитного поля, если существуют телефоны и радары, или в существование объектов квантовой электродинамики, если существуют лазеры! За веру в свой мир наука платит техникой и технологиями.

Бездуховность лишена избирательности и терпима к претензиям неравноценного на равноценное. На уровне обыденного сознания бездуховность предопределена природными задатками и соответствующим образованием. На уровне научного знания бездуховность обусловлена несовершенством знания: его поверхностностью либо узостью. Поверхностные знания не пригодны для выявления фундаментальных различий альтернатив познания и практики, узкие знания не способны охватить разнообразие таких альтернатив. В обществе есть духовные (разборчивые, изобретательные, целеустремленные) люди обыденного сознания и бездуховные (неразборчивые, подвластные любой идеи, приспособляющиеся) ученые, так же как одухотворенным ученым (создающим новые идеи и их воплощения, способным по достоинству оценить альтернативы и снисходительным к ошибкам других) противостоят бездуховные ученые и масса рядовых людей.

Хотя двойственность науки (связанная с претензией внечувственный мир удостоверять чувственно) не дает достаточной уверенности для духовности, еще меньше ее дают вненаучные знания, уступающие научному знанию в логико-гносеологических характеристиках и практической эффективности. В таком случае обвинение науки в бездуховности с позиции вненаучного знания оправдано лишь в области интуитивно и эмоционально представленных вопросов, которых наука не коснулась либо не в состоянии дать на них ответы. Сама же по себе вненаучные ответы на такие вопросы, не пригодные быть средством преобразования мира, не свидетельствуют о духовности их авторов. Наука ответственна за бездуховность, но средства ее преодоления — в самой науке.

Бондаренко В.И.

ДУХОВНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Когда в начале века авторы извещенного сборника "Вехи" указывали на духовные истоки надвигающейся на Россию смуты, трудно было представить, до какой степени их предостережения окажутся пророческими относительно ее последствий, и, прежде всего для духовной жизни, как отдельной личности, так и всей страны.

Сегодня мы в полной мере можем убедиться не только в точности совпадения масштабов духовно-нравственной катастрофы с глубиной философского профетизма, но и в том, что главными причинами происшедшего действительно являлись проблемы, относящиеся именно к сфере духовного. Понимание этого нашло свое отражение в том общепринятом постулате, из которого сегодня выводится возможность возрождения: восстановим утраченные духовные ценности — решим самые трудные материальные проблемы. Тезис в общем-то правильный, особенно если исходить из очевидной необходимости решения этих проблем, настораживает другое: отсутствие столь же общепризнанной самооценки духовного; не расплатиться бы потом за хлеб насущный ценой, назначенной новым, и уж наверное — последним, "великим инквизитором".

При этих обстоятельствах становится совершенно ясным тот широкий интерес, который проявляется к целому ряду вопросов, относимых к области, определяемой как проблематика духовности. Сегодня трудно назвать какую бы то ни было сферу общественной жизни, где бы не звучало слово "духовность", однако, синтагмы его словоупотребления указывают на то, что понимание его конкретного значения, а, значит, и допустимость использования имеют очень широкий спектр точек зрения, подчас взаимоисключающих.

Проблема намного серьезнее и тоньше внешнего лексико-семантического противоречия, чтобы ее решать исключительно средствами нормативной лингвистики. Вполне очевидна необходимость философского осмысления.

Следует однако заметить, хотя осознание его актуальности в решении данной проблемы не является открытием сегодняшнего дня, предпринятые усилия не могут быть признаны адекватными необходимым результатам: и сегодня в понимании сущности "духовности" не больше ясности, чем десять лет назад.

Прежде чем определить характер причин до сих пор не преодоленных трудностей, обратимся к еще одному конкретному примеру, представляющему попытку идентификации и определения "духовности"... через актуальные контексты. Речь идет о статье С.В. Крымского "Контурь духовности: новые контексты идентификации" ("Вопросы философии", N 12, 1992, стр. 21-28).

Не вдаваясь в подробный анализ статьи, остановимся на тех соображениях автора, которые представляются для нас принципиальными при обсуждении проблем идентификации и определения "духовности". Отметим прежде всего исходную авторскую посылку: он считает, что "проблема духовности связана с укорененностью человека в самоценных, благодатных и творчески первозданных сферах осмысленного бытия. Поэтому она и оказывается созвучной современности..." Не правда ли, возникает выразительная ассоциация: "бытие определяет сознание"... Именно ассоциация, потому что автор счел необходимым не прибегать к столь памятной категоричности в решении так называемого "основного вопроса философии", выдерживал, однако, логику его изложения заявлением: "В наше время нельзя отвлечься от того обстоятельства, что крах социалистического эксперимента... ведет к глобализации рыночных отношений в социально-экономическом развитии современного мира. А подобная глобализация предполагает духовную компенсацию... Соответственно новый импульс получает и исследование духовности".

... Если мы действительно озабочены необходимостью возрождения духовности, мы должны выводить ее смысл, необходимость и актуальность не как

следствие "краха социалистического эксперимента", поскольку сама возможность "эксперимента" была результатом духовного соблазна, предугаданного еще Н.В.Гоголем и Ф.М.Достоевским, а из признания ее абсолютной самоценности, определяемой в духе традиций русской философской мысли серебряного века как исключительно человеческое свойство, заключающееся в способности рефлексировать со своей бессмертной душой, устремленной к Богу. Вернем веру – вернем душу, вернем душу – вернем себе и самих себя, а, значит, обретем истинный смысл и человеческой деятельности, и самой жизни.

Стремление же к "восстановлению духовности" в контексте марксистской мировоззренческой парадигмы – не просто философская или культурологическая ошибка. Это путь к духовному самоубийству, за которым никакая "производственная" и "социально-политическая" деятельность уже не имеют человеческого смысла.

Литература:

1. Лихачев Д.С. Книга беспокойств. – М.: Новости", 1991. – с. 257.
2. "Вопросы философии", N 12, 1992, стр. 21.
3. Там же, стр. 23.

Сумятин В.Н.

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ В ПОИСКАХ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ДУХОВНОСТИ

Давно подмечена инструменталистская амбивалентность техники, проявляющаяся в том, что она одновременно выступает и как основа человеческого существования, и как гибельная, разрушительная сила, угрожающая природной среде, духовной сущности человека, самому его физическому бытию. Очевидной констатацией является также вывод о том, что если в прошлые эпохи темпы развития техники разворачивались с такой скоростью, что человек и отчасти природа успевали адаптироваться к ним, то в XX веке скорость и масштабы технических инноваций и нагрузок значительно превзошли возможности человека. Стремительное развитие техники явилось одной из причин основных кризисов современности: экологического (разрушение природы, нарушение природного гомеостазиса), цивилизационного (неконтролируемые и непрогнозируемые перспективы функционирования и развития социально-политических и экономических структур), антропологического (дегуманизация человека, утрата смыслообразующих идентификаций и ценностных ориентаций).

Специальные исследования, положившие начало философско-методологическому и культурологическому осмыслению техники как сложного, противоречивого феномена индустриальной цивилизации, появились более века назад. В "Размышлениях о технике" Х.Ортега-и-Гассет указывал, что человеческой природе изначально присуща потребность создавать то, что является избыточным, лишним. Техника, по его мнению, и есть производство избыточного, а человек – технический творец переизбытка. В этом, собственно, и заключена проблема, ставшая стержневой для философии техники конца XX века: человек и техника едины в своих истоках, и ключевой момент в их взаимоотношениях – обеспечение человекосоразмерности технического переизбытка, удержание техники и технологии в границах человеческого мира, их обязательная и непрестанная гуманизация.

Американский философ Х.Сколимовски видит стратегическое решение проблемы в радикальном характере изменений в отношениях человека с техникой, в том, что "скорее техника должна быть подчинена человеческому императиву, чем, человек подчинен императиву техническому". "Философия техники, понимаемая как философия человека, – программно излагает свою позицию Х.Сколимовски, –

"настаивает на том, чтобы человек относился с уважением к хрупкому равновесию в природе и давал разрешение лишь на такую инструментализацию мира, которая укрепляет это равновесие, не разрушая его". На смену мировоззрению, утвердившему "количественную" модель образа жизни с установкой на рост потребления, должен прийти, по мнению Сколимовски, альтернативный тип духовности, заботящийся не о количестве, а о качестве жизни человека. Концепцию нового, альтернативного типа духовности, определяемого как "экологическая духовность", Х.Сколимовски излагает в ряде монографий: "Эко-философия: описание новых жизненных тактик" (Eco-philosophy: Designing new tactics for living), "Эко-философия как дерево жизни" (Eco-philosophy as tree of life), "Танцующий Шива в экологический век" (Dancing Shiva in the Ecological Age). Техника и технология в интерпретации Сколимовски - не просто набор средств и правил, но определенный тип сознания, определенный тип отношения к реальности: "когда мы взаимодействуем с миром посредством технологии, мы никогда не думаем, как быть великодушными, сочувствующими или любящими, но всегда - как быть эффективными, контролирующими, напористыми".

По Сколимовски, такой тип сформировался еще в Новое время и представлен научно-рационалистической картиной мира с присущим ей методом объективации ("Йога объективности"). Человек, воспитанный в "Йоге объективности" утрачивает способность к состраданию и сопереживанию. Его сознание сводится к рассудочному мышлению, склонному всегда анализировать, дифференцировать, классифицировать. Экзистенциальное мироощущение, присущее религиозному типу сознания, оказалось вытесненным технологическим сознанием механистического толка. Механистический подход к природе, к Космосу, с точки зрения Сколимовски, вызвал у людей преклонение перед физической силой, культ силы. На смену технологическому сознанию, как считаем Сколимовски, должно прийти экологическое сознание, "экологическая духовность", смыслом которой, по его мнению, является "танцующий Шива". Данный образ — символ развертывания жизни, воссоздания самого себя, частичного саморазрушения с целью саморазвития и создания нового.

В поисках альтернативного пути Сколимовски солидарен с европейской философско-антропологической традицией, рассматривающей человека и его судьбу как исходный момент всякого философствования, как "меру всех вещей" и, соответственно, технику как "часть Бытия человека". Он ссылается не только на Хайдеггера, но и на Шпенглера, который в свое время говорил о том, что "техника - это тактика жизни, внутренняя форма, в которой выражается вонне развитие конфликта - конфликта, тождественного самой жизни".

Однако "техника как тактика жизни", как "система действий, посредством которых человек стремится достичь осуществления внеприродной программы, то есть осуществления самого себя" (Х.Ортега-и-Гассет), представила нам во многом самонадеянные, негуманные, ложные, абсурдные формы бытия человека в мире. Поэтому Сколимовски искренне озабочен проблемой определения "новых перспектив", новых подходов, которые позволили бы "выйти за пределы частичного и пристрастного взгляда на мир научно-технологического Weltanschauung" и обеспечили новую жизненную тактику, т. е. новую, "очеловеченную" технику. С этой целью необходимо создавать и развивать новый род знания, новую дисциплину — культурантропологически и гуманистически ориентированную философию техники, в рамках которой следует переосмыслить дилеммы и проблемы техногенной цивилизации и информационного общества сквозь призму интересов, ценностей и идеалов человека как субъекта истории, как творца истории, а не ее заложника. В первую очередь, полагает Сколимовски, следует развить альтернативную метафизику как основу для размышления о технике. По мнению американского исследователя, разработка подобной метафизики техники — "наиболее волнующая интеллектуальная задача нашего времени с глубоко и далеко идущими практическими следствиями".

Опираясь на предложенную Х.Сколимовски программу формирования "альтернативной метафизики", сформулируем возможные задачи новой философии техники. Альтернативная метафизика призвана во-первых, преодолеть натуралистическое понимание техники.

Во-вторых, новая философия техники должна осуществлять познавательно-методологическую процедуру, позволяющую исключить "понимание техники" в "сущность техники". Понимание техники в разных культурных парадигмах, на различных этапах социокультурного развития существенно менялось, что задавало онтологические параметры и статус техники. Техника в доиндустриальных обществах, в древнегреческой или традиционной китайской культурах, техника в конце XVIII века в Европе или техника в эпоху компьютерной революции — это принципиально различные техники. Поэтому техника может быть осмыслена и интерпретирована только в контексте культурных форм сознания, в контексте замыслов и сценариев, которые и делают технику тем, что она есть.

В-третьих, если мы вводим "понимание техники" в определение ее сущности, то мы имеем дело с техникой не в ее эмпирическом, субстратно-вещественном проявлении, а в качестве артефакта, феномена культуры, который выступает объектом не технических, а гуманитарных наук. Альтернативная метафизика техники при всей условности такого названия заявляет о себе как междисциплинарная область знания.

В-четвертых, альтернативная философия техники, адресованная всем, кто профессионально связан с техникой, призвана критически оценить традиционную научно-инженерную картину мира и предложить новое понимание "техники — человека — природы" как целостной, "живой", экологически безопасной и духовной культуротворческой среды, достаточно благоприятной для развертывания сущностных сил человека, предельно ответственного и осторожного в своих "благих намерениях". Ясно, что новая картина мира уже не может базироваться на идее свободного использования сил, энергий и материалов природы. Поэтому философия техники должна обосновывать и утверждать новые "тактики жизни", апеллируя к инстинктам самосохранения, продумывать и вводить запреты, направленные на снижение деструктивных и энтропийных последствий инженерно-технологических практик. В-пятых, разумеется, мы отдаем себе отчет о том, что альтернативная философия техники — не панацея от всех предрассудков, догм: "идолов" техницизма и тем более от негативных последствий инженерно-технологической экспансии в обозримом будущем. Тем не менее, в современной технике, как в зеркале, человек должен увидеть тупиковый, абсурдный характер устремлений безудержной, замкнутой на себя воли, не способной вырваться из круга сиюминутных и меркантильных интересов. В сущности, "бытие есть драма" (Ортега-и-Гассет), в которой главной проблемой для человека всегда является он сам. Но в переломные, кризисные эпохи человеку удавалось преодолевать границы своего "старого сознания". Поэтому у нас есть надежда, что новая культурантропологически ориентированная философия техники может стать своеобразной прививкой против вируса пагубной самонадеянности технократического мышления, компасом в поисках новых способов общения с миром, таких "жизненных тактик", в которых техника и человек будут партнерами.

РЕКОМЕНДАЦІ

Міжнародної науково-практичної конференції
“Наука і соціальні проблеми суспільства”
 (Харків, 18-19 червня 1998р.)

Підвищений інтерес науковців до соціальних проблем українського суспільства зумовлений цілою низкою факторів. Зокрема, нова Конституція проголосила Україну демократичною і соціальною державою, тобто такою, яка гарантує правовий захист і соціальне забезпечення своїм громадянам, але тривалий процес загальної соціально-економічної кризи загострив такі негативні явища, як масове безробіття, поширення бідності, прогресуюча декваліфікація трудових ресурсів, зростання злочинності (особливо серед молоді), поширення вживання наркотиків, алкоголю, поява асоціальних молодіжних угруповань, підвищення соціального напруження, міжконфесійні суперечки, зростаючу бездуховність, правовий нігілізм. З'явилися групи населення, котрі особливо потребують соціальної підтримки та захисту: люди похилого віку, інваліди, чорнобильці, багатодітні сім'ї, діти-безпритульники, діти-сироти тощо. Спроби державних установ вирішити ці питання превентивними засобами не сприяють у цілому подоланню соціальних проблем суспільства, більш того, вказані соціальні проблеми загрожують набути вибухонебезпечного характеру.

У зв'язку з цим виникла потреба у зміцненні взаємодії органів влади та управління з інтелігенцією, науковцями, у вдосконаленні завдяки цьому соціальної політики як на загальнонаціональному, так і на регіональному рівнях, розробці ефективних технологій її реалізації.

З метою поліпшення взаємодії органів влади, управлінців та науковців учасники конференції вважають за доцільне:

1. Стимулювати створення загальнонаціональних та регіональних соціальних програм на основі міждисциплінарного і міжвідомчого представництва з активним залученням вчених природничого та соціально-гуманітарного секторів науки. Організаційною базою такої взаємодії можуть стати регіональні наукові центри НАНУ і Міннауки України.

2. Передбачити у програмах діяльності науково-координаційних рад при облдержадміністраціях заходи, які пов'язані із вивченням та розв'язанням соціальних проблем регіонів.

3. Створення системи багатоступеневого соціального моніторингу (загальнодержавний, регіональний та місцевий рівні), який охоплював би все коло актуалізованих економічною кризою соціальних проблем, відстежував їх динаміку і тенденції і став інформаційною базою довгострокової соціальної політики держави і регіонів.

4. Враховуючи зростання напруженості на ринку робочої сили, передбачити:
 – розробку конкретних регіональних програм щодо сприяння розвитку самостійної зайнятості (в т.ч. малими групами, сім'єю чи шляхом індивідуальної праці), які б передбачали відповідну нормативну базу і її максимальне спрощення, пільгове кредитування малого бізнесу, розробку та тиражування техніки і технологій для ведення народного господарства;
 – створення сприятливих умов для розвитку недержавних соціальних служб, що має значно поліпшити становище найменш захищених верств населення;
 – розробку на державному рівні концептуальних підходів щодо диференційованої соціальної підтримки різних верств населення.

5. Привернути увагу політичних партій, громадських об'єднань, релігійних громад, організацій діаспори до вирішення соціальних проблем українського

суспільства, необхідності зростання рівня національної самосвідомості, почуття патріотизму і відповідальності, в т.ч. на всіх рівнях управління державою.

6. Переглянути законодавчі акти щодо розвитку в країні благодійної діяльності. Рекомендувати Північно-Східному науковому центру НАНУ і Міннауки зібрати та узагальнити пропозиції науково-культурологічних організацій регіону щодо розробки і вдосконалення цих актів та подати їх у відповідний комітет Верховної Ради України з необхідною науковою аргументацією.

7. Враховуючи значення науки для вирішення соціальних проблем суспільства запропонувати вирішення на державному рівні:

- питання щодо впровадження відкритої конкурсної системи фінансування науково-дослідницьких програм, в т.ч. з гуманітарної тематики;
- питання про введення пільгового оподаткування наукових досліджень та інноваційних проектів, стимулювання підприємців, які активно впроваджують наукові розробки вітчизняних фахівців.

ЗМІСТ

I. СОЦІАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ І НАУКОВІ СОЦІАЛЬНІ ТЕХНОЛОГІ : ТЕОРІЯ І ПРАКТИКА

<i>Лукомський В.Г.</i> ПРО СТАН ТА ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ НАУКОВО-ТЕХНОЛОГІЧНОЇ СФЕРИ УКРАЇНИ	3
<i>Яременко О.О.</i> ДЕЯКІ ПИТАННЯ ДОСЛІДЖЕННЯ СОЦІАЛЬНИХ ПРОБЛЕМ УКРАЇНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА ТРАНСФОРМАЦІЙ- НОГО ПЕРІОДУ	6
<i>Прокопенко І.Ф.</i> ОСВІТА ЯК ЗАСІБ РОЗВ'ЯЗАННЯ СОЦІАЛЬНИХ ПРОБЛЕМ В УКРАЇНІ	11
<i>Бубенко П.Т.</i> ЗАСАДИ ФОРМУВАННЯ РЕГІОНАЛЬНОЇ ПОЛІТИ- КИ ДЕРЖАВИ	13
<i>Бакиров В.С.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХАРЬКОВСКОГО РЕГИОНА И РОЛЬ НАУКИ В ИХ РЕШЕНИИ	17
<i>Якуба Е.А.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ В УКРАИНЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА	23
<i>Бакиров В.С., Кизилов А.И., Навроцкий А.И., Николаевский В.Н., Филинская Л.В.</i> ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО МОНИТОРИНГА ГОРОДСКИХ ПРОБЛЕМ	25
<i>Чернецкий Ю.А., Заричковская М.В.</i> ПРОБЛЕМЫ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ В УКРАИНЕ	31
<i>Безносков М.А.</i> ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСО- ЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЫБОР СТРАТЕГИЙ	34
<i>Куценко О.Д.</i> К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	37
<i>Дивульський Д.Е.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	40
<i>Слесарева М. Л.</i> ВПЛИВ МЕНТАЛЬНОСТІ НА ЕКОНОМІЧНУ ПОВЕДІНКУ	42
<i>Александров А.В., Стороженко О.А.</i> DIRECT-MANAGEMENT АНАЛІЗ АКТИВІЗАЦІЇ ІНВЕСТИЦІЙНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ В АСПЕКТІ НАЛОГОВИХ ВІДНОШЕНЬ	44
<i>Хижняк Л.М.</i> ОРГАНІЗАЦІЙНЕ РІШЕННЯ ЯК ТВОРЧІСТЬ	45

Голик В.И. К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ИНФОРМАЦИОННО-УПРАВЛЯЕМЫХ СИСТЕМ В МАРКЕТИНГЕ	50
Разумовский С.А. СТРУКТУРИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА	53
Кук Н. СОЗДАНИЕ СВОБОДНЫХ АССОЦИАЦИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И МЕТОДЫ	55
Александров В. В., Стороженко О. А. ЗАГАЛЬНИЙ STRATEGIC MANAGEMENT АНАЛІЗ ФОНДОВОЇ БІРЖИ (НА ПРИКЛАДІ ПАРИЗЬКОЇ ФОНДОВОЇ БІРЖИ)	62
Лисица Н.М. РЕКЛАМА КАК НЕПЕРСОНИФИЦИРОВАННЫЙ СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	64
Саппа Н.Н. СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ КАК СУММА ТЕХНОЛОГИЙ	67
Зинчина А.Б. ДИАЛОГ В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	72
Николаевский В.Н., Кабачная О.В. КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЕ КОНФЛИКТЫ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ В ОРГАНЫ ВЛАСТИ УКРАИНЫ	75
Можаровский В.А. ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ	80
Ходько Н.К. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДОВ УКРАИНЫ	84
Свеженцева Ю.А. К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОБСТВЕННИКОВ ЖИЛЬЯ	85
Соболев А.В. КРЕДИТОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛЬЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ	89
Чернецкая Т.Н. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИЙ СРЕДНЕГО КЛАССА	92
Токарева В.И. ГОСПОДСТВО МАСС И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ. К ИСТОРИИ ВОПРОСА	94
Ковальчук Е.П. МАССОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И КОММУНИКАТИВНАЯ ВЛАСТЬ	99
Костенко А.Ю., Полонская Я.Ю., Черница Е.Г. ДИНАМИКА МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ В ХАРЬКОВЕ (январь 1997 — март 1998)	101
Смирнова А.Б. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ЭФФЕКТИВНЫЕ ПРЕДВЫБОРНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ УКРАИНЫ	106

<i>Карасев В.Ю., Зубова В.В.</i> К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ СТРУКТУР В ДЕЗИНТЕГРИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ УКРАИНЫ (ТЕОРЕТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	107
<i>Навроцкий А.И.</i> ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УКРАИНЕ: СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС	110
<i>Гринев С.А., Шеремет И.И.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ХАРЬКОВСКОМ РЕГИОНЕ, ТЕНДЕНЦИИ ЕЕ ИЗМЕНЕНИЯ	112
<i>Дикова-Фаворская Е.М.</i> ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ	116
<i>Яблучанський М.І.</i> ЧИ Є СЕНС ПЕРЕДАВАТИ ГАЛУЗЕВІ ВУЗИ ДО СФЕРИ УПРАВЛІННЯ МІНІСТЕРСТВА ОСВІТИ І ЧИ БУДЕ ВІД ЦЬОГО КОРИСТЬ ДЕРЖАВІ?	117
<i>Курячая М.А.</i> МОЛОДЁЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	119
<i>Ландесман Т.Я.</i> РОЛЕВЫЕ ИГРЫ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО СУБСТИТУТНОГО ПОВЕДЕНИЯ	121
<i>Карпенко Е.И.</i> РОЛЬ ФИЛОСОФСКОГО И МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ПРЕОДОЛЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АЛАРМИЗМА И КОНФОРМИЗМА	123
<i>Клюева Е.С.</i> ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ УЧАСТНИКОВ ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА ЧАЭС	126

II. МІЖДИСЦИПЛІНАРНА ВЗАЄМОДІЯ ПРИРОДНИЧИХ, ТЕХНІЧНИХ ТА СОЦІАЛЬНО-ГУМАНІТАРНИХ НАУК У ВИРІШЕННІ ПРОБЛЕМ СУЧАСНОГО СУСПІЛЬСТВА

<i>Тягло О.В.</i> ТОЛЕРАНТНІСТЬ В СУЧАСНОМУ СВІТІ: ДОСВІД МІЖДИСЦИПЛІНАРНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ	130
<i>Евсеев С.Л.</i> К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ КОНЦЕПЦИЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ	137
<i>Карпенко И.В.</i> МИР НАУКИ И МИР ПОВСЕДНЕВНОСТИ	141
<i>Юркевич Е.Н.</i> ГЕРМЕНЕВТИКА В ДИСКУССИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАУК О ПРИРОДЕ И НАУК О ДУХЕ	144
<i>Воропай Т.С.</i> СУБЪЕКТ, ИСТИНА И ЭТИКА	146
<i>Абашиник В.О.</i> ОСНОВНІ ЗАВДАННЯ ФІЛОСОФІЇ ПРИ ВИРІШЕННІ СЬОГОДЕННИХ ПРОБЛЕМ СУСПІЛЬСТВА	150

<i>Астахова В.І.</i> ДЕЯКІ МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ ВИСВІТЛЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ ІСТОРІЇ	152
<i>Лактіонов О.М.</i> ІСТОРИЧНИЙ ДОСВІД СУЧАСНОЇ ЛЮДИНИ У ПСИХОЛОГІЧНОМУ ВИМІРІ	154
<i>Колесниченко И.М.</i> СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЭКОНОМИКЕ: ОСНОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ	158
<i>Шаповаленко М.В.</i> МОДЕРНІЗАЦІЙНІ ВИТРАТИ СУЧАСНОГО ПЕРЕХІДНОГО СУСПІЛЬСТВА	161
<i>Нетецький Л.Г., Цимбал П.В.</i> МАТЕМАТИЧНО-ПОЛІТОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ ВИБОРЧОГО ПРОЦЕСУ (НА ПРИКЛАДІ НЕВЕЛИКОГО СХІДНОУКРАЇНСЬКОГО МІСТА)	166
<i>Луганский А.М.</i> СДВИГ ПАРАДИГМЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОДВИЖЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	170
<i>Гуськов Ю.А.</i> ИНФОРМАЦИОННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	174
<i>Соболенко К.М., Сук А.Ф., Цехмистро Л.Н.</i> ГУМАНИЗАЦИЯ ФИЗИКИ И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	176
<i>Волянская Е.В.</i> ОБРАЗ ЖИЗНИ И СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ	177
<i>Чугунов В.В.</i> О МОДЕЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕКСУАЛЬНОСТИ	179
<i>Горбунова С.М.</i> ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ВАЛЕОЛОГИИ И ВАЛЕОФИЛОСОФИИ	181
<i>Івицький І.Р.</i> ВИМІРЮВАННЯ ЯК ІНСТРУМЕНТ ПІЗНАННЯ НАУКОВИХ І СОЦІАЛЬНИХ ОБ'ЄКТІВ	184

ІІІ. НАУКА І СОЦІАЛЬНО-ПРАВОВІ ПРОБЛЕМИ

<i>Балакірева О.М.</i> НЕРІВНІСТЬ ЖИТТЄВИХ МОЖЛИВОСТЕЙ ЯК ПРОБЛЕМА СОЦІАЛЬНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ	185
<i>Венедиктов В.С.</i> РОЛЬ ТРУДОВОГО ПРАВА В РАЗВИТІИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА	188
<i>Логвиненко А.С.</i> ВОСПРИЯТИЕ И ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ	190
<i>Матюхіна Н.П.</i> УПРАВЛІННЯ БЕЗПЕКОЮ ПЕРСОНАЛУ ПРАЦІВНИКІВ ОРГАНІВ ВНУТРІШНІХ СПРАВ: ЗАГАЛЬНІ ПІДХОДИ	193

<i>Рущенко И.П., Ярмыш О.Н.</i> КРИМИНОГЕННАЯ СИТУАЦИЯ: МЕТАФОРА ИЛИ ПРОГРАММА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ?	195
<i>Соболев В.О., Кобзін Д.О.</i> СОЦІОЛОГІЧНІ МЕТОДИ ВИМІРЮВАННЯ СТАНУ ДИСЦИПЛІНИ ТА ЗАКОННОСТІ В ОРГАНАХ ВНУТРІШНІХ СПРАВ	197
<i>Шаповал В.Н.</i> МНОГОМЕРНОСТЬ БЫТИЯ ПРАВА	199
<i>Шевченко Л.А.</i> ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА	201
<i>Тюрина В.А.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРАВОНАРУШЕНИЯ	206
<i>Слоан П.</i> СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩЕНИЯ	207
<i>Мартиненко О.А.</i> РОЗРОБКА НАУКОВИХ ЗАСАД КОНТРОЛЮ ЗА ДОТРИМАННЯМ ЗАКОННОСТІ В ДІЯЛЬНОСТІ ПРАВООХОРОННИХ ОРГАНІВ	210
<i>Сердюк О.О.</i> ОСОБЛИВОСТІ МОТИВАЦІЇ ВЖИВАННЯ СПИРТНИХ НАПОЇВ: ДОСВІД СОЦІОЛОГІЧНОГО ВИВЧЕННЯ	212

IV. НАУКА І ДУХОВНІСТЬ У СУЧАСНОМУ СУСПІЛЬСТВІ

<i>Цехмістро І.З.</i> ПОСТМОДЕРНІЗМ І РЕЛЯЦІЙНИЙ ХОЛІЗМ — НЕСПОДІВАНА ЗУСТРІЧ НА ВІСТРІ ПРОБЛЕМИ ДУХОВНОСТІ	215
<i>Штанько В.И.</i> СИТУАЦИЯ ПОСТМОДЕРНА: ОТ ЛИНЕЙНОГО МЫШЛЕНИЯ К НЕЛИНЕЙНОМУ В ЕСТЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ	224
<i>Леонтьева В.Н.</i> ЛИЧНОСТНОЕ БЫТИЕ КАК КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКАЯ СВОБОДА	228
<i>Коваленко Е.А.</i> САМОВДОСКОНАЛЕННЯ ЯК ОДНА ІЗ ФОРМ ДУХОВНО-МОРАЛЬНОГО РОЗВИТКУ ОСОБИСТОСТІ	231
<i>Суковатая В.А.</i> ОБРАЗ "ДРУГОГО" В ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ КРОС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	232
<i>Козыменко Л.</i> О ВЗАИМОДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ НАУКИ И МИФА В КОНЦЕПЦИИ Ю ЛОТМАНА	235
<i>Гетало Т.Е.</i> ОНТОЛОГИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ	237
<i>Байтальский М.Ю.</i> ЭКЛЕКТИЗМ НАУКИ И УНИТАРНОСТЬ МИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА	238
<i>Гордевский Д.В.</i> ТЕОЛОГИЯ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ КАК ПРООБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ	239

<i>Боцман Я.В.</i> ДИАЛОГ КУЛЬТУР ВОСТОК – ЗАПАД И ПРОБЛЕМА ДУХОВНОСТИ	241
<i>Щеблыкина Т.В.</i> ИСТОКИ ЭВОЛЮЦИИ КУЛЬТУРЫ ТАНЦА КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ФЕНОМЕНА ФОЛЬКЛОРА	242
<i>Чепелюк Ю.В.</i> ЕДИНОЕ И МНОЖЕСТВЕННОЕ В ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВЕ И АРХИТЕКТУРЕ	244
<i>Соловьева О.С.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ВЗГЛЯДА НА ПРИРОДУ КАК ФАКТОРА ИССЛЕДОВАНИЙ ИСКУССТВА АРХИТЕКТУРЫ	245
<i>Антонов В.Л.</i> НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА)	247
<i>Шубович С.А.</i> МИФОПОЭТИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА	249
<i>Свирчевская А.В.</i> СИЛУЭТНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ В ИСКУССТВЕ И АРХИТЕКТУРЕ	251
<i>Трегуб Н.Е.</i> РЕГИОНАЛЬНАЯ ЦВЕТОВАЯ КУЛЬТУРА В ФОРМИРОВАНИИ АРХИТЕКТУРНОГО КОНТЕКСТА	253
<i>Фондорко Е.Е.</i> ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО РАЗНОКООРДИНАТНЫХ СИСТЕМ	254
<i>Алексеевко А.П.</i> ЖІНОЧЕ НАЧАЛО У ДУХОВНОСТІ УКРАЇНСЬКОГО ЕТНОСУ	256
<i>Тарасенко И.В.</i> РАЗВИТИЕ ЖЕНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ДУХОВНОСТЬ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХИ	259
<i>Каляжний В.Н.</i> ФИЛОСОФИЯ НА ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОМ ПУСТЫРЕ	262
<i>Красиков М.М.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ФИЛОСОФИИ Л.Н.ТОЛСТОГО	264
<i>Савицкая Л.Л.</i> ПЕРИОДИКА СЛОБОЖАНЩИНЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА. ЖУРНАЛЫ ПО ИСКУССТВУ	266
<i>Білик О.М., Білик Я.М.</i> ІСТОРІЯ ФІЛОСОФІЇ ЯК СЦЕНІЧНА ГРА	269
<i>Билецкий И.П.</i> ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ	270
<i>Будко В.В.</i> ДВОЙСТВЕННОСТЬ НАУКИ И БЕЗДУХОВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	272
<i>Бондаренко В.И.</i> ДУХОВНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ	274
<i>Сумятин В.Н.</i> ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ В ПОИСКАХ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ДУХОВНОСТИ	275

НАУКА І СОЦІАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ СУСПІЛЬСТВА

Відповідальні редактори: д-р соц. н. проф. Бакіров В.С. (I розділ); д-р соц. н. проф. Соболев В.О. (III розділ); д-р філос. н. проф. Тягло О.В. (II розділ); д-р філос. н. проф. Цехмістро І.З. (IV розділ); канд. екон. н. доц. Александров В.В. (I розділ)

Підписано до друку Формат Папір
Друк офсетний. Умовних друк. арк. 21,75. Облік-вид. арк.
Тираж 500 прим. Зам. № Ціна договірна. *10 грн.*

ХДУ, Україна, 310077, Харків, пл.Свободи 4
Видавничий центр ХДУ.

Комп'ютерний набір, верстка, оригінал-макет і тиражування ЧП "Твіст"
г.Харьков, ул.Котлова 42.